

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Учреждение образования
“Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины”

Е.В.НИЧИПОРЧИК

ИСТОРИЯ РИТОРИКИ

АНТИЧНЫЙ ПЕРИОД

ХРЕСТОМАТИЯ

**Допущено Министерством образования
Республики Беларусь
в качестве учебного пособия
для студентов филологических
специальностей вузов**

Гомель 2004

УДК 87 – 5 (075.8)
ББК 83.73 Я 73
Н 705

Рецензенты: Л.А.Мурина, доктор педагогических наук, профессор
И.П.Кудреватых, доктор филологических наук, профессор

Ничипорчик Е.В.
История риторики. Античный период. Хрестоматия: Учебное пособие для студ. филол. спец. вузов / Ничипорчик Е.В. – Гомель: УО “ГТУ имени Франциска Скорины” – 150 с.

Н 705

Хрестоматия даёт возможность изучения истории становления и развития риторики в период античности на материале речей знаменитых ораторов античного периода и текстов риторических трактатов античных мыслителей.

Предназначена для студентов филологических факультетов, изучающих историю античной риторики как специальный курс, а также для всех, кто желает приобщиться к знанию эстетических идеалов и риторических концепций одного из самых значительных периодов в развитии искусства ораторского слова.

УДК 87 – 5 (075.8)
ББК 83.73 Я 73

© Ничипорчик Е.В.
© Учреждение образования “Гомельский государственный университет им. Ф.Скорины, 2004

ВВЕДЕНИЕ

История риторики является неотъемлемой частью учебного курса одной из древнейших наук, изучающей искусство организации живого общения. Науке о красноречии уже более двух с половиной тысяч лет, однако многие идеи античных риторик сохраняют актуальность и являются собой концептуальную базу современных риторических учений. По этой причине наилучшим способом постижения основ риторического знания представляется изучение первоисточников (в самом широком смысле этого слова). Обращение к первоисточникам позволяет не только постичь азы риторического знания, но и оценить по достоинству незаурядность способностей и исследовательский гений тех, кто стоял у истоков зарождения риторики как особого вида практической деятельности и как науки о мастерстве осуществления этой деятельности.

Настоящая хрестоматия представляет собой учебное пособие, которое даёт возможность студентам изучить историю становления и развития риторики античного времени с опорой на тексты речей великих ораторов древности, тексты научных трудов античных мыслителей. Автор издания не ставит перед собой задачи дать к текстам исчерпывающие комментарии: комментарий материал служит лишь ориентиром для самостоятельного наблюдения, самостоятельного поиска идей, что в максимальной степени способствует развитию аналитических способностей у тех, кому адресовано пособие.

К изучаемым текстам приводятся два вида комментариев (их подача осуществляется разными шрифтами). Один комментарий позволяет помещать получаемые знания в общую систему сведений по истории риторики. Второй комментарий касается непосредственно текста: в этом комментарии содержится указание на время создания, композиционные особенности текста, по необходимости конкретизируется авторский замысел.

Ключом к осмыслению прочитанного, а следовательно, к познанию являются послетекстовые вопросы. Работа над вопросами (она может осуществляться студентами как самостоятельно, так и под руководством преподавателя) – главная гносеологическая пружина, развивающая у студентов наблюдательность, подталкивающая их к размышлению, способствующая формированию у них своего видения проблемы. На выработку у студентов риторических умений и навыков ориентированы дополнительные задания к тестам.

Все материалы, представленные в хрестоматии, группируются в два раздела, выделяемые в соответствии с периодизацией античной риторики. Период классицизма представлен шестью темами, изучение которых позволит проследить, как формировался античный риторический идеал. Здесь мы знакомимся с историей становления жанров ораторских речей, именами наиболее ярких представителей ораторского мастерства Древней Греции. Последняя тема в цикле тем о классицизме посвящена изучению самого значительного сочинения по теории риторики эпохи классицизма – трактата Аристотеля “Риторика”.

В эпоху эллинизма самой яркой фигурой среди практиков красноречия явился римский оратор Марк Туллий Цицерон, изучению его творчества посвящена первая из двух тем, представляющих эпоху эллинизма. Студенты имеют возможность познакомиться с текстом одной из катилинарий Цицерона, представляющих тематический цикл речей, посвящённых разоблачению заговора Катилины, а также получить представление о содержании риторических трактатов великого римского оратора. Вторая тема содержит материалы самого объёмного античного сочинения об ораторском искусстве, написанного авторитетнейшим римским специалистом в области красноречия Марком Фабием Квинтилианом.

Каждый из тематических блоков, включающих хрестоматийные материалы, вопросы и задания к текстам, завершается списком литературы, которая использовалась при подготовке комментариев и рекомендуется студентам для самостоятельного изучения.

Автор надеется, что данное учебное издание поможет студентам обогатить себя знанием ярчайших памятников ораторской практики и научной риторической мысли эпохи античности.

КЛАССИЦИЗМ

ТЕМА 1. РАЗВИТИЕ ИСКУССТВА ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО ДИАЛОГА В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Диалектикой в Древней Греции называлось искусство ведения спора, беседы. Гениальным открытием древнегреческих мудрецов была идея применения диалогической формы изложения воззрений на мир первоначально как наиболее эффективного технического метода убеждения партнёра по общению, а затем в качестве метода поиска истины. Последующие поколения унаследовали эту идею и определили диалектику методом познания сути вещей.

У истоков зарождения и развития искусства диалектического диалога стоят софист **Протагор**, слывший мудрецом и непревзойденным спорщиком философ **Сократ**, а также ученик Сократа – **Платон**.

Впервые устное слово было осмыслено как средство необыкновенной воздействующей силы софистами, представителями сложившейся в Древней Греции в V в. до н.э. школы философов-просветителей. Софисты (от греч. *sophistēs* – искусник, мудрец) поражали толпу способностью доказывать в споре верность своего мнения. Победа в словесном состязании, по существу, была превращена софистами в самоцель. Справедливым или несправедливым было мнение победившего, то есть того, чья речь показалась убедительнее, представлялось делом второстепенным, ибо квинтэссенцию философии софистов составляла идея “человек есть мера всех вещей”.

Софиста Протагора (ок. 480 – 410 гг. до н. э.), провозгласившего эту идею, считают первым теоретиком диалогической формы изложения: “Он первым сказал, что о всякой вещи есть два мнения, противоположных друг другу. Из них он составил диалог, первым применив этот способ изложения” [3, с.34]. По-видимому, Протагор понимал, что диалогическая форма “вытекает из противоречий, лежащих в глубине самих вещей” [3, с.34], однако ошибался, что всё одинаково можно и утверждать и отрицать.

Преодолеть крайности софистического подхода к назначению диалога удалось Сократу (ок. 410 – 399 гг. до н.э.). Имя этого древнегреческого философа впоследствии стало олицетворением мудрости. Сократ стал подлинным основателем “диалогического способа речи о мире”, “того метода познания, анализа и восприятия мира, который принято со времён греческой классики называть диалектическим” [5, с. 42].

Сократ критиковал софистов за игнорирование ими истины в споре, за использование ими с целью победы над противником всевозможных ухищрений: словесной игры, логических уловок. Спор, по мнению Сократа, не должен быть непременно “агональным”, то есть направленным на конфронтацию спорящих сторон и победу над противником, которую необходимо достичь любым путём. Спор должен служить целям поиска истины, а в более широком контексте и целям воспитания человеческой души, целям познания мира. При ведении диалогов со своими оппонентами Сократ преднамеренно уклонялся от категоричных утверждений, принижал себя и превозносил своих противников, и, хотя за этим возвеличиванием нередко стояла скрытая насмешка, незлобная критика, такого рода методики речевого воздействия способствовали снятию противоречий, превращению агонального спора в конструктивный диалог.

Использование Сократом в беседах и спорах подобных методик, а также его знаменитой майевтики (метода искусной постановки вопросов, подводящих к открытию истины) было подчинено одной главной задаче – “зарождению и росту в душах людей высшего знания” [3, с.87]. Майевтика Сократа явилась тем инструментом, который стал осознаваться не только как искусный метод убеждения, но и как метод совместного продвижения к истине. Сократовский метод организации диалога, по мнению исследователей, стал одним из первых в истории европейской культуры образцов эвристического педагогического диалога [5, с. 46].

Утверждение нового “способа речи о мире”, а по существу, и нового риторического идеала происходит в диалогах Платона (428 или 427 – 348 или 347 гг. до н.э.). Диалоги Платона являют собой высокохудожественные произведения, написание которых относится к рубежу V – IV вв. до н.э. Платон знакомит читателей со своим видением мира, своими эстетическими идеалами в новаторской для того времени форме изложения философских воззрений – форме диалога как жанра художественной прозы.

Представляя своего учителя Сократа одним из участников описываемых диалогов, Платон устами Сократа отвергает прежнюю (софистическую) риторику, потому что в ней “внешнее”, “удовольствие” и “мнение” ценятся выше “истины”, “добродетели” и “реальности” [1, с.30]. Утверждаемый Платоном риторический идеал связывается с убеждением с помощью истины и в истинном, с поиском смысла в объяснениях сущего, а не с противоборством мнений, приводящим к хаосу и торможению процессов познания. Краеугольным камнем платоновской эстетики красноречия становится гармония – гармония отношений между участниками общения, а также гармония самой речи, проявляющаяся в соразмерности и согласованности всех её частей.

Диалоги Платона занимают особое положение в античном риторическом наследии. Благодаря этим произведениям мы имеем ныне возможность познакомиться с мировоззрением идейного вдохновителя Платона – Сократа, человека, для которого истина была дороже громкого имени, признания и даже жизни, педагога и мыслителя, который не оставил после себя записей, однако вошёл в историю философской мысли как новатор, изменивший представления людей о назначении диалога и открывший новый путь к познанию истины.

В хрестоматии приводятся фрагменты диалогов “Горгий”, “Федр”, а также фрагмент “Апологии Сократа”, единственного произведения, написанного не в диалогической форме.

ПЛАТОН

Горгий

Участниками диалога являются реальные исторические лица: Сократ, известнейший софист Горгий, ученик Горгия Пол, молодой аристократ, пресыщенный юнец Калликл, приятель Горгия Херефонт. Все собрались, чтобы побеседовать о сущности красноречия, а также о том, как следует жить – в “роскоши”, “своеволии” и “свободе” (позиция Калликла) или в “воздержанности”, “справедливости” и “законности” (позиция Сократа). Понимание счастья и добродетели, нравственный выбор каждой из спорящих сторон оказывается тесно связанным с решением вопроса о предназначении красноречия, вопроса о том, чему и как следует наставлять граждан.

Сократ.⁴⁵² [...] объясни, что ты имеешь в виду, говоря о величайшем для людей благе и называя себя его создателем.

Горгий. То, что поистине составляет величайшее благо и даёт людям как свободу, так равно и власть над другими людьми, каждому в своём городе.

Сократ. Что же это, наконец?

Горгий. Способность убеждать словом и судей в суде, и советников в Совете, и народ в Народном собрании, да и во всяком ином собрании граждан. Владея такую силой, ты и врача будешь держать в рабстве, и учителя гимнастики [...].

Сократ.⁴⁵³ Вот сейчас ты, Горгий, по-моему, ближе всего показал, что ты понимаешь под красноречием, какого рода это искусство; если я не ошибаюсь, ты утверждаешь, что оно – мастер убеждения: в этом вся его суть и вся его забота. Или ты можешь сказать, что красноречие способно на что-то большее, чем вселять убеждение в души слушателей?

Горгий. Нет, нет, Сократ, напротив, по-моему, ты определил вполне достаточно: как раз в этом его суть.

Сократ. Тогда слушай, Горгий. Я убеждён, – не скрою от тебя, – что если есть люди, которые ведут беседы, желая понять до конца, о чём идёт речь, то я один из их числа. Полагаю, и ты тоже.

* * *

Сократ.⁴⁵⁶ [...] Это меня и изумляет, Горгий, и потому я снова спрашиваю, что за сила в красноречии? [...].

Горгий. Если бы ты знал всё до конца, Сократ! Ведь оно собрало и держит в своих руках, можно сказать, силы всех искусств! [...] если бы в какой угодно город прибыли оратор и врач и если бы в Народном собрании или в любом ином собрании зашёл спор, кого из двоих выбрать врачом, то на врача никто бы и смотреть не стал, а выбрали бы того, кто владеет словом [...] потому что не существует предмета, о котором оратор не сказал бы перед толпою убедительнее, чем любой из знатоков своего дела. Вот какова сила моего искусства.⁴⁵⁷ [...] Оратор спо-

собен выступать против любого противника и по любому поводу так, что убедит толпу скорее всякого другого; короче говоря, он достигнет всего, чего ни пожелает.

* * *

Сократ.⁴⁵⁸ Тогда слушай, Горгий, что в твоих утверждениях меня изумляет. Возможно, впрочем, что говоришь ты верно, да я неверно понимаю. Ты утверждаешь, что можешь сделать оратором всякого, кто пожелает у тебя учиться?

Горгий. Да.

Сократ. Но конечно, так, что в любом деле он приобретёт доверие толпы не наставлением, а убеждением?

Горгий.⁴⁵⁹ Совершенно верно.

Сократ. Ты утверждал только сейчас, что и в делах, касающихся здоровья, оратор приобретёт больше доверия, чем врач.

Горгий. Да, у толпы.

Сократ. Но “у толпы” – это, конечно, значит у невежд? Потому что у знатоков едва ли он найдёт больше доверия, нежели врач.

Горгий. Ты прав.

Сократ. Если он встретит большее доверие, чем врач, это значит большее, чем знаток своего дела?

Горгий. Разумеется.

Сократ. Не будучи при этом врачом, так?

Горгий. Да.

Сократ. А не врач, понятно, не знает того, что знает врач.

Горгий. Очевидно.

Сократ. Стало быть, невежда найдёт среди невежд больше доверия, чем знаток: ведь оратор найдёт больше доверия, чем врач. Так выходит или как-нибудь по-иному?

Горгий. Выходит так – в этом случае.

Сократ.⁴⁵⁹ Но и в остальных случаях перед любым иным искусством оратор и ораторское искусство пользуются таким же преимуществом. Знать существо дела красноречию нет никакой нужды, надо только отыскать какое-то средство убеждения, чтобы казаться невеждам большим знатоком, чем истинные знатоки.

* * *

Сократ.⁴⁶² [...] Ты спрашиваешь, что это за искусство, на мой взгляд?

Пол. Да.

Сократ. Сказать тебе правду, Пол, по-моему, это вообще не искусство.

Пол. Но что же такое, по-твоему, красноречие?

Сократ. Вещь, которую ты, как тебе представляется, возвысил до искусства в своём сочинении: я недавно его прочёл.

Пол. Ну, так что же это всё-таки?

Сократ. Какая-то сноровка, мне думается.

Пол. Значит, по-твоему, красноречие – это сноровка?

Сократ. Да, с твоего разрешения.

Пол. Сноровка в чём?

Сократ. В том, чтобы доставлять радость и удовольствие.[...]

Сократ.⁴⁶⁵ [...] Что я понимаю под красноречием, ты теперь слышал: это как бы поварская сноровка не для тела, а для души.

* * *

Калликл.⁴⁹¹ Как же ты её понимаешь, власть над собой?

Сократ. Очень просто, как многие: это воздержанность, умение владеть собой, быть хозяином своих наслаждений и желаний.

Калликл. Ах ты, простак! Да ведь ты же зовёшь воздержанными глупцов!

Сократ. Как это? Всякий признаёт, что глупцы тут не при чём.

Калликл. Ещё как при чём, Сократ! Может ли в самом деле быть счастлив человек, если он раб и кому-то повинуется? Нет! Что такое прекрасное и справедливое по природе, я скажу тебе сейчас со всей откровенностью: кто хочет прожить жизнь правильно, должен давать полнейшую волю своим желаниям,⁴⁹² а не подавлять их, и как бы ни были они не обузданы, дол-

жен найти в себе способность им служить (вот на что ему и мужество, и разум!), должен исполнять любое своё желание. [...]

Ты уверяешь, Сократ, что ищешь истину, так вот тебе истина: роскошь, своеволие и свобода – в них и добродетель и счастье [...], а всё прочее, все ваши красные слова и противные природе условности, – никчёмный вздор.

* * *

Сократ. ⁵⁰² Ну вот, стало быть мы обнаружили особый вид красноречия – для народа, который состоит из людей всякого разбора: из детей, женщин, мужчин, рабов и свободных. Особенно восхищаться мы этим красноречием не можем, потому что сами называем его льстивым угодничеством.

Калликл. Совершенно верно.

Сократ. Хорошо. А красноречие для народа – в Афинах и других городах, который состоит для свободных мужчин, как о нём будем судить? Кажется ли тебе, что ораторы постоянно держат в уме высшее благо и стремятся, чтобы граждане, внимая их речам, сделались как можно лучше, или же и они гонятся за благоволением сограждан и ради собственной выгоды пренебрегают общей, обращаясь с народом как с ребёнком – только бы ему угодить! – и вовсе не задумываясь, станет ли он от этого лучше или хуже?

Калликл. ⁵⁰³ Это вопрос не простой, не такой, как прежние. Есть ораторы, речи которых полны заботы о народе, а есть и такие, как ты говоришь.

Сократ. Достаточно и того! Если и красноречие двойственно, то одна его часть должна быть самою угодливостью, постыдным заискиванием перед народом, а другая – прекрасным попечением о душах сограждан, чтобы они стали как можно лучше, бесстрашной защитой самого лучшего, нравится это слушателям или не нравится. Но ведь такого красноречия ты никогда и не видел! Если ты всё же можешь назвать подобного человека среди ораторов, скорее говори, чтобы и мне знать, кто это такой.

Калликл. Но клянусь Зевсом, среди нынешних я не могу назвать никого.

* * *

Сократ. ⁵²⁷ Итак, поверь мне и следуй за мной к цели, достигнув которой ты будешь счастлив и при жизни, и после смерти, как показывает наша беседа. И пусть другие презирают тебя, считая глупцом, пусть оскорбляют, если вздумается, пусть даже бьют, клянусь Зевсом, перенеси спокойно и позор, и побои: с тобою ничего не случится дурного, если ты поистине достойный человек и предан добродетели.

А потом, когда мы оба достаточно в ней утвердимся, тогда лишь, если сочтём нужным, примемся за государственные дела или подадим свой совет в ином деле, какое бы нас ни привлекло. Тогда мы будем лучшими советчиками, чем ныне, ибо стыдно по-мальчишески хвататься и важничать, когда без конца меняем свои суждения, и притом о вещах самых важных.

⁵²⁷ Вот до какого невежества мы дошли!

Давай же изберём в наставники то суждение, которое открылось нам сегодня и которое показывает, что это путь в жизни – наилучший; давай и жить и умирать, утверждаясь в справедливости и всякой иной добродетели.

Печатается по изданию: Платон. Собрание сочинений: В 4 т. / Акад. наук СССР. Ин-т философии – М.: Мысль, 1990. – Т. 1. – С. 484, 488, 491–492, 495, 532–533, 546–547, 576.

Вопросы и задания к текстовым фрагментам

1. Что, по мнению софистов, позволяет овладеть сознанием толпы и манипулировать ею?
2. Какова конечная цель софиста в любом споре?
3. Как вы понимаете слова Сократа: “...есть люди, которые ведут беседы, желая понять до конца, о чём идёт речь”?
4. В каких словах Сократ выражает ироническое отношение к риторическому идеалу софистов?
5. Почему Сократ не считает софистическую риторику искусством и уподобляет её “поварской сноровке”?

6. В чём заключается “новаторская дерзость” софистов?
7. Какие ценные для организации общения людей категории, имевшие особую значимость в практике софистического красноречия, позволяли софистам иметь настоящий успех в ораторском деле? В чём же “грех” софистов? Почему Сократ обвиняет софистов в невежестве?
8. Каким, по мнению Сократа, должен быть человек, претендующий на то, чтобы быть наставником сограждан, иметь право на речь перед народом?
9. В чём вы видите специфику ведения беседы Сократом? Что вы можете сказать о характере Сократа по его манере общения с людьми?
10. Найдите во фрагментах текста диалога примеры мейозиса (нарочитого занижения самооценки), “поддакивания” собеседнику, закрытые вопросы, требующие ответа “да”. Определите функции этих элементов беседы.

Дополнительные задания и информация к размышлению

1. Изучите содержание наиболее популярных у читателей газетных и журнальных изданий и наименее пользующихся спросом периодических изданий. Какими средствами “игры” с читателями пользуются журналисты, чтобы привлечь массовый интерес к своей газете или своему журналу? Не есть ли это софистический подход к организации общения?
2. Попробуйте убедить четырнадцатилетнего курящего подростка в том, что ему необходимо избавиться от вредной привычки. Какими критериями вы будете руководствоваться при выборе аргументов и определении степени их воздействующей силы? Как вы думаете, изменилось бы отношение у подростка к сказанному вами, если бы вы организовали беседу с ним не как студент филологического факультета, а как врач?
3. Потренируйтесь в ведении сократической беседы, поставив целью своей речи разъяснение собеседнику того, что есть, по вашему мнению, добродетель, а что – зло.

ПЛАТОН

Федр

Написание диалога “Федр” относится к зрелому периоду творчества Платона. Это одно из наиболее высокохудожественных произведений философа, которое явилось к тому же и наиболее значимым для развития античной теории красноречия платоновским сочинением. Диалог “Федр” по праву считают первым написанным в диалогической форме учебником риторики, отражающим диалектический метод познания, руководством по красноречию, содержащим “в свёрнутом виде практически весь комплекс основных идей “Риторике” Аристотеля” [5, с.42]. В “Федре” мы найдём “и определение красноречия [...], и образцы речей, и их анализ, и основы эстетики речи, и основы риторического канона – этапов изобретения и расположения, и, наконец, основы учения о речевой ситуации” [4, с.25].

Участниками диалога являются Сократ и юноша Федр. Они говорят о любви, и Сократ искусным ведением диалога демонстрирует своему ученику то, как можно подвести человека к знанию истины в процессе беседы. Более того, Сократ указывает своему ученику на преимущества беседы как метода познания сути вещей перед письменными источниками знания. Таким образом, речь идёт не только о любви и не столько о ней, сколько о речах, направленных на поиски истины, и принципах организации таких речей.

Сократ и Федр анализируют три речи о любви: 1) речь софиста Лисия (текст которой приносит с собой Федр) – с неверным тезисом, риторически несовершенную, лишённую гармонии, беспорядочную; 2) речь Сократа – с ложным тезисом, однако соответствующую правилам организации речей; 3) вторую речь Сократа – действительно образцовую, открывающую истину о предмете и безупречную в плане организации.

В хрестоматии приведены фрагменты диалога, позволяющие осмыслить риторический идеал Сократа и познакомиться с наиболее ценными идеями, связанными с понятиями “способы мысли о предмете” и “достоинства речи”.

Сократ. ²⁵⁹ Чтобы речь вышла хорошей, прекрасной, разве разум оратора не должен постичь истину того, о чём он собирается говорить?

Федр. ²⁶⁰ Об этом, милый Сократ, я так слышал: тому, кто намеревается стать оратором, нет необходимости понимать, что действительно справедливо, – достаточно знать то, что кажется справедливым большинству, которое будет судить. То же самое касается и того, что в самом деле хорошо и прекрасно, – достаточно знать, что таким представляется. Именно так можно убедить, а не с помощью истины.

* * *

Сократ. ²⁶⁰ Мне сдаётся, будто я слышу, как некоторые из них подходят сюда и свидетельствуют, что красноречие не искусство, а далёкий от него навык. Подлинного искусства речи, сказал лаконец, нельзя достичь без познания истины, да и никогда это не станет возможным.

* * *

Сократ. ²⁶¹ Искусство красноречия не есть ли вообще умение увлечь душу словами, не только в судах и других общественных собраниях, но и в частном быту? Идет ли речь о мелочах или о крупных делах, – оно всё то же, к чему бы его ни применять правильно – к важным делам или незначительным, – оно от этого не станет ни более ни менее ценным. Или ты об этом слышал не так?

Федр. Клянусь Зевсом, не совсем так. Говорят и пишут искусно прежде всего для тяжб, говорят искусно и в народном собрании. А о большем я не слышал.

Сократ. Значит, ты слышал только о наставлениях в красноречии, которые написали в Илионе Нестор и Одиссей, чтобы занять свой досуг, а о наставлениях Паламеда ты не слышал?

Федр. Да я, клянусь Зевсом, и о наставлениях Нестора не слышал, если только ты не сделаешь из Горгия какого-то Нестора, а Одиссея из какого-нибудь Фрасимаха и Феодора.

Сократ. Может быть. Но оставим их. Скажи мне, что делают на суде тяжущиеся стороны? Не спорят ли они, или назвать это как-то иначе?

Федр. Нет, именно так.

Сократ. Спорят о том, что справедливо и что несправедливо?

Федр. Да.

Сократ. И тот, кто делает это искусно, сумеет представить одно и то же дело одним и тем же слушателям то справедливым, то, если захочет, несправедливым?

Федр. И что же?

Сократ. Да и в народном собрании одно и то же покажется гражданам иногда хорошим, а иногда наоборот.

Федр. Это так.

Сократ. Разве мы не знаем, как искусно говорит элейский Паламед: его слушателям одно и то же представляется подобным и неподобным, единым и множественным, покоящимся и несущимся.

Федр. Да, конечно.

Сократ. Следовательно, искусство спора применяется не только на суде, и в народном собрании, но, по-видимому, это какое-то единое искусство – если уж оно искусство, – одинаково применимое ко всему, о чём бы ни шла речь; при его помощи любой сумеет уподобить всё, что только можно, всему, что только можно, и вывести на свежую воду другого с его туманными уподоблениями.

* * *

Сократ. ²⁶⁴ Но по крайней мере вот что ты бы мог сказать: всякая речь должна быть составлена, словно живое существо, – у неё должно быть тело с головой и ногами, причём туловище и конечности должны подходить друг другу и соответствовать целому.

* * *

Сократ. ²⁶⁵ [...] мы утверждали, что любовь есть некое неистовство. Не так ли?

Федр. Да.

Сократ. А неистовство бывает двух видов: один – следствие человеческих заболеваний, другой же возникает тогда, когда боги отклоняют нас от всего, что обычно принято.

Федр. Конечно.

Сократ. Божественное неистовство, исходящее от четырёх богов, мы разделяем на четыре вида: вдохновенное прорицание мы возвели к Аполлону, посвящение в таинства – к Дионису, творческое неистовство – к Музам, четвёртый же вид – к Афродите и Эроту. Мы утверждали, что любовное неистовство всех лучше [...]. Прибавив, не столь уж неубедительное рассуждение, мы с должным благоговением [...] прославили [...] владыку Эрота [...].

* * *

Сократ. ²⁶⁵ Перейдём к другим речам. В них было, мне кажется, нечто такое, к чему следует присмотреться тем, кто хочет исследовать красноречие. [...] Одно постараемся из этого понять, как могло наше рассуждение от порицания перейти к похвале.

Федр. Как же это, по-твоему?

Сократ. Мне кажется, всё было там в сущности только шуткой, кроме одного: всё, что мы там случайно наговорили, – двух видов, и суметь искусно применить их возможности было бы для всякого благодарной задачей.

Федр. Какие это виды?

Сократ. Первый – это способность охватывать всё общим взглядом, возводить к единой идее то, что повсюду разрозненно, чтобы, давая определение каждому, сделать ясным предмет поучения. Так поступили мы только что, говоря об Эроте: сперва определили, что он такое, а затем, худо ли, хорошо ли, стали рассуждать, поэтому-то наше рассуждение вышло ясным и не противоречило само себе.

Федр. А что ты называешь другим видом, Сократ?

Сократ. Второй вид – это, наоборот, способность разделять всё на виды, на естественные составные части, стараясь при этом не раздробить ни одной из них, как это бывает у дурных поваров: ²⁶⁶ так, в обеих наших недавних речах мы отнесли неразумную часть души к какому-нибудь одному общему виду. Подобно тому как в едином от природы человеческом теле имеются две одноименные части, лишь с обозначением “левая” и “правая”, так обстоит дело и с состоянием безумия, которое обе наши речи признали составляющим в нас от природы единый вид, но одна речь выделила из него часть, обращённую налево, и не остановилась на этом делении, пока не нашла там некую так называемую левую любовь, которую вполне справедливо осудила; ²⁶⁶ другая же наша речь ведёт нас к правой части неистовства, одноименной с первой, и находит там некую божественную любовь, которой отдаёт предпочтение, и восхваляет её, как причину величайших для нас благ.

Федр. Ты говоришь в высшей степени верно.

Сократ. Я, Федр, и сам большой любитель такого подразделения на части и сведения в одно целое, благодаря чему я могу говорить и мыслить. И если я в ком-нибудь замечаю природную способность охватывать взглядом и единое и множественное, я гоняюсь следом за ним по пятам, как за богом. К тем, кто умеет это делать, я обращаюсь до сих пор, а правильно или нет, бог ведает – называя их “диалектиками”.

* * *

Сократ. Хорошо, что ты напомнил. По-моему, на первом месте, в начале речи, должно быть вступление. Ведь это ты считаешь, не правда ли, тонкостями искусства?

Федр. Да.

Сократ. На втором месте – изложение и свидетельства, на третьем месте – доказательства, на четвёртом – правдоподобные выводы. [...]

* * *

Сократ. ²⁶⁷ Что же касается заключительной части речи, то у всех, видимо, одно мнение, только одни называют её сжатым повторением, а другие иначе.

Федр. Ты говоришь, под конец нужно в главных чертах напомнить слушателям обо всём сказанном?

* * *

Сократ. ²⁷¹ Поскольку сила речи заключается в воздействии на душу, тому, кто собирается стать оратором, необходимо знать, сколько видов имеет душа: их столько-то и столько-то, они такие-то и такие-то, поэтому слушатели бывают такими-то и такими-то. ²⁷⁶ Когда это должным образом разобрано, тогда устанавливается, что есть столько-то и столько-то видов речей и каждый из них такой-то. Таких-то слушателей по такой-то причине легко убедить в

том-то и том-то такими-то речами, а такие-то потому-то и потому-то с трудом поддаются убеждению. Кто достаточно всё это продумал, тот затем наблюдает, как это осуществляется и применяется на деле, причём он должен уметь остро воспринимать и проследивать, иначе он не прибавит ничего к тому, что он ещё раньше слышал, изучая красноречие. Когда же он будет способен определять, какими речами какой человек даст себя убедить, тогда при встрече с таким человеком он сможет распознать его и дать себе отчёт, что вот как раз тот человек и тот характер, о котором прежде шла речь. Теперь он на самом деле предстал перед ним, и к нему надо вот так применить такие-то речи, чтобы убедит его в том-то. Сообразив всё это, он должен учесть время, когда ему удобнее говорить, а когда и воздержаться: все изученные им виды речей – сжатую речь, или жалостливую, или же зажигательную – ему следует применять вовремя и кстати, только тогда, и никак не ранее, его искусство будет разработано прекрасно и совершенно.²⁷² Если же, произнося речь, сочиняя или обучая, он упустит хоть что-нибудь из этого, а между тем станет утверждать, что придерживается правил искусства, прав будет тот, кто ему не поверит. [...]

* * *

Сократ.²⁷⁷ ...Прежде всего нужно познать истину относительно любой вещи, о которой говоришь или пишешь, суметь определить всё соответственно этой истине, а дав определение, знать, как дальше подразделить это на виды, вплоть до того, что поддаётся делению. Природу души надо рассматривать точно так же, отыскивая вид речи, соответствующий каждому природному характеру, и таким образом строить и упорядочить свою речь, к сложной душе надо обращаться со сложными, разнообразными речами, а к простой душе – с простыми. Без этого невозможно искусно, насколько это позволяет природа, овладеть всем родом речей – ни теми, что предназначены учить, ни теми – что убеждать, как показало всё наше предшествующее рассуждение.

Печатается по изданию: Платон. Собрание сочинений: В 3 т. / Акад. наук СССР. Ин-т философии – М.: Мысль, 1970. – Т.2. – С. 197, 198, 199–200, 204–205, 206, 207, 210, 211, 213.

Вопросы и задания к текстовым фрагментам

1. При каком условии, по мнению Сократа, искусство красноречия будет подлинным?
2. Почему диалектику (искусство спора) Сократ понимает как универсальный способ убеждения?
3. Какие приёмы изобретения содержания речи и модели работы с “идеями” (на примере изобретения содержания речи о любви) предлагает применять Сократ?
4. Каковы взгляды Сократа на композиционное членение речей? Что, по мнению Сократа, делает речь гармоничной?
5. Почему Сократ советует ораторам изучать “разнообразие” человеческих душ?
6. Какие характеристики речи определяются фактором адресата? Что должен учитывать оратор при инициации общения?
7. Определите по тексту диалога “Федр”, где утверждается необходимость соблюдения таких принципов организации речи, как ясность, последовательность, непротиворечивость, уместность и целесообразность.
8. Специфику сократовского метода ведения беседы с обучающими целями составляет то, что в рассуждении-доказательстве Сократом в качестве коммуникативного хода используется вопрос. А.К.Михальская отмечает, что такого рода вопрос “напоминает “риторический вопрос”, то есть уже содержит в себе ответ и даже представляет этот ответ в достаточно развёрнутой форме – с помощью обширных комментариев, перефразирования, многочисленных и точно ориентирующих отвечающего “ключей-подсказок”, оценочных суждений, относящихся к формулировке и смыслу вопроса” [5, с.55]. В отличие от классического риторического вопроса “вопросный шаг” у Сократа заключает в себе “целостный этап взаимодействия и борьбы мнений” и потому обладает огромной убеждающей силой. “Таким образом, от отвечающего, – пишет А.К.Михальская, – требуется лишь подтверждение вывода, заключённого в самом вопросе. Диалог поэтому отчасти напоминает диатрибу (монолог в форме диалога), широко распространённую в античности. Однако сходство это лишь поверхностное, ибо понятийная расчленённость сократической беседы слишком велика, а главное сам метод постижения истины (восхождения к смыслу предмета) в процессе беседы, предполагающий нахождение сущности вещи

с помощью столкновения и взаимодействия различных мнений или предположений о ней, принципиально диалогичен” [5, с.55]. Найдите в связи со сказанным в предложенных вам для анализа фрагментах текста диалога “Федр” вопросы, представляющие описанный здесь метод организации диалогического дискурса.

Дополнительные задания и информация к размышлению

1. Подготовьте свою речь о любви. Определяя смысловой каркас будущей речи, позаботьтесь об использовании диатрибы. Адресуйте изобретённую вами речь о любви студентам вашей группы.

2. Подумайте, что изменилось бы в вашей речи о любви, если бы вам предстояло выступить на данную тему перед мальчиками-пятиклассниками. А если это будут девочки, вы согласитесь выступить перед ними с “заготовкой” речи для мальчиков?

3. Проведите эксперимент с целью определения достоинств и недостатков эвристического и объяснительного методов обучения. Для проведения эксперимента выберите несведущих в филологии друзей. Попробуйте сформировать у товарищей, согласившихся на эксперимент, понятие о фонеме; по отношению к одному из друзей с данной целью используйте сократовскую майевтику, по отношению к другому – монологическую форму изложения. Проверьте степень усвоения вашими товарищами знания о фонеме через несколько дней после “урока”. Кто из друзей продемонстрировал лучшее понимание знаковой природы фонемы? Почему? Какой из методов информирования товарищей потребовал от вас больших творческих усилий?

ПЛАТОН

Из “Апологии Сократа”

Деятельность Сократа, заключающаяся в постоянных беседах с согражданами с целью объяснить “традиционные человеческие понятия”, помочь людям разобраться в том, что есть добро и зло, справедливое и незаконное, прекрасное и постыдное, не всем была по душе. Хотя критика Сократа, направленная против невежества, беззакония, распущенности, была по большей части беззлобной, те, кто был уязвлён этой критикой, разоблачён в невежестве, раздосадован ироничным отношением, копили неприязнь к Сократу. В конце концов против Сократа, не удобного ни аристократам, ни демократам, было выдвинуто ничем не обоснованное обвинение в развращении молодёжи и безбожии. Суд признал Сократа виновным и приговорил старого философа и чудака к смерти. По приговору суда Сократ принял чашу с ядом.

Написанная Платоном “Апология Сократа” знакомит нас с содержанием оправдательных речей Сократа, произнесённых им на афинском суде в 399 г. до н. э. Основу композиции составляют три речи: речь после выступления обвинителей, речь после обвинительного приговора и речь после смертного приговора. В хрестоматии приводится фрагмент последней, третьей речи Сократа.

Сократ [после смертного приговора] [...] ³⁸ А ещё вот что хочу я сказать этим самым людям: быть может, вы думаете, о мужи, что я осуждён потому, что у меня не хватило таких слов, которыми я мог бы склонить вас на свою сторону, если бы считал нужным делать и говорить всё, чтобы избежать наказания. Вовсе не так. Не хватить-то у меня, правда что, не хватило, только не слов, а дерзости и бесстыдства и желания говорить вам то, что вам всего приятнее было бы слышать, вопия и рыдая, делая и говоря, повторяю я вам, ещё многое меня недостойное – всё то, что вы привыкли слышать от других. Но и тогда, когда угрожала опасность, не находил я нужным делать из-за этого что-нибудь рабское, и теперь не раскаиваюсь в том, что защищался таким образом, и гораздо скорее предпочитаю умереть после такой защиты, нежели оставаться живым, защищавшись иначе. Потому что ни на суде, ни на войне, ни мне, ни кому-либо другому не следует избегать смерти всякими способами без разбора. ³⁹ Потому что и в сражениях часто бывает очевидно, что от смерти-то можно иной раз уйти, или бросив оружие, или начавши умолять преследующих; много есть и других способов избежать смерти в случае какой-нибудь опасности для того, кто отважится делать и говорить всё. От смерти уйти нетрудно, о мужи, а вот что гораздо труднее – уйти от нравственной порчи, потому что она идёт скорее, чем смерть.[...]

Печатается по изданию: Платон. Собрание сочинений:

Вопросы и задания, информация к размышлению

1. Проанализируйте содержание фрагмента речи Сократа. На основании этого анализа определите риторический и жизненный идеал Сократа. Как доказывает Сократ верность своему идеалу?

2. Ознакомьтесь с информацией, свидетельствующей о неоднозначном отношении к Сократу. Используя эту информацию, объясните, почему Сократа считают одной из самых “волнующих” и самых “беспокойных” личностей античности?

“В источниках часто говорится о магическом действии речей Сократа. Один из собеседников Сократа так говорит в “Меноне”: “...ты меня заколдовал и зачаровал и до того заговорил, что в голове у меня полная путаница. А ещё, по-моему, если можно пошутить, ты очень похож и видом, и всем на плоского морского ската: он ведь всякого, кто к нему приблизится и прикоснётся, приводит в оцепенение, а ты сейчас, мне кажется, сделал со мной то же самое – я оцепенел. У меня в самом деле и душа оцепенела, и язык отнялся – не знаю, как тебе и отвечать”. Алкивиад в “Пире” говорит: “Когда я слушаю его (Сократа), сердце у меня бьётся гораздо сильнее, чем у беснующихся корибантов, а из глаз моих от речей его льются слёзы... этот Марсий [миф.– фригийский сатир, осмелившийся вызвать на музыкальное состязание самого бога Аполлона] приводил меня часто в такое состояние, что мне казалось – нельзя больше жить так, как я живу... Да я и сейчас отлично знаю, что сто́ит мне лишь начать его слушать, как я не выдержу и впаду в такое же состояние”.

Другие, наоборот, очень рано начинали чувствовать в его вопросах какое-то скрытое издевательство и уж во всяком случае какую-то иронию. Эта знаменитая ирония Сократа не только признана всеми античными источниками, но и навсегда осталась в памяти всего культурного человечества. Но в конце концов эта ирония была мало кому по душе: аристократы считали его развязным простолудином, а демократы видели в нём своего разоблачителя” [2, с. 13].

3. Дополните портретную характеристику Сократа, обратившись к анализу его изречений¹.

Есть только одно благо – знание и одно только зло – невежество.

Высшая мудрость – различать добро и зло.

Я знаю только то, что ничего не знаю.

То, что я понял, – прекрасно, из этого я заключаю, что и остальное, чего я не понял, – тоже прекрасно.

Воспитание – дело трудное, и улучшение его условий – одна из священных обязанностей каждого человека, ибо нет ничего более важного, как образование самого себя и своих близких.

Лучший советник лучше любого богатства.

Как много есть на свете вещей, которые мне не нужны!

Заговори, чтобы я тебя увидел.

Без дружбы никакое общение не имеет ценности.

Лучше мужественно умереть, чем жить в позоре.

4. Изучите биографические сведения о Сократе. Подготовьте небольшое выступление на тему “Сократ как личность, философ и педагог”. (Используйте для подготовки к выступлению материалы вступительной статьи А.Ф.Лосева к первому тому полного собрания сочинений Платона, а также другие работы этого исследователя.)

5. Если вам представилась бы возможность встретиться в виртуальном мире с Сократом, предположите, чем была бы интересна для вас эта встреча?

Литература

1. Безменова Н.А. О предмете “история риторики” // Неориторика: генезис, проблемы, перспективы: Сб. научно-аналитических обзоров.– М., 1983.

¹ Здесь и далее изречения древних мыслителей цитируются по книге: Афоризмы. Древний мир. Античность / Сост. А.П. Кондрашов. – М.: Рипол Классик, 1999.

2. Лосев А.Ф. Жизненный и творческий путь Платона // Платон. Собр. соч.: В 4 т. – М.: Мысль, 1990. – Т.1.
3. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. – М.: АСТ, 2000.
4. Михальская А.К. Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике: Учеб. пособ. для студентов гуманитарных факультетов. – М.: Издательский центр “Academia”, 1996.
5. Михальская А.К. Педагогическая риторика: история и теория: Учеб. пособ. для студ. пед. университетов и институтов. – М.: Издательский центр “Academia”, 1998.
6. Платон. Собр. соч.: В 3 т. / Акад. наук СССР. Ин-т философии – М.:Мысль, 1970 – Т.2.
7. Платон. Собр. соч.: В 4 т. / Акад. наук СССР. Ин-т философии – М.:Мысль, 1990 – Т.1.

ТЕМА 2. КАТЕГОРИИ “ПРЕКРАСНОЕ” И “ПОСТЫДНОЕ” В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОМ КРАСНОРЕЧИИ

Публичные речи в Древней Греции произносились и в Народном собрании, и в суде, и на общегреческих празднованиях, устраиваемых в честь богов, при встрече почётных гостей, в честь правителей городов, вернувшихся с победой либо почивших вечным сном воинов. Так как мотивы обращения к публичным речам были весьма разнообразны и касались различных сфер общественной жизни, искусство красноречия не представлялось однородным явлением. В зависимости от того, какие темы затрагивали в своих речах ораторы, какие цели преследовали, какими категориями и средствами убеждения оперировали, речи соотносили с одним из трёх родов красноречия: политическим, судебным или торжественным.

Настоящей мастерской устного слова являлось торжественное красноречие. Речь, произнесённая по случаю торжества, требовала особого внимания к слогу. Отточенностью и изяществом должно было отличаться строение всей речи, а также отдельных фраз. Особая мерность ритма произнесения, благозвучие звукового потока должны были восхищать слушателей, доставлять им эстетическое удовольствие. Это объяснялось тем, что древнегреческое общество, воспитывавшееся на лучших образцах поэзии, гомеровского эпоса, в V – IV в. до н. э. уже имело определённые эстетические идеалы в области словесных искусств, и зарождающееся искусство торжественного красноречия должно было соответствовать этим идеалам. Таким образом, изначально ориентированная на услаждение слушателя прозаическая торжественная речь сохраняла в себе черты художественного, поэтического слова.

Торжественные, парадные речи произносились в основном с целью похвалы, однако коммуникативные намерения оратора могли заключаться и в выражении хулы и уничижения, например, врага либо человека, чьи поступки заслуживали общественного осуждения. Основными категориями, к которым апеллировали представители торжественного красноречия, были категории “прекрасного” и “постыдного”. Нередко восхваление “прекрасного” осуществлялось на фоне порицания “постыдного”. Столкновение противоположных категорий в одной речи служило своеобразным приёмом усиления выразительности речи.

Работа над содержанием речи, предназначенной для выражения похвалы либо порицания, требовала особой изобретательности. Чтобы отнести предмет похвалы или хулы к необходимому полюсу оценки, оратору необходимо было умение “подводить один и тот же предмет под всё новые и новые категории, освещать его с разных сторон и устанавливать всё новые и новые связи с другими предметами” [4, с.62–63]. Исследователи, однако, отмечают, что риторические опыты первых мастеров парадного (в определении Аристотеля – эпидейктического, показного) красноречия были далеко не совершенны. Поиск всё новых и новых граней характеристик предмета оценки, выявление параллелей, позволяющих подводить единичное под неопределённое множество целого, приводило к утрате аксиологической определённости предмета. “Отсюда – неограниченная возможность вариаций и экспериментов на одну и ту же тему и отсюда же – способность оценивать одно и то же прямо противоположным образом [...]” [4, с.63].

Становление жанров торжественного красноречия происходило постепенно. Сочинение Менандра Лаодикейского “О торжественном красноречии” (написание этого сочинения относят к периоду позднего эллинизма, примерно ко II–III в. н.э.) даёт возможность ознакомиться с системой жанров торжественного красноречия античного периода. Классификация их по вклю-

чению в определённые виды является не совсем последовательной, тем не менее позволяет получить представление о жанровом богатстве торжественного красноречия в период античности.

Основными разновидностями торжественных речей определяются речь-похвала и речь-поношение. Наиболее подробное описание Менандр Лаодикейский даёт похвальным речам. К числу речей, содержащих похвалу, Менандр относит гимны богам, императорам, речи, произносимые по случаю рождения, венчания, свадьбы, застолья, прибытия в страну или город, отъезда из страны, заключения союза и др. Речи в честь усопших, также содержащие элементы похвалы, дифференцируются в сочинении Менандра на речи-утешения, речи-оплакивания и эпифагии (эпифагией именовалось надгробное слово) [3, с.162,165].

Энкомий (похвальное слово), по мнению исследователей, был главным поприщем, на котором совершенствовали себя мастера парадного красноречия: “От софистов V до н. э. в нескончаемую даль последующих веков тянется нить изоощрённых опытов этого искусства, охватывающего всё многообразие предметов от самых ординарных (похвала горшкам, мышам) до самых престижных (похвала городу, правителю)” [4, с.66].

Наиболее значительный вклад в развитие торжественного красноречия внёс своей риторической деятельностью **Горгий Леонтийский** (ок. 483 – 375 гг. до н.э.). Его принято считать “отцом софистики”, так как именно он, по мнению его соотечественников, положил начало софистике как системе изоощрённых методов убеждения [3, с.37]. Кроме того, ему приписывается введение в ораторскую практику приёмов игры с конструкциями: он первым стал использовать в публичных речах приём организации фразы с опорой на контрастирующие понятия (фигуру антитезы), однотипность построения соседствующих фраз (фигуру синтаксического параллелизма), тождественность, созвучие окончаний (фигуру гомеотелевтона). Позднее эти фигуры получили название горгианских. Именно Горгию, единственному из снискавших широкую известность софистов, была поставлена золотая статуя в Дельфах. Данный факт является весьма красноречивым в плане подтверждения значимости риторической деятельности Горгия для становления риторики как особого искусства.

В хрестоматии приводится текст речи Горгия “Похвала Елене”.

ГОРГИЙ

Похвала Елене

По предположениям исследователей, речь “Похвала Елене” написана в качестве образца, как демонстрация творческой лаборатории оратора-софиста. В этой речи Горгий проявляет своё незаурядное мастерство убеждения, в какой-то мере даже бравидуя своими способностями. Убеждение Горгий осуществляет с опорой, с одной стороны, на доводы “эйкос” (доводы правдоподобия, позволяющие вероятные события на основе их похожести на то, что часто случается в жизни, выдавать за действительные), с другой стороны, с опорой на средства текстовой выразительности, которые используются как своеобразные психологические приёмы воздействия на слушателей.

В качестве объекта похвалы избрана Елена, жена Менелая, обольщённая и похищенная Парисом. Согласно мифам, бегство Елены с Парисом стало поводом для многолетней и кровопролитной войны, итогом которой явилось падение Трои, гибель многих троянцев и всего рода, к которому принадлежал Парис.

Несомненно, что Елена была достойна более порицания, чем похвалы, хотя поэты и пытались её оправдать. В трагедии Еврипида, например, Елена предстаёт перед нами как женщина, хранившая верность Менелая и пребывавшая в Египте в долгом ожидании мужа всё время, пока её призраком владел Парис. Горгий намеренно отказывается от такой интерпретации судьбы Елены, хотя и называет слово поэтов верным.

В своей речи Горгий изображает Елену как реальное лицо, а не призрак и воздаёт похвалу женщине, о которой “довольно дурного пришлось услышать”. Задача Горгия состояла в том, чтобы показать, сколь могущественны возможности софистических приёмов убеждения, позволяющие доказать невинность личности, запятнавшей свою честь. Авторский замысел, таким образом, свидетельствует о парадоксальном характере энкомия.

Речь имеет четырёхчастную композицию:

1. Вступление (1-2).

2. Беглый обзор биографии Елены (3-4).

3. Изложение вероятных причин поступка Елены (5-20).

4. Заключение (21).

Текст речи подаётся в незначительном сокращении.

(1) Славой служит городу смелость, телу – красота, духу – разумность, речи приводимой – правдивость; все обратное этому – лишь бесславие. Должно нам мужчину и женщину, слово и дело, город и поступок, ежели похвальны они – хвалою почитать, ежели непохвальны – насмешкой сразить. И напротив, равно неумно и неверно достохвальное – порицать, осмеяния же достойное – восхвалять. (2) Предстоит мне здесь в одно и то же время и правду открыть, и порочащих уличить – порочащих ту Елену, о которой единогласно и единодушно до нас сохранилось и верное слово поэтов, и слава имени её, и память о бедах. Я и вознамерился, в речи своей привести разумные доводы, снять обвинение с той, которой довольно дурного пришлось услышать, порицателей её лгущими вам показать, раскрыть правду и конец положить невежеству. (5)... Посему, прежние времена в нынешней моей речи миновав, перейду я к началу предпринятого похвального слова и для этого изложу те причины, в силу которых справедливо и пристойно было Елене отправиться в Трою.

(6) Случая ли изволением, богов ли велением, неизбежности ли узаконением совершила она то, что совершила? Была она или силой похищена или речами улещена, или любовью охвачена? – Если примем мы первое, то не может быть виновна обвиняемая: божьему промыслу людские помыслы не помеха – от природы не слабое сильному препона, а сильное слабому власть и вождь: сильный ведёт, а слабый следом идёт. Бог сильнее человека и мощью и мудростью, как и всем остальным: если богу или случаю мы вину должны приписать, то Елену свободной от бесчестья должны признавать. (7) Если же она силой похищена, незаконно осилена, неправедно обижена, то ясно, что виновен похитчик и обидчик, а похищенная и обиженная не виновна в своем несчастье. Какой варвар так по-варварски поступил, тот за то пусть и наказан будет словом, правом и делом: слово ему – обвинение, право – бесчестие, дело – отмщение. А Елена, насилию подвергшись, родины лишившись, сирью оставшись, разве не заслуживает более сожаления, нежели поношения? Он свершил, она претерпела недостойное; право же, она достойна жалости, а он ненависти. (8) Если же это речь её убедила и душу её обманом захватила, то и здесь нетрудно её защитить и от этой вины обелить. Ибо слово – величайший владыка: видом малое и незаметное, а дела творит чудесные – может страх прекратить и печаль отвратить, вызвать радость, усилить жалость. (9) А что это так, я докажу – ибо слушателю доказывать надобно всеми доказательствами.

Поэзию я считаю и называю речью, имеющей мерность; от неё исходит к слушателям и страх, полный трепета, и жалость, льющая слёзы, и страсть, обильная печалью; на чужих делах и телах, на счастье их и несчастье собственным страданьем страдает душа – по воле слов. (10) Но от этих речей перейду я к другим. Боговдохновенные заклинания напевом слов сильны и радость принести, и печаль отвести; сливаясь с души представленьем, мощь слов заклинаний своим волшебством её чарует, убеждает, перерождает. Два есть средства у волшебства и волхования: душевные заблуждения и ложные представления. (11) И сколько и скольких и в скольких делах убедили и будут всегда убеждать, в неправде используя речи искусство! Если б во всём все имели о прошедших делах воспоминанье, и о настоящих пониманье, и о будущих предвиденье, то одни и те же слова одним и тем же образом нас бы не обманывали. Теперь же не так-то легко помнить прошедшее, разбирать настоящее, предвидеть грядущее, так что в очень многом очень многие берут руководителем души своей представленьем – то, что нам кажется. Но оно и обманчиво и неустойчиво и своей обманностью и неустойчивостью навлекает на тех, кто им пользуется, всякие беды.

(12) Что же мешает и о Елене сказать, что ушла она, убеждённая речью, ушла наподобие той, что не хочет идти, как незаконной если бы силе она подчинилась и была бы похищена силой. Убеждёнью она допустила собой овладеть; и убеждение, ей овладевшее, хотя не имеет вида насилия, принуждения, но силу имеет такую же. Ведь речь, убедившая душу, её убедив, заставляет подчиниться сказанному, сочувствовать сделанному. Убедивший так же виновен, как и принудивший; она же, убеждённая, как принуждённая, напрасно в речах себе слышит поношение. (13) Что убежденье, использовав слово, может на душу такую печать наложить, какую ему будет угодно, – это можно узнать прежде всего из учения тех, кто учит о небе: они, мненьем мненье сменяя, одно уничтожив, другое придумав, всё неясное и неподтверждённое в глазах

общего мнения заставляют ясным явиться; затем – из неизбежных споров в судебных делах, где одна речь, искусно написанная, не по правде сказанная, может, очаровавши толпу, заставить послушаться; а в-третьих – из прений философов, где открываются и мысли быстрота, и языка острота: как быстро они заставляют менять доверие к мнению! (14) Одинаковую мощь имеют и сила слова для состоянья души, и состав лекарства для ощущения тела. Подобно тому как из лекарств разные разно уводят соки из тела и одни прекращают болезни, другие же жизнь, – так же и речи: одни огорчают, те восхищают, эти пугают, иным же, кто слушает их, они храбрость внушают. Бывает недобрым своим убеждением душу они очаровывают и заколдовывают. (15) Итак, этим сказано, что, если она послушалась речи, она не преступница, а страдальца.

Теперь четвёртою речью четвёртое я разберу её обвинение. Если это свершила любовь, то нетрудно избежать ей обвинения в том преступлении, какое она, говорят, совершила. Всё то, что мы видим, имеет природу не такую, какую мы должны желать, а какую судьба решила им дать. При помощи зрения и характер души принимает иной себе облик. (16) Когда тело воина для войны прекрасно оденется военным оружием из железа и меди, одним, чтоб себя защищать, другим, чтоб врагов поражать, и узрит зрение зрелище это и само смутится и душу смутит, так что часто, когда никакой нет грозящей опасности, бегут от него люди, позорно изгнанные: изгнана вера в законную правду страхом, проникшим в душу от зрелища: представ пред людьми, оно заставляет забыть о прекрасном, по закону так признаваемом, и о достоинстве, после победы часто бываемом. (17) Нередко, увидев ужасное, люди теряют сознание нужного в нужный момент: так страх разумные мысли и заглушает и изгоняет. Многие от него напрасно страдали, ужасно хворали и безнадежно разум теряли: так образ того, что глаза увидали, чётко отпечатывался в сознании. И много того, что страх вызывает, мною опущено, но то, что опущено, подобно тому, о чём сказано. (18) А вот и художники: когда многими красками из многих тел тело одно, совершенное формой, они создают, то зрение наше чаруют. Творенье кумиров богов, создание статуй людей – сколько они наслаждения нашим очам доставляют! Так через зренье обычно бывает: от одного мы страдаем, другого страстно желаем. Много у многих ко многим вещам и людям возгорается страсти, любви и желанья.

(19) Чего ж удивляться, ежели очи Елены, телом Париса пленённые, страсти стремление, битвы любовной хотение в душу её заронили! Если Эрос, будучи богом богов, божественной силой владеет, – как же может много слабейший от него и отбиться и защититься! А если любовь – болезней людских лишь страданье, чувств душевных затмение, то не как преступление нужно её порицать, но как несчастья явление считать. Приходит она, как только придёт, судьбы уловленьем – не мысли веленьем, гнёту любви уступить принуждённая – не воли сознательной силой рождённая.

(20) Как же можно считать справедливым, если поносят Елену? Совершила ль она, что она совершила, силой любви побеждённая, ложью ль речей убеждённая или явным насилием вдаль увлечённая, иль принуждёньем богов принуждённая, – во всех этих случаях нет на ней никакой вины.

(21) Речью своею я снял поношение с женщины. Закончу: что в речи сначала себе я поставил, тому верным остался; попытавшись разрушить поношения несправедливость, общего мнения необдуманность, эту я речь захотел написать Елене во славу, себе же в забаву.

Печатается по изданию: Ораторы Греции: Пер. с древнегреч. / Сост. М. Гаспаров. – М.: Худож. лит. 1985. – С. 27–31.

Вопросы и задания к тексту

1. Какой приём использует Горгий в самом начале речи, заверяя слушателей в правдивости своей речи? Почему Горгий, не изменяя фабулы мифа о Елене, как, например, это сделали поэты, все же называет слово поэтов верным?
2. Каким образом определяет Горгий цели своей речи? Какая из перечисленных Горгием целей речи является доминирующей? Какие средства убеждения обещает использовать Горгий?
3. Какие и сколько возможных причин содеянного Еленой анализирует в своей речи Горгий? Перечислите оппозиции, в которые включена Елена по наличию у неё такого свойства, которое позволяет оправдывать её поступок и признавать её невиновной при всех описанных

обстоятельствах. Докажите, что оппозиция “сила – слабость” является центральной в ходе аргументации.

4. Чьим антиподом выступает в речи Горгия Елена? Называется ли его имя? Если да, то где в общей структуре речи? Почему сразу назвать имя соблазнителя Елены Горгию невыгодно? Какие оценочные имена использует Горгий по отношению к этому человеку? А как называет он Елену? Почему именно в четвёртом аргументационном блоке автору представляется целесообразным назвать имя соблазнителя Елены?

5. Найдите по тексту те места, где Горгий, используя игру с залоговыми и лексическими значениями глагольных форм, подчёркивает оценку действий персонажей: “сильного” субъекта и “слабого” объекта.

6. Какое из обстоятельств “сильного” воздействия на Елену Горгий описывает с особой тщательностью, намекая на свою особую осведомлённость?

7. Найдите в тексте доводы “эйкос”. В каком из аргументационных блоков их больше? Почему?

8. Каким образом Горгий подчёркивает последовательность изложения, связность отдельных аргументационных блоков?

9. Какие риторические фигуры вы встретили в тексте речи? Какова их роль и степень частотности употребления в тексте? Отметьте те фрагменты текста речи, которые наиболее близки поэтическому слогу.

10. Какой вид заключения использует в своей речи Горгий? Можно ли обрамление речи назвать кольцевым? Ответ аргументируйте.

Дополнительные задания и информация к размышлению

1. Анализируя речь Горгия “Похвала Елене”, вы убедились в том, что мастерство софиста “заключается в умении переоценивать факты” [4, с. 67]. Горгий нашёл для снятия вины с Елены такой приём изображения явлений реальности, когда оценка факта находится в зависимости от того, в ряду каких оппозиций этот факт представляется и каким оценочным знаком маркируются противопоставляемые категории. Во всех описанных Горгием случаях, “слабая” Елена не могла противостоять “сильному” влиянию со стороны (доводы “эйкос” убеждают, что и другие люди в подобных ситуациях не смогли бы этого сделать). Заметим, что при этом “сила” оценивалась как нечто негативное, так как ассоциировалась с насилием, принуждением, убеждением, страстью, а “слабость”, интерпретируемая как беззащитность, соотносилась с положительным полюсом оценки.

Выстройте свои оппозиции с центральными понятиями “сила – слабость”, маркируя эти понятия другими оценочными знаками (сила +, слабость –), и, прибегая к доводам “эйкос”, докажете виновность Елены. Как вы думаете, где будет истина и можно ли вообще доказать истину, используя подобную методику?

2. Как вы понимаете термин “парадокс”? Сравните ваше понимание со словарными дефинициями этого слова. На основании анализа речи Горгия дайте определение термину “парадоксальный энкомий”. Предложите свои темы для речей, представляющих жанр парадоксального энкомия. С какой целью могут произноситься речи этого жанра?

3. Вы помните, что представители парадного красноречия совершенствовали своё мастерство в основном в жанре похвального слова. “Умение хвалить, – отмечает исследователь античной риторической прозы Т.А.Миллер, – предполагало три вещи: умение придать словесной ткани словесное благозвучие (как хвалить); умение найти в объекте ценность, заслуживающую похвалы (за что хвалить) и умение сделать предмет похвалы близким слушателю (для чего хвалить). Овладев этим умением, риторы V–IV вв. до н.э. создали непререкаемую норму достоинств стиля и подняли нравственные ценности полиса на ту притягательную высоту, на которой они многие столетия спустя всё ещё продолжали играть свою роль прочно устоявшейся этической нормы” [4, с.66]. Докажите, сочинив свой образчик похвальной речи лицу, достойному похвалы, что нормы организации похвальной речи, выработанные в античный период, не утратили и ныне своей ценности.

Литература

1. Борухович В.Г. Ораторское искусство Древней Греции // Ораторы Греции: Пер. с древнегреч. / Сост. М.Л.Гаспаров. – М.: Худож. лит., 1985.
2. Кун Н.А. Легенды и мифы древней Греции. – Мн.: Народная асвета, 1985.
3. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. – М.: АСТ, 2000.
4. Миллер Т.А. От поэзии к прозе (Риторическая проза Горгия и Исократа) // Античная поэтика. Риторическая теория и литературная практика. – М.: Наука, 1991.
5. Рубцова Н.В. Менандр Ладиокейский и его сочинение “О торжественном красноречии” // Античная поэтика. Риторическая теория и литературная практика. – М.: Наука, 1991.
6. Тронский И.М. История античной литературы. – М.: Высш. школа, 1983.

ТЕМА 3. КАТЕГОРИИ “СПРАВЕДЛИВОЕ” И “НЕСПРАВЕДЛИВОЕ” В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОМ КРАСНОРЕЧИИ

Судебные речи в античный период представляли род практического, непарадного красноречия. Целый ряд особенностей античного судопроизводства обуславливал и стиль, и содержание судебных речей. Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что любой гражданин, желающий отстоять своё право в ситуациях, которые требовали обращения к законам, должен был представлять свои интересы в суде сам. Таким образом, и обвинительная, и защитительная речи подготавливались тяжущимися лицами. При таком условии поиск справедливого решения представлялся затруднительным, ибо каждая из сторон старалась представить спорную ситуацию в выгодном для себя свете и успех во многом зависел от мастерства убеждения. Дело осложнялось ещё и тем, что убеждать необходимо было значительную массу людей. К примеру, в Афинах высший суд – Ареопаг, призванный рассматривать наиболее тяжкие преступления, состоял из членов Совета и насчитывал 500 человек, а в целом суд присяжных, именуемый Гелиэ, составлял 6000 человек.

Поводами к судебным тяжбам, которые рассматривались в Гелиэ, служили супружеская измена, воровство, мздоимство, неудовлетворительное опекунство, присвоение казённых денег, оскорбление словом, клевета и т.п. Тяжущиеся лица, выступая перед многотысячной толпой в Гелиэ, для того чтобы добиться расположения судей, стремились использовать все методы убеждения: и рациональные, и психологические. Известно, например, что в целях воздействия на чувства судей ответчики не брезговали апеллировать к жалости: воины демонстрировали полученные в сражениях раны, многодетные приводили детей на суд и заставляли их плакать, просить пощады для родителя, поэты читали стихи, немощные напоминали о страданиях, которые приносят им увечья и т.п.

Суд в Ареопаге запрещал участникам тяжбы использовать доводы “к чувствам”, более того, и истец и ответчик должны были говорить только по существу дела, без риторических прикрас. В торжественной обстановке, стоя на частях борова, принесённого в жертву, тяжущиеся предварительно присягали говорить только правду, обрекая на гибель себя, свою семью и свой род в случае уличения во лжи. Выдвигаемые обвинения в Ареопаге были достаточно тяжкими: ответчиками выступали убийцы, государственные изменники, граждане, которым инкриминировалось святотатство, по этой причине суд происходил, как правило, под открытым небом, чтобы присутствующие не осквернились, находясь под одной крышей с преступником.

Члены Совета пятисот, принимавшие решение в Ареопаге, обычно мало уделяли внимания свидетельским показаниям и даже в какой-то мере речам тяжущихся, руководствуясь своим внутренним убеждением. Тем не менее решение выносилось только на третий день суда, и при равенстве голосов за и против обвиняемый мог быть оправдан. Следовательно, качество представления дела тяжущимися сторонами в Ареопаге в целом не игнорировалось.

В Гелиэ исход процесса в большей степени зависел от мастерства убеждения каждого из участников судебной тяжбы. Естественно, что не каждый гражданин был достаточно сведущ в области права и знаком с тайнами риторического мастерства. Большинство граждан прибегали к услугам опытных в этом деле лиц, а именно **логографов**, которые за определённую плату готовили речь для клиента.

Задача логографа не представлялась простой, так как ему приходилось самостоятельно собирать материалы по делу, изучать соответствующие законы, изобретать содержание речи так, чтобы обстоятельства дела были представлены в выгодном для заказчика свете. Большим уважением логографы не пользовались по той причине, что их убеждения считались продаж-

ными. Бывали случаи, когда логограф по одному и тому же судебному делу готовил речи и для истца и для ответчика, то есть в одной речи гневно обвинял, в другой – столь же пафосно оправдывал.

Искусство логографа заключалось в умении создать речь такой, чтобы она казалась сочиненной самим заказчиком, более того, не подготовленной заранее, а импровизированной. В действительности же написанная логографом речь заучивалась наизусть заказчиком и он выступал с ней на суде, выдавая её за свою собственную, лишая слушателей возможности подозревать, что это всего лишь искусная имитация речевой манеры.

Порядок судопроизводства позволял гражданам приглашать для выступления в суде своих друзей. Приглашённые для выступления (их называли **синегорами**) должны были пользоваться уважением в обществе, кроме того, им необходимо было мотивировать своё участие в процессе, чтобы никто не заподозрил синегора в подкупе, так как выступление за деньги на стороне истца или ответчика каралось законом. Как правило, синегоры являлись более искусными ораторами, чем те лица, которым они помогали, и судьям в отдельных случаях было достаточно трудно определить, действительно ли бескорыстной, обусловленной дружескими отношениями является помощь синегора или это платная услуга стороннего лица.

Таким образом, потребность в пользовании услугами опытных ораторов для участников судебных тяжб была велика. Логографская практика являлась одним из очень прибыльных дел. Исследователи сообщают, что написанием судебных речей по заказу занимались практически все известные ораторы античного периода. Классическим оратором в области судебного красноречия признан **Лисий**.

Лисий (предположительно 459–380 г. до н.э.) – сын богатого промышленника из Сиракуз. Получил прекрасное для своего времени образование, в том числе и риторическую подготовку, обучаясь у известных софистов в южноиталийском городе Фурии. Заметно влияние Сократа на становление мировоззренческих взглядов Лисия (Сократ был дружен с отцом Лисия). Ораторской практикой Лисий стал заниматься только на 57-м году жизни в период восстановления демократии в Афинах после правления “Тридцати тиранов” (тридцати аристократов с неограниченной властью) и возобновления функционирования судов.

Первая речь Лисия обвинительного характера. Это единственная речь, которая была создана для собственного произнесения. Она была направлена против одного из Тридцати олигархов власти, Эратосфена, коего Лисий считал виновным в смерти своего брата Полимарха, приговорённого к смертной казни за приверженность демократии. Речь не имела успеха, однако судебный процесс наделал много шума в Афинах и принёс Лисию известность. С течением времени Лисий становится одним из самых популярных логографов, настоящим мастером в жанре судебной речи.

Исследователи отмечают, что жанр судебной речи был выработан ещё до Лисия. Обязательными составляющими судебной речи являлись *вступление* (во вступлении обычно обращались к судьям, призывая их к благосклонному отношению), *повествование* – диэгега, то есть изложение фактической стороны дела, *доказательство* правильности своего мнения, включающее элементы полемики с противником, и *заключение*, в котором, как правило, вновь звучало обращение к судьям. Лисий превзошёл всех в мастерстве диэгега. По свидетельству многих учёных, Лисий являлся подлинным живописцем в бытописании, настоящим художником в изображении характера своего героя, этопее (от гр. *ethos* – “нрав”). “Выступает ли на суде честолюбивый аристократ, или жадный до прибыли делец, или инвалид-балагур, или обманутый муж, – отмечает И.М. Тронский, – для каждого Лисий находит соответствующий его характеру, положению и культурному уровню стиль, подкупающий своей непринуждённостью” [4, с. 176].

В целом слог Лисия отличался простотой и ясностью. Однако эта ясность, особая чёткость и прозрачность стиля изложения придавали и особую выразительность речам Лисия. Он не стремился использовать специальные риторические средства для украшения своих речей, придания им пафосного звучания: обилие метафор, изощрённость аргументации лишали бы речь естественности. Естественность речи способствовала её доступности и привлекательности и, по мнению Дионисия Галикарнасского, служила достаточным критерием, чтобы признать речь за сочинение Лисия (во время жизни Лисия и после многие пытались подражать ему, нередко выдавая свои сочинения за сочинения Лисия, вследствие этого устанавливая подлинное авторство речей критикам приходилось порой лишь с опорой на особенности слога).

Предметом особой заботы Лисия была и чистота речи, он считал, что в судебных речах не место устаревшим словам, запутанным выражениям, конструкциям, чуждым языку того времени. Неуместными в судебной речи, по мнению Лисия, являются и оскорбления противника, смакование подробностей интимной жизни. Чистота языка, чувство меры, мягкость тона изложения – всё это впоследствии было оценено критиками, которые признали, что Лисий, по существу, выработал своеобразный эталон стиля судебной речи.

Лисию приписывается авторство рекордного для того времени количества речей – 425 речей, из них, как отмечает исследователь С. Соболевский, 233 были признаны критиками как действительно принадлежащие Лисию [3, с.15]. Дошедшими до нас в полном объёме и во фрагментах являются только 34 речи. В хрестоматии приводятся фрагменты двух речей.

ЛИСИЙ

Речь в защиту Мантифея

Данная речь была написана для молодого аристократа, которому выпал жребий пройти испытание (докимасию) на замещение должности члена Совета и против которого было выдвинуто обвинение в служении в кавалерии в то время, когда у власти стояли представители олигархической партии (время правления коллегии Тридцати). Это обвинение было очень серьёзным, так как пришедшие вновь к власти демократы испытывали особую ненависть к служившим в кавалерии. Последние, как правило, были состоятельными людьми, настроенными крайне олигархически, и поэтому слепо исполняли волю Тридцати.

Основанием для обвинения послужило то, что имя Мантифея было обнаружено в списках лиц, служивших в кавалерии. Эти списки были в своё время нанесены на покрытые гипсом доски, выставленные в публичном месте, что не исключало возможности фальсификации списков. Однако существовали и другие списки, которые составлялись начальниками афинской кавалерии (филархами) и после падения власти Тридцати были представлены в суд синдикам, решавшим вопрос о взимании со служивших в кавалерии при правлении Тридцати полученных от государства амуниционных денег. Списки, составленные филархами, вне всякого сомнения, заслуживали большего доверия. Именно на эти списки ссылается Мантифей в своей защитительной речи.

Судебный процесс состоялся предположительно между 394 и 389 гг. до н.э. Исход процесса неизвестен.

Данная речь считается одним из лучших образцов этопеи Лисия.

(1) Члены Совета! Если бы я не знал, что обвинители мои готовы мне всякими способами вредить, я был бы им глубоко благодарен за это обвинение: человеку, про которого распускаются несправедливо злые толки, я думаю, оказывает величайшую услугу тот, кто заставляет его дать отчёт во всей прожитой им жизни. (2) Я чувствую полную уверенность в себе и надеюсь поэтому, что даже человек, враждебно ко мне настроенный, переменит свои мысли, выслушав мой рассказ о моей первой деятельности, и на будущее время будет иметь обо мне гораздо лучшее мнение. (3) Однако, члены Совета, если я докажу вам только то, что я сторонник существующего государственного строя и что я вынужден необходимостью делить с вами одни и те же опасности, я прошу вас не ставить ещё мне этого в особенную заслугу; но, если не будет никакого сомнения в том, что мой образ жизни и во всех других отношениях заслуживает полной похвалы и совершенно противоположен составившемуся обо мне мнению и рассказам моих врагов, тогда я прошу вас меня одобрить при этом испытании, а их считать людьми недобросовестными. Прежде всего я докажу, что я не служил в кавалерии при господстве Тридцати и не принимал участия в государственном управлении того времени.

(4) Ещё до несчастья в Геллеспонте отец отправил нас на житьё к Сатиру в Понт, так что нас не было в Афинах ни при разрушении стен, ни при перемене правления¹; мы вернулись только за пять дней до прихода народной партии из Филы в Пирей. (5) Трудно предположить,

¹ Имеется в виду время падения демократии и прихода к власти аристократов-олигархов. Ряд государственных переворотов привёл к неограниченной власти коллегии из тридцати человек. Коллегия Тридцати не пренебрегла никакими средствами для утверждения своей власти: преследовала демократов, давала распоряжения на убийства, конфискацию имущества, это послужило причиной того, что впоследствии время правления этой коллегии стало именоваться временем правления Тридцати тиранов.

чтобы, возвратившись в такую критическую минуту, мы могли чувствовать желание принимать участие в чужих опасностях; да и те, несомненно, не были склонны давать участие в правлении людям, жившим вне отечества и не запятнавшим себя никаким преступлением; напротив, скорее они отнимали почётные места даже у тех, кто помогал им ниспровергнуть демократию. (6) Далее, на основании списка на досках делать заключение о служивших в кавалерии было бы слишком наивно: в этом списке нет многих, которые, по их признаниям, служили в кавалерии, и, наоборот, вписаны некоторые, жившие вне отечества. Но вот главное доказательство: по возвращении в Афины вы постановили, чтобы филархи представили списки служивших в кавалерии, на предмет взыскания с них амуниционных денег. (7) Так, что касается меня, то никто не может доказать, что я был занесён филархами в список или что я был передан на суд синдикам, или что я уплатил амуниционные деньги. А между тем для всякого понятно, что, если филархи не указывали получивших деньги, то они сами необходимо должны были за это платить своими деньгами. Таким образом, с гораздо большим правом вы можете верить тем спискам, чем этим: в этих списках всякий легко мог стереть своё имя, а в те списки служившие в кавалерии обязательно должны были быть занесены филархами. (8) Кроме того, члены Совета, если бы я действительно был тогда в кавалерии, я не стал бы от этого теперь отказываться, как будто от какого-то ужасного преступления, но указал бы на то, что никто из граждан не пострадал от меня, и просил бы признать меня достойным. Я вижу, что и вы разделяете это мнение и что многие из бывших тогда в кавалерии заседают теперь в Совете, а многие из числа их выбраны в стратеги и гиппархи. Поэтому будьте уверены, что произнести настоящую речь в свою защиту меня побудила исключительно наглость моих противников, не посовестившихся открыто лгать на меня. Поди сюда, свидетель, дай своё показание!

(Свидетельство).

(9) Что касается самого обвинения, не думаю, чтобы была надобность продолжать говорить о нём; но, по моему мнению, члены Совета, при испытаниях на должность справедливость требует давать отчёт во всей своей жизни, в противоположность всем другим судебным процессам, где следует защищать себя только по поводу предъявленных пунктов самого обвинения. Поэтому я прошу вашего благосклонного внимания. Моя защитительная речь будет, насколько возможно, краткой.

(10) Начну с того, что, получив в наследство имущество, – небольшое вследствие несчастий, постигших как моего отца, так и всю нашу родину, – двух сестёр я выдал замуж, давши за каждой по тридцати мин приданого; а с братом мы так поделили отцовское наследство, что, по его собственному признанию, он получил из него больше меня. Ко всем другим я относился в своей жизни так, что у меня ни с одним человеком никогда не бывало ни одной тяжбы. (11) Так я устроил свою личную жизнь; что же касается жизни общественной, то главным доказательством в пользу моей порядочности служит, по моему мнению, то, что молодые люди, проводящие время в игре в кости, попойках и тому подобных других беспутствах, все, как вы увидите, относятся ко мне неприязненно и распускают про меня великое множество всяких небылиц и лживых слухов. А между тем очевидно, что если бы наши наклонности были бы одинаковы, то они не имели бы обо мне такого мнения. (12) Кроме того, члены Совета, никто не может доказать, что я находился под судом за какое-нибудь позорное гражданское, или уголовное, или политическое преступление; а другие, как видите, часто бывают замешаны в таких процессах. Далее, обратите внимание, какие услуги оказываю я отечеству в походах и сражениях с врагами. (13) Так, прежде всего, когда вы заключили союз с беотийцами и нужно было идти к ним на помощь в Галиарт, Орфобул назначил меня в кавалерию. По общему мнению, кавалерия должна была быть вне опасности, а опасность грозила гоплитам. Но я обратился к Орфобулу с просьбой вычеркнуть меня из списка всадников, хотя другие, без докимасии, вопреки законам, садились на коней: но я считал позором для себя быть вне опасностей в то время, когда главная часть войска должна была им подвергаться. Взойди сюда, Орфобул!

(Свидетельство).

(14) Затем, на общем собрании нашего дема, перед выступлением в поход, зная, что некоторые из членов его – граждане хорошие и готовые служить отечеству, но не имеют средств на дорогу, я предложил, чтобы люди состоятельные давали необходимые средства неимущим. Но я не ограничился лишь тем, что советовал это другим: я и сам дал двоим по тридцати драхм, – не потому, чтоб я был богат, но для того, чтобы это послужило примером для других. Взойдите сюда!

(Свидетели).

(15) Затем, члены Совета, начался поход в Коринфскую область. Все знали заранее, что дело будет жаркое. Другие старались уклониться, а я, напротив, просил, чтобы во время сражения меня поставили в первом ряду. Хотя наша фила больше всех пострадала и потеряла множество людей убитыми, я всё-таки отступил уже после славного стирийца, укорявшего всех на свете в трусости. (16) Несколько дней спустя после этого мы заняли в Коринфской области сильные позиции, чтобы неприятель не мог пройти. Но по случаю вторжения Агесилая в Беотию наши командиры решили отделить несколько полков на помощь беотийцам. Все боялись, что и естественно, члены Совета: действительно страшно было, едва только перед этим избавившись от одной опасности, идти на другую; но я обратился к нашему таксиарху с предложением послать наш полк без жребия. (17) Таким образом, если некоторые из вас косо смотрят на тех, которые претендуют на занятие государственных должностей, а опасностей избегают, то по отношению ко мне такое мнение было бы несправедливо: я не только с готовностью исполнял распоряжения начальства, но и сам смело искал опасностей. Так поступал я не потому, чтобы бой с спартанцами казался мне не страшным, но с той целью, чтобы этим заслужить в ваших глазах славу доброго гражданина и получить всё, на что имею право, в случае какого-либо несправедливого обвинения. Взойдите сюда, свидетели этого!

(Свидетели).

(18) Равным образом не уклонялся я никогда и в других случаях от полевой и гарнизонной службы: всегда в числе первых я шёл в поход, в числе последних отступал. А при суждении о гражданах честолюбивых и исполняющих свой долг надо принимать в соображение такие факты, а не относиться с ненавистью к человеку за то лишь, что он носит длинные волосы¹: такие особенности не вредят ни отдельным лицам, ни всему государству, а от людей, храбро идущих в бой с врагом, вы все получаете пользу. (19) Таким образом, по внешнему виду, члены Совета, нельзя любить или ненавидеть человека; нет, надо судить о нём по делам его: часто люди, говорящие тихо, одевающиеся чинно, бывают виновниками больших бедствий; а другие, напротив, не обращающие внимания на подобные мелочи, часто оказывают вам великие услуги.

(20) Я заметил, члены Совета, что некоторые осуждают меня ещё за то, что я в такие молодые годы решился говорить перед народом. Но, во-первых, говорить публично меня заставила нужда для защиты моих личных интересов; а, во-вторых, я и сам нахожу, что честолюбие развилось во мне больше, чем бы следовало; но у меня в душе живёт память о том, что мои предки никогда не переставали принимать участие в общественной жизни; (21) а к тому же я вижу (надо уж говорить правду), что вы только таких людей сколько-нибудь цените. Зная такой взгляд ваш, кто не почувствует в себе стремления делом и словом служить на благо отечества? Наконец, за что вы можете осуждать подобных людей? Ведь судьями их являются не другие, а вы.

Печатается по изданию: Лисий. Речи / Перевод, статьи и комментарии С.И. Соболевского. – М.-Л.: Academia, 1933. – С. 254 – 264.

Вопросы и задания к тексту

1. Проанализируйте композицию данной речи. Является ли композиция речи классической? Ответ аргументируйте.
2. Каким образом во вступительной части речи Мантифей пытается расположить к себе судей? Найдите “ударные” фразы, служащие реализации этой цели. Определите их место в структуре вступления.
3. Оцените по силе аргументы, которые употребляет Мантифей для снятия обвинения. Почему главные аргументы приведены в начале диэезы, а затем обвинение намеренно игнорируется? Что по этому поводу говорит сам Мантифей? Как вы думаете, почему Мантифей делает такое заявление?
4. Что ещё пытается доказать в основной части речи Мантифей? Проанализируйте характер доводов, последовательность их изложения.

¹ Длинные волосы носили обычно всадники, принадлежавшие к аристократии. Тех, кто принадлежал к данному сословию и носил длинные волосы, подозревали в стремлении к олигархии.

5. Как вы думаете, почему ответчик использует такое большое количество свидетельств, ведь он наверняка знает, что выступлениям свидетелей в суде обычно придаётся мало внимания? Связано ли это с тем, что ответчик себя относит к категории честолюбивых людей?

6. Какие цели надлежало реализовать Мантифею в заключительной части речи? Какие риторические средства были использованы Мантифеем для достижения этих целей?

7. Как часто Мантифеем обращается к членам Совета? Проследите по тексту, когда именно Мантифеем используется обращение к тем, от кого зависит исход судебного процесса.

8. Найдите в тексте речи показатели её эмотивной окрашенности. Можно ли полагать, что речь звучала патетически? Почему?

9. Сколько раз в тексте используются суждения, основанные на контрасте? Кому противопоставляет себя Мантифеем? Всегда ли это противопоставление открыто?

10. Оцените слог речи и её чистоту. Ответ подкрепите примерами. Что вы можете сказать о характере Мантифея, судя по его речи?

ЛИСИЙ

Речь о том, что не дают пенсии инвалиду

Данная речь также представляет жанр оправдательной речи. Однако повод к судебному разбирательству менее серьёзен, чем в речи в защиту Мантифея. Кто-то из сограждан усомнился в справедливости выплаты пенсии инвалиду и подал иск в Совет пятисот. Разбирательство происходит в Совете пятисот, так как именно этот орган власти производил ежегодную проверку инвалидности пенсионеров.

Лисий, к которому инвалид обратился за помощью, прекрасно справился с заказом. Написанная по данному делу речь, так же как и речь в защиту Мантифея, является образцом эпопеи. Лисий тонко подметил особенности характера калеки, остроумного и непосредственного в выражениях. Речь полна юмора и язвительных насмешек по отношению к подателю иска.

Точное время произнесения речи неизвестно. По-видимому, она была произнесена через несколько лет после низвержения власти Тридцати.

(1) Члены Совета! Я почти что благодарен своему противнику за то, что он возбудил против меня это дело. Раньше у меня не было повода дать отчёт в своей жизни, а теперь благодаря ему я получил его. В своей речи я постараюсь показать, что он лжёт, и что я своей жизнью до нынешнего дня скорее заслуживаю похвалы, чем зависти: не по другой какой причине, думается мне, он возбудил против меня это дело, а только по зависти. (2) А кто завидует тому, кого все жалеют, перед какой подлостью, как вы думаете, остановится подобный человек? Ведь если он сделал на меня ложный донос из-за денег...; но, если он говорит, что мстит мне по личной вражде, то это ложь: с таким подлым человеком я никогда не был ни в дружбе, ни во вражде. (3) Значит, члены Совета, уже сразу видно, что он завидует мне, – именно, что я, несмотря на свой недостаток, более, чем он, честный гражданин. Да, члены Совета, по моему мнению, телесные недостатки надо уравновешивать душевными достоинствами, это верно. Если, например, направление ума у меня и весь вообще образ жизни будет в соответствии с моим недостатком, то чем же я буду отличаться от него?

(4) Но довольно об этом. Теперь я скажу, насколько возможно короче, о том, что составляет цель моей речи. Противник мой утверждает, будто я не имею права получать пособие от государства, так как я здоров физически и не принадлежу к числу “немошных”, да и знаю такое ремесло, при котором могу жить и без этого пособия. (5) В доказательство моей физической силы он указывает на то, что я могу ездить верхом, а в доказательство обеспеченности моей от ремесла – на то, что я могу водить компанию с людьми, могущими позволить себе кое-какие траты. Как велика моя обеспеченность от ремесла, да и вообще что за жизнь у меня, я думаю, вы все знаете; но всё-таки и я скажу про это несколько слов. (6) Отец мне оставил в наследство... ничего, мать кормить я перестал только третий год, с её смертью; детей у меня пока ещё нет, которые бы обо мне позаботились. Ремесло моё даёт мало прибыли; к тому же мне одному им заниматься уже тяжело, а купить себе раба, который бы меня заменил в работе, пока ещё не могу. Других доходов, кроме этого, у меня нет; и, если вы отнимите его у меня, мне грозила бы опасность очутиться в крайне тяжёлом положении. (7) Поэтому, члены Совета, не приговаривайте меня к смерти несправедливым решением, когда у вас есть возможность сохранить мне

жизнь решением справедливым; не отнимайте у меня теперь, когда я становлюсь старше и слабее, того, что вы дали мне, когда я был моложе и сильнее! Вы пользовались прежде славою людей чрезвычайно сострадательных даже к тем, у кого нет никакого несчастья; так не обходитесь жестоко теперь, под влиянием этого человека, с теми, кто внушает сострадание даже врагам; не повергайте в отчаяние всех, находящихся в одинаковом со мною положении, если у вас хватит духу обидеть меня! (8) Ведь в самом деле, члены Совета, была бы странная несообразность, если бы вышло так, что я получал это пособие в ту пору, когда недуг был у меня лишь один, но был бы лишён пособия теперь, когда прибавилась и старость и болезни с их тяжёлыми последствиями. (9) Как велика моя бедность, это может показать, я думаю, яснее всех мой обвинитель: если бы я был назначен устройтелем хора¹ при представлении трагедии и предложил бы ему обмен имуществом², то он предпочёл бы лучше десять раз быть устройтелем хора, чем один раз поменяться имуществом. Разве это не возмутительное дело, что теперь он меня обвиняет, будто я при своей полной обеспеченности могу на равной ноге водить компанию с первыми богачами, а если бы случилось что-нибудь такое, о чём я сказал, то он признал бы меня таким, каков я на самом деле, и даже ещё беднее?

(10) Что касается моей езды верхом, упомянуть о которой перед вами он решился, судьбы не боясь и вас не стыдясь, то об этом разговор короток. Все, имеющие какой-нибудь недуг, члены Совета, конечно, направляют свои старания и помыслы на то, чтобы сделать постигшее их страдание как можно менее болезненным. Один из них – я: попавши в такое несчастье, я нашёл себе в езде на лошади облегчение, когда мне предстоит более или менее далёкий путь по необходимым делам. (11) Но самое главное доказательство, члены Совета, того, что я езжу не из чванства, как он утверждает, а вследствие своего недуга, – это вот какое. Если бы у меня было состояние, я ездил бы на муле³, а не на чужой лошади; но, так как я не могу его купить, то часто бываю вынужден брать чужую лошадь. (12) Если бы он видел, что я езжу на муле, то молчал бы (что тут мог бы он сказать): так не глупо ли с его стороны, члены Совета, на том основании, что я езжу верхом на лошади, которую выпрошу у кого-нибудь, стараться уверить вас, будто я здоров? Ещё: он не указывает в своём обвинении, как на признак моего здоровья, то, что я хожу с двумя палками, тогда как все ходят с одной⁴: так не глупо ли приводить вам в доказательство моего здоровья то, что я езжу на лошади? Ведь я прибегаю и к тому и к другому средству по одной и той же причине.

(13) Но он бесстыдством своим настолько превосходит всех, что старается уверить вас, – вас столько он один, – будто меня нельзя отнести к числу немощных. Но, если он уверит в этом хоть кого-нибудь из вас, члены Совета, тогда кто мешает мне вынимать жребий на должность одного из девяти архонтов⁵, а вам всем отнять обол у меня, как у здорового, и назначить ему, как калеке? Ведь нельзя предположить, что, если вы отнимите пособие у кого-нибудь, как у здорового, то фесмофеты не допустят к вынугию жребия его же, как нездорового? (14) Но, к счастью, вы не разделяете его мнения, как и он вашего. Хоть он и явился сюда с целью оспаривать у меня мой недуг, точно невесту-сироту с наследством, и старается уверить вас, что я не такой, каким вы все меня видите, но вы, как и следует людям разумным, больше верите своим собственным глазам, чем его уверениям.

(15) Он называет меня дерзким, буйным, ужасным нахалом: точно думает, что, если наговорит страшных слов, то скажет правду, а если станет употреблять вполне мягкие выражения, то этого не будет. Я с своей стороны полагаю, члены Совета, что вам необходимо иметь ясное представление о том, каким людям можно быть дерзкими и какие не могут себе этого позволить. (16) Вполне естественно, что дерзким может быть не бедняк, находящийся в крайней нужде, а тот, у кого денег больше, чем нужно; не слабый телом, а тот, кто имеет полную уве-

¹Вместо постоянного подоходного налога в Афинах были натуральные повинности (литургии). Одним из видов литургии было снаряжение хора для драматического представления или музыкального состязания.

²Литургии требовали значительных затрат. Тот, кому наложенная литургия была не по карману, мог предложить её более богатому и, в случае отказа последнего, имел право потребовать от него поменяться имуществом.

³Езда на муле, на которого обычно накладывалось специальное седло со спинкой, представлялась бы более удобной и безопасной для калеки.

⁴Многие афиняне обычно использовали палку для ходьбы.

⁵В выборах архонтов могли принимать участие только те граждане, которые были лишены телесных недостатков. Производили выборную жеребьёвку и следили за допуском лиц к жеребьёвке фесмофеты.

ренность в своей силе; не человек преклонного возраста, а тот, кто ещё молод и годами и разумом. (17) И действительно, богатый откупится деньгами от суда, а бедного нужда заставляет быть смиренным; молодой в праве рассчитывать на снисхождение старых, а старого за проступок осуждают равно и молодые и старые; (18) сильный может обижать, кого хочет, без вреда для себя, а слабому нельзя ни защищаться от нападающего, который ему хочет нанести оскорбление, ни одолеть того, кого он сам обижает, желая нанести ему оскорбление. Поэтому мне кажется, что обвинитель упомянул о моей дерзости не серьёзно, а шутя, не из желания уверить вас, что я таков на самом деле, а из желания посмеяться надо мной, воображая, что это какой-то геройский подвиг.

(19) Далее, он говорит, что у меня собираются разные негодяи и в большом числе, – люди, которые своё состояние промотали и теперь ищут случая напасть на тех, кто хочет сберечь своё. Но вы все должны иметь в виду, что он, бросая такой упрек мне, обвиняет меня не больше, чем всех занимающихся разными мастерствами, и моих посетителей обвиняет не больше, чем посетителей всех других ремесленников. (20) Ведь каждый из вас имеет обычай заходить куда-нибудь, – один в парфюмерный магазин, другой – в цирюльню, третий – в сапожную мастерскую, четвёртый – куда придётся; чаще всего заходят куда-нибудь поблизости от рынка и очень редко куда-нибудь далеко от него. Таким образом, если кто из вас признает негодьями моих посетителей, то, очевидно, признает такими же и тех, кто бывает у других; а если этих, то и всех вообще афинян, потому что вы все имеете обычай заходить куда-нибудь и там проводить свободное время.

(21) Но не знаю, чего ради мне вдаваться в излишние подробности, отвечая в своей защите на каждый пункт обвинения в отдельности, и докучать вам долее. Раз я сказал уже о главнейших пунктах, чего ради буду я, подобно моему противнику, тщательно останавливаться на мелочах? Я со своей стороны прошу вас всех, члены Совета, не менять вашего прежнего мнения обо мне: (22) не лишайте меня, по его доносу, того единственного блага, которое судьба дала мне на родине; не поддавайтесь убеждениям одного этого человека, не отнимайте у меня тех денег, которые вы дали мне все по общему решению уже давно! Да, члены Совета, судьба лишила нас высших благ: ввиду этого государство назначило нам эту пенсию, принимая во внимание, что как счастье, так и несчастье может выпасть на долю каждого одинаково. (23) Так, разве не был бы я несчастнейшим человеком в мире, если бы, лишённый своим недугом лучших и высших благ, потерял, по милости моего противника, ту пенсию, которую дало государство, озабоченное положением таких людей? Нет, нет. Члены Совета, не постановляйте такого решения! Да и за что вы могли бы ко мне отнестись так? (24) Может быть, за то, что кто-нибудь по моей жалобе когда-либо был привлечён к суду и лишился своего имущества? Нет, никто не может этого доказать. Может быть, за то, что я вмешиваюсь в чужие дела, что я дерзок и сварлив? Нет, не в таких условиях я живу. (25) Может быть, за то, что я гордец и буян? Нет, этого он даже сам не скажет, если не захочет лгать и в этом, как лжёт во всём остальном. Может быть, за то, что в правление коллегии Тридцати я был в силе и делал зло многим гражданам? Нет, я вместе с вашей народной партией бежал в Халкиду¹ и, хотя имел возможность жить с ними, ничего не боясь, я предпочёл уйти и делить с вами опасности. (26) Ввиду этого, члены Совета, не относитесь ко мне, человеку ни в чём не повинному, так, как вы относитесь к преступникам; постановите обо мне такое же решение, какое постановлял Совет в прежние годы: вспомните, что я не отчёт сдаю в государственных деньгах, бывших в моём ведении, и не контролю подвергаюсь за какую-нибудь должность, которую занимал²: речь идёт только лишь об оболе. (27) Приняв такое решение, вы все постановите справедливый приговор, я за такое отношение ваше буду питать к вам благодарность, а он на будущее время поймёт, что не надо нападать на слабых, а надо стараться побеждать равных себе.

Печатается по изданию: Лисий. Речи / Перевод, статьи и комментарии С.И. Соболевского. – М.-Л.: Academia, 1933. – С. 340 – 348.

Вопросы и задания к тексту

¹ Халкида – город на острове Евбее, куда бежали во время правления Тридцати многие демократы.

² Все должностные лица в Афинах подвергались строгому контролю и обязаны были отдавать отчёт во всех своих действиях по должности и особенно в употреблении казённых денег.

1. Почему рассмотрение дела производится Членами Совета, а не судом присяжных (гелиастов)? С какими преступлениями в один ряд ставится таким образом это дело? Справедливо ли это?

2. Обратите внимание на содержание вступительной части речи. Как вы думаете, почему в самом начале речи ответчик уточняет мотивы, которыми руководствовался податель иска, начиная судебную тяжбу? Какое заявление в начале речи вам кажется отчасти парадоксальным? Какой видится вам основная цель, которую преследовал говорящий во вступительной части речи?

3. Развёртывание содержания речи ответчика происходит по следующей схеме: 1) тезис и аргументы противника; 2) тезис и аргументы ответчика; 3) последовательное опровержение каждого из аргументов противника. Если бы вам пришлось выполнять заказ на защитительную речь по данному делу, вы бы предпочли придерживаться такой же композиционной схемы или избрали бы другую последовательность изложения? Ответ аргументируйте.

4. Определите, где используется фигура комплимента в адрес судей. Оцените мастерство применения этой фигуры Лисием. Как вы думаете, почему Лисий строит речь таким образом, что ответчик сначала внушает судьям то, что все верят в их чуткость, пронизательность, благоразумие, а затем делает предположение, что их решение, удовлетворяющее иск обвинителя, вызвало бы “странную несообразность”? Была бы тактически верной обратная последовательность речевых действий в этой ситуации? Ответ аргументируйте.

5. В Афинах наверняка были люди и беднее инвалида-ответчика. Тем не менее обвиняемый утверждает, что он очень беден. Какой вид аргументации, используемый при этом обвиняемым, позволяет заключить судьям, что калека не кривит душой?

6. Какие аргументы истца отвергаются с использованием метода приведения к абсурду?

7. Опровергая аргументы противника, ответчик пытается противопоставить обвинителя судьям. С какой целью он это делает? Оцените корректность данного приёма.

8. Доказывая верность своего мнения, софисты нередко использовали логически неверные умозаключения, которые несведущим казались верными. Одной из наиболее распространённых уловок в выстраивании силлогизмов была уловка, связанная с отождествлением характеристик целого и части этого целого. Например, умозаключение “Класс 8 “А” имеет плохие показатели по успеваемости, следовательно, ученики этого класса Петров, Сидоров и Иванова – неуспевающие” является логически неверным, так как целое неоднородно и из того, что целое обладает какой-либо характеристикой, неизбежно не следует, что все части этого целого будут иметь такую же характеристику. А умозаключение “Если Петров, Сидоров и Иванова не выполнили домашнее задание, значит, все ученики класса не выполнили задание” также некорректно, поскольку, если часть какого-либо целого обладает какой-либо характеристикой, из этого не следует, что целому также свойственны эти характеристики. Какое из обвинений истца ответчик опровергает, прибегая к такого рода уловке в выстраивании умозаключения? Является ли это умозаключение заключением о части по целому или заключением о целом по части?

9. Найдите в основной части речи сравнения и антитезы. Оцените мастерство использования этих риторических средств. Опровержение какого из аргументов истца строится на игре в контрасты? Какое обстоятельство позволило ответчику использовать при опровержении этого аргумента столь откровенно и подчёркнуто собственно риторические приёмы воздействия?

10. Обращается ли к каким-либо другим средствам экспрессии ответчик в основной части своей речи? Проанализируйте синтаксическую организацию фраз ответчика, употребление модальных слов и частиц. Какую роль играют эти средства в придании речи эмоционального звучания? Какую ещё функцию реализуют эти средства? Ответ подкрепите примерами.

11. Проанализируйте заключительную часть выступления, проследите за последовательностью развития мыслей, о чём говорит ответчик в начале заключительной части речи и в конце. Почему Лисий считает необходимым для ответчика в заключении вновь обратиться к просьбам в адрес судей? Это дань традиции или Лисий руководствовался другими мотивами? Оцените по силе последний аргумент, который приводит ответчик, призывая членов Совета к принятию справедливого решения.

12. Какие риторические приёмы способствуют усилению воздействующей силы заключительной части речи? Уточните, какие виды повтора имеют место в заключении, проанализируйте их функции.

13. Легко ли вам на основании речи представить ответчика по данному делу? А истца? Ответ обоснуйте. Кто из участников процесса: истец или ответчик – вызывает у вас больше симпатии? Кто кажется вам более тактичным и сдержанным в выражениях? На основании чего вы пришли к такому выводу? Как вы думаете, судьи приняли решение в пользу истца или ответчика? Ответ аргументируйте.

14. Сопоставьте тексты двух речей Лисия, приведённых в пособии. Что позволяет вам сделать заключение, что их автором является одно лицо?

Дополнительные задания и информация к размышлению

1. Смоделируйте для себя такую ситуацию, когда вам необходимо описать какой-либо инцидент стороннему лицу с позиций потерпевшего, а затем с позиций виновника случившегося. Что изменится в вашей речи, если вам нужно будет описать случившееся со слов очевидцев: молодой женщины, мужчины преклонного возраста, подростка, учащегося начальной школы, директора учебного заведения. Укажите факторы, определяющие манеру изложения в каждом из названных случаев. По результатам проведённого вами эксперимента, сделайте выводы о степени сложности задач, которые необходимо было решать античным логографам при написании речей под заказ.

2. Используя материалы хрестоматии, подготовьте для студентов вашей группы сообщение на тему “Суд в Древней Греции: на чей стороне правда?”. Постарайтесь подвигнуть ваших слушателей к обсуждению предлагаемой вами информации, придав сообщению дискуссионный характер.

Литература

1. Борухович В.Г. Ораторское искусство Древней Греции // Ораторы Греции: Пер. с древнегреч. / Сост. М.Л. Гаспаров. – М.: Худож. лит., 1985.
2. Лисий. Речи / Перевод, статьи и комментарии С.И. Соболевского.– М.– Л.: Academia, 1933.
3. Соболевский С.И. Лисий и его речи // Лисий. Речи / Перевод, статьи и комментарии С.И. Соболевского.– М.– Л.: Academia, 1933
4. Тронский И.М. История античной литературы. – М.: Высш. школа, 1983.

ТЕМА 4. КАТЕГОРИИ “ПОЛЬЗА” И “ВРЕД” В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОМ КРАСНОРЕЧИИ

Становление риторики как особого вида деятельности и как искусства в Древней Греции происходило в период подъёма рабовладельческой демократии. Многие исследователи считают, что именно демократия создала условия для развития красноречия. В чём же заключались эти благоприятные условия для развития ораторского мастерства?

По свидетельству историков, это было время, когда каждый гражданин республиканского греческого полиса мог принимать участие в обсуждении государственных дел в Народном собрании. В Афинах, в самом крупном экономическом, политическом и культурном центре Древней Греции, заседания Народного собрания происходили через каждые десять дней. И через каждые десять дней на главной площади Афин собиралось множество граждан, желающих выразить своё отношение к решению вопросов государственной важности. Обратиться с речью к согражданам мог любой: богатый промышленник и ремесленник, главный стратег и рядовой воин. Выступление непременно сопровождалось ответной реакцией собравшихся: одобрение выражалось возгласами поддержки, аплодисментами, ораторы, с которыми народ не желал согласиться, обычно не могли завершить свою речь, так как их речь прерывалась порицающими криками, топотом ног. Все постановления Народного собрания принимались голосованием.

Народное собрание было законодательным органом власти в Афинах, совещательным и исполнительным органом власти был Совет пятисот (им рассматривались текущие дела в перерывах между заседаниями Народного собрания). Интересным является тот факт, что и Совет пятисот, и суд как ещё одно государственное учреждение, игравшее немаловажную роль в общественной жизни афинского полиса, были выборными органами власти и избирательные кампании отличались демократичностью. Избрание членов Совета пятисот происходило по жре-

бию из числа имущих граждан, выдвинутых в качестве кандидатов от каждого из десяти районов афинского полиса, а членами суда могли быть избраны мужчины не только состоятельные, но и малоимущие.

В эпоху правления Перикла (V в. до н.э.) был принят целый ряд законов, которые расширяли права граждан. Так, например, право быть избранным на должность архонта (главного стратега полиса) получили даже зевгиты, малосостоятельные граждане. Время правления Перикла, талантливого государственного деятеля и непревзойдённого оратора (о незаурядности этой личности красноречиво говорит тот факт, что Перикл избирался на должность первого стратега 14 раз), считается периодом наивысшего подъёма рабовладельческой демократии в Древней Греции.

Следует заметить, что жизнь древних греков не отличалась длительностью периодов политической стабильности и общественного спокойствия. Виной тому были затяжные и кровопролитные войны, которые разгорались из-за претензий враждующих сторон на политическое господство на суше и на море. Политическая активность граждан в условиях зыбкости мира была очень высока, так как решение вопросов, от которых зависела судьба государства, города, никого не могло оставить равнодушным. От умения политически активной личности “склонить” публику к своему мнению относительно того, что именно государству принесёт “пользу”, а что – “вред”, или опровергнуть неправое мнение противника зависело принятие жизненно важных постановлений. В таких условиях риторика стала впервые осознаваться как целостное явление и особый вид деятельности, требующий от человека специальных знаний и умений.

Возникшие в Греции школы красноречия давали возможность гражданам изучать правила организации риторической деятельности и, как следствие, играли немаловажную роль в воспитании политически активных личностей. Подготовка будущих мастеров красноречия в риторических школах строилась на изучении образцов совершенных речей, композиционных схем, приёмов, которые позволяли сделать речи действенными, максимально убедительными.

Одну из таких школ возглавлял ученик Горгия философ **Исократ** (436–338 гг. до н.э.). Исократ имел собственную риторическую концепцию и программу своей риторической и педагогической деятельности изложил в речи “Против софистов”. Некоторые речи Исократ послужили настоящими учебниками риторики, о чём свидетельствует большое количество отрывков из его речей, найденных на папирусах. Следует заметить, что немаловажную роль в этом отношении сыграло то, что Исократ, не имея возможности выступать в качестве политического оратора по причине слабости голоса, составлял эпидейктические и политические речи для распространения в письменном виде, придавая своим речам тем самым статус публицистических произведений. Исследователь античной литературы И.М.Тронский замечает, что многие речи Исократ становились публичным достоянием как политические памфлеты [4, с.177].

Деятельность Исократ совпала с периодом политического кризиса в греческом обществе, вызванного ожесточением борьбы между демократическими и олигархическими силами. Истожили силы греческих полисов и междоусобные войны. Постоянная угроза нападения со стороны Персии также вносила определённое напряжение в общественную жизнь. Авангардные силы общества искали выход из создавшегося положения. Предложил свою политическую программу спасения Эллады и Исократ.

Исократ видел единственную возможность разрешения политических и социальных проблем Греции в единении греческих полисов и в завоевании Персии. Данная политическая программа Исократ нашла отражение в написанной им речи “Панегирик” (панегириком в то время называлась речь, предназначенная для произнесения на общегреческом празднестве).

Исократ несколько раз обращался с данной речью к различным государственным деятелям. И только македонский царь Филипп II, который увидел в реализации проекта единения греческих полисов множество преимуществ для своего государства, развернул деятельность по созданию Эллинского союза городов, хотя и достаточно своеобразным способом: одним полисам он диктовал свои условия, по отношению к другим применял военную тактику, устанавливал своё могущество путём захватнических войн. Оппозиционно настроенные политические силы, представлявшие антимакедонское движение, всячески препятствовали реализации замыслов Филиппа. С течением времени греческое общество разделилось на два лагеря: тех, кто ратовал за союз, означавший политическую гегемонию Македонии, и тех, кто был против этого союза. Главным идеологом промакедонской партии в Афинах явился Исократ.

Текст “Панегирика” Исократа в хрестоматии приводится с некоторыми сокращениями. Знакомство с данным текстом способствует формированию представлений не только о специфике слога выдающегося публициста и учителя красноречия эпохи классицизма, но и о жизни древних греков, эстетические идеалы и активная жизненная позиция которых способствовали расцвету искусства красноречия.

ИСОКРАТ Панегирик

Впервые с “Панегириком” Исократ выступил на Олимпийских играх в 380 году до н.э. “непосредственно перед заключением второго афинского морского союза” [4, с.177]. Исследователи, однако, сомневаются в том, что данная речь была действительно написана для выступления на общегреческом собрании. Есть основания полагать, что “Панегирик”, на разработку которого Исократ потратил около десяти лет, носит экспериментальный характер. Особенностью данной речи является контаминация в ней сразу двух типов речей: эпидейктической и совещательной. Поскольку в реальной ораторской практике того времени речи такого рода не имели места, исследователи сделали заключение, что “Панегирик” Исократа фиктивен, то есть предназначался не для реального произнесения, а для распространения в письменном виде в качестве пробного варианта-образца синтеза политического красноречия с эпидейктическим.

В эпидейктической части речи, прославляя Афины и афинян, Исократ не отступает от традиционной композиционной схемы, которую использовали риторы для восхваления объектов самого разного рода. За вступительной частью энкомия обычно следовало обращение к прошлому объекта восхваления. Затем речь шла о воспитании того, кого восхваляют, воспитание обычно оценивалось по созидательной деятельности (основное занятие, совершенное владение какими-либо мастерствами, ремёслами, обычаями, искусством). Далее риторы обращались к характеристике тех видов деятельности, которые показывали достоинства души и тела: рассудительность, благоразумие, справедливость, мужество, силу. Следующим структурным звеном было обычно сопоставление.

Использование единообразной модели для изображения вещей позволяло риторам, с одной стороны, упорядочить представления о многоликом мире, с другой стороны, давало возможность отличиться в мастерстве оперирования традиционными схемами. Обращаясь к традиционной схеме энкомия, Исократ желал продемонстрировать непревзойдённое мастерство организации похвальной речи в рамках канонов.

В совещательной части “Панегирика” Исократ преследует иные цели: как оратор он хочет отличиться в искусстве убеждения, как гражданин – убедить спартанцев и афинян в необходимости единения сил для начала войны с Персией. Исократ подчёркивает, что аргументация ради красного словца, соперничества в красноречии и аргументация ради дела есть разные вещи, и акцентирует при этом целесообразность, актуальность речи и серьёзность своих коммуникативных задач. Таким образом, в контексте всей речи предшествующая собственно политической части речи похвала может быть интерпретирована как тактический ход в русле намеченной изначально коммуникативной стратегии убеждения.

То, что Исократ серьёзно обеспокоен состоянием дел и действительно ратует за единение в войне против персов, отражается не только в содержательных аспектах речи, но и в её лингвостилистическом оформлении. Даже самые патетические части речи не выглядят напыщенными, выпенными, намеренно изукрашенными. Риторизм исократовского слога в “Панегирике” является естественным, гармоничным. Таким образом, истинное мастерство Исократа как оратора проявляется в его умении сделать риторическое средство незаметным, то есть таким, которое в контексте своего употребления казалось бы единственно возможным и наиболее подходящим средством для выражения определённого смысла.

(1) Меня всегда удивляло, что на праздниках и состязаниях атлетов победителю в борьбе или в беге присуждают большие награды, а тем, кто трудится на общее благо, стремясь быть полезным не только себе, ни наград, ни почестей не воздают, (2) хотя они более достойны уважения, ибо атлеты, даже если они станут вдвое сильнее, пользы не принесут никому, а мыслящий человек полезен всем, кто желает приобщиться к плодам его мысли. (3) Но, решив с этим не считаться и полагая достаточной наградой славу, которую мне принесёт эта речь, я пришёл

сюда, чтобы призвать Элладу к единству и к войне против варваров. Хотя многие, притязавшие на звание ораторов, уже выступали на эту тему, (4) я твёрдо намерен их превзойти, ибо лучшими речами считаю такие, которые посвящены самым важным предметам, которые и оратору дают себя показать, и слушателям приносят наибольшую пользу, а моя речь, надеюсь, именно такова. (5) Да и время ещё не настолько упущено, чтобы призывать к действиям было уже поздно. Только тогда должен молчать оратор, когда дело сделано и обсуждать его нет смысла или когда вопрос исчерпан и к нему нечего больше добавить. (6) Но если дело не сдвинулось с места, так как прежние выступления оказались неудачны, неужели не стоит потрудиться над речью, которая в случае своего успеха покончит с междоусобной войной и избавит нас от великих бедствий? (7) Если бы имелся только один способ высказаться по существу предмета, было бы излишне докучать слушателям, повторяя сказанное другим; (8) но так как в речи можно по-разному истолковать одно и то же – великое сделать ничтожным, малое великим, по-новому взглянуть на события прошлого, а недавние пересмотреть в свете прежних, – значит, нужно не избегать предмета, о котором уже говорилось, а постараться его выразить ещё лучше. (9) Дела минувшие знакомы нам всем, но только разумному человеку дано вовремя извлечь из них урок, правильно понять и ясно выразить их подлинный смысл.[...]

(15) Теперь – о том, что касается всех. Ораторы, которые говорят, что пора нам прекратить взаимные распри и обратить оружие против варваров, перечисляя тяготы междоусобной войны и выгоды от будущего покорения Персии, совершенно правы, но забывают о главном. (16) Эллинские города большей частью подвластны либо Афинам, либо Спарте, и разобщённость эту усиливает разница в их государственном и общественном строе. Безрассудно поэтому думать, что удастся побудить эллинов к совместным действиям, не примирив два главенствующие над ними города. (17) Если оратор хочет не только блеснуть красноречием, но и добиться чего-то на деле, он должен убедить Афины и Спарту признать друг за другом равные права в Элладе, а выгод искать в войне против персов. (18) Наш город склонить к этому нетрудно; гораздо труднее убедить спартанцев, ибо они унаследовали от предков необоснованные притязания на господство в Элладе. Но если доказать, что эта честь подобаёт скорее нам, они откажутся от мелочных препирательств и займутся тем, что для них по-настоящему выгодно. (19) Вот с чего следовало начинать ораторам: сперва разрешить спорный вопрос, а уж потом излагать общепризнанные истины. Я буду стремиться прежде всего убедить Афины и Спарту покончить с соперничеством и объявить войну персам, (20) а если эта цель недостижима, то по крайней мере я назову виновника нынешних бедствий Эллады и докажу, что Афины с полным правом добиваются в Элладе первого места.

(21) В любом деле почётное место принадлежит тем, у кого больший опыт и способности, и, несомненно, мы вправе вернуть себе былое могущество, ибо ни одно государство не имеет такого опыта сухопутных войн, каким Афины обладают в морских сражениях. [...] (23) Все признают Афины самым древним, самым большим и знаменитым городом; уже одно это даёт нам право гордиться, но у нас есть ещё большие основания для гордости. (24) Мы не пришельцы в своей стране, прогнавшие местных жителей или заселившие пустошь, и свой род мы ведём не от разных племён. Нет происхождения благороднее нашего: мы всегда жили на земле, породившей нас, как древнейшие, исконные её обитатели. [...] Великие блага нам даровала судьба, а сколько благодеяний мы оказали другим, станет ясно, если дать самый краткий обзор древнейшей истории нашего города. Тогда мы увидим, что должны быть благодарны Афинам не только за их военные подвиги, но и за самую возможность существовать, имея свою землю и государственность.

[...] (45) Великолепных зрелищ, дорогостоящих и утончённых, в Афинах можно увидеть так много, а число приезжающих к нам так велико, что можно с уверенностью сказать: в нашем городе люди всегда могут воспользоваться благами общения друг с другом. В Афинах легче, чем где бы то ни было, завязать прочную дружбу и разнообразные связи. Здесь можно увидеть не только состязания в силе и ловкости: с не меньшим пылом у нас соревнуются в красноречии и остроумии.

[...] (50) В уме и красноречии Афины своих соперников опередили настолько, что стали подлинной школой всего человечества, и благодаря именно нашему городу слово “эллин” теперь означает не столько место рождения, сколько образ мысли и указывает скорее на воспитание и образованность, чем на общее с нами происхождение.

(51) Но чтобы не показалось, будто я задерживаюсь на мелочах, хотя обещал говорить только о важном, или что я восхваляю свой город за мудрость и красноречие лишь потому, что мне нечего сказать, о его доблести на войне, позволю себе высказаться и об этом для тех, кто чересчур кичиться боевой славой, тем более что за военную доблесть наши предки достойны не меньших похвал, чем за прочие свои заслуги. (52) Много испытаний, суровых и тяжких, выпало на их долю, ибо они сражались не только за свою землю, но и за чужую свободу, так как наш город для угнетённых и притесняемых эллинов всегда был прибежищем и оплотом.

[...] (66) Теперь об афинских победах над варварами, тем более что главная цель моей речи – указать путь к господству над ними. Все войны и битвы перечислять было бы долго, поэтому я скажу лишь о главном. (67) Самые воинственные и могущественные варварские племена – это скифы, фракийцы и персы. Каждое из них на нас нападало, и каждому мы дали отпор. Что ещё могут сказать наши недоброжелатели, если эллины в поисках справедливости обращаются за помощью именно к нам, а варвары, желая поработить эллинов, нападают прежде всего на нас?

[...] (73) Пусть не думают, что я не знаю о заслугах в этой войне спартанцев, но тем большей похвалы достойны Афины, что сумели превзойти такого соперника. О тогдашних афинянах и спартанцах я хочу сказать немного подробнее, чтобы напомнить, какова была доблесть тех и других и сколь велика их ненависть к варварам. (74) Знаю, что трудно говорить о предмете, уже не раз бывшем темой речей видных граждан на погребении тех, кто пал смертью храбрых. Всё главное, конечно, уже было сказано, но кое-что всё же осталось упущено, и нелишне будет о нём напомнить, так как это содействует нашей цели.

(75) Великой славы достойны те, кто, рискуя жизнью, защитил Элладу, но несправедливо забывать о людях предыдущего поколения, благодаря которым победа стала возможной. Это они вырастили достойную смену, воспитали в своих детях отвагу и доблесть и сделали их настоящими бойцами. (76) Превыше всего ставя общее благо, они не расточали, но пополняли казну и распоряжались ею так разумно, как если бы она была их собственной, и так честно, словно она была для них совершенно чужой. Деньги тогда не были мерилем счастья; самым надёжным и честным богатством считалось доброе имя у современников и слава, оставляемая потомкам. (77) Они не соревновались в бесстыдстве, не упражнялись в своеволии и наглости; дурной славы среди соотечественников они боялись больше, чем смерти за отчизну, и опозорить свой город боялись больше, чем теперь люди боятся опозорить самих себя. (78) Они соблюдали старинный обычай и заботились не столько о взыскании долгов, сколько о нравах и образе мысли, зная, что честным людям не нужно много законов, что и с немногими можно решать как частные, так и общественные дела. (79) Столь велика была их любовь к отечеству, что спорили они между собой не за власть, а о том, кто окажет отчизне услугу, и вступали между собой в союзы не в личных целях, а в интересах общества. (80) Так же они относились и к другим государствам: стремясь завоевать расположение эллинов, они были для них наставниками и предводителями, а не господами и тиранами; они не губили их, а спасали, не поработали, а опекали. (81) Их слово было надёжнее клятвы, а договоры они соблюдали так, словно вообще не представляли, что их можно нарушить. Они не кичились своей мощью, они были умеренны в своих притязаниях и относились к слабейшим так, как хотели бы, чтобы сильнейший относился к ним самим. В своих городах они видели свой дом, а общим отечеством считали Элладу.

(82) Вот каких убеждений держались тогдашние афиняне и спартанцы, и, воспитывая в том же духе своих детей, они вырастили таких бойцов против персов, что не нашёлся ещё ни поэт, ни оратор, который достойно воспел бы их подвиг. Винить их за это едва ли возможно, ибо восхвалять показавших величайшую доблесть столь же трудно, как тех, кто ничего славного не совершил: тех вообще не за что хвалить, а для этих невозможно найти слова, соответствующие величию их деяний. (83) Какие слова будут достойны мужей, которые превзошли покорителей Трои? Те десять лет осаждали один единственный город, а эти разом сокрушили мощь целой Азии и не только защитили свои города, но и спасли от порабощения всю Элладу. Перед какими же подвигами и трудами отступили бы они ради славы при жизни, если с готовностью шли на смерть, обещавшую им лишь посмертную славу? (84) Я думаю даже, что это испытание послали им боги ради них же самих, чтобы отвага их получила известность, чтоб не прожили они всю жизнь незаметно, а удостоились участи полубогов, которые не избежали смерти, но память о которых бессмертна вовек.

(83) Наши предки и спартанцы всегда соперничали, но тогда они состязались на поприще славы и не считали себя врагами.[...]

[...] (115) Неужели мир, который мы имеем сейчас, и свобода городам, которая только числится в договоре, лучше, чем бывшее господство Афин? Кому нужен мир, при котором на море хозяйничают пираты, когда города отданы во власть наёмников, (116) а их жители воюют не с внешним врагом, а друг с другом, внутри городских стен, когда города становятся военной добычей чаще, чем во время войны, когда из-за частых переворотов гражданам приходится хуже, чем изгнанникам, потому что граждане в постоянном страхе перед будущим, а изгнанникам оно сулит возвращение? (117) А уж свободы и самоуправления нет и в помине: одни города под игом тиранов, другими правят спартанские наместники, третьи стёрты с лица земли, четвёртые стонут под властью персов.[...]

(122) Но мы не должны с этим мириться, мы должны возродить афинскую державу, мы должны открыто осудить спартанцев за то, что они начали войну под предлогом освобождения эллинов, а кончили тем, что предали их: ионийцев, для которых наш город праматерь, которых мы не раз спасали от гибели, они подстрекнули к восстанию против Афин, а потом отдали во власть персам, их ненавистникам и смертельным врагам. (123) Тогда спартанцы возмущались тем, что мы совершенно законно управляли некоторыми городами, а теперь их ничуть не заботит, что ионийские города в ужасающем рабстве. Мало того, что они платят дань, что их крепости заняты вражескими войсками, – их жителей, свободнорожденных граждан, подвергают телесным наказаниям и побоям, более унижительным, чем в Афинах – рабов. (124) Но хуже всего то, что их заставляют сражаться за рабство против тех, кто борется за свободу, в войне, где поражение сулит им смерть, а победа – ещё более тяжкое иго. (125) На ком же ещё, как не на спартанцах, лежит ответственность за это? [...]

(129) Пусть не думают, что я враждебен к Спарте, хотя обещал говорить о примирении с ней. Не для того я употребил резкие выражения, чтобы очернить и оклеветать спартанцев, а только затем, чтобы убедить их отказаться от их нынешнего образа мыслей. (130) Невозможно пресечь дурные поступки и направить виновного на истинный путь, не осудив сурово его теперешних действий. Порицать человека для его же пользы – значит не хулить, а вразумлять его, ибо слова надо воспринимать соответственно цели, которую они преследуют. (131) Так вот, я хочу упрекнуть спартанцев в том, что они закабаляют своих ближайших соседей в интересах лишь своего государства, а для Эллады в целом сделать то же самое не хотят. А ведь если бы они помирились с нами, то легко могли бы подчинить Элладе всех варваров, живущих по соседству с ней.

[...] (133) Если бы нашёлся сторонний наблюдатель и взглянул на нынешнее положение вещей, он решил бы, что и мы и спартанцы безумны, потому что враждуем из-за ничтожных выгод, хотя под рукой огромные богатства, и разоряем друг у друга наши собственные земли, хотя в Азии нас ждёт обильная жатва. (134) Персидскому царю только и остаётся заботы – постоянно разжигать между нами распрю, не давая затихнуть междоусобной войне, а нам насколько не приходится в голову сеять смуту в его державе, что мы сами помогаем ему усмирять восстания, как это сейчас происходит на Кипре, где с помощью одного эллинского войска мы позволяем ему расправляться с другим. (135) Восставшие жители Кипра дружественны Афинам и готовы всецело подчиниться Спарте; что же касается сил Тирибаза, то самую боеспособную часть его пехоты составляют эллинские наёмники, а моряки его – почти сплошь ионийцы. Насколько охотнее они бы объединились для совместного похода за богатствами Азии, чем сражаться друг с другом из-за ничтожной добычи! (136) Но нам не до этого: забыв обо всём, мы воюем друг с другом за Кикладские острова, а множество городов и многочисленные войска отдали варвару, по сути, даром. Одними городами он уже владеет, другими завладеет наверняка и готовится уже к захвату третьих, справедливо ставя нас ни во что. (137) Ему удалось то, чего не сумели его предки [...] И всё это – не столько благодаря своей силе, сколько из-за нашего безрассудства.

(138) Многие опасаются могущества царя и утверждают, что он очень грозный противник, напоминая о его большом влиянии на эллинские дела. Но этим, я полагаю, они лишь убеждают, что войну надо начинать как можно скорей: если даже при полном нашем единстве и при раздорах в стане врага война с ним будет трудна и опасна, тем опаснее, что может настать время, когда варвары будут выступать сплочённо, а мы всё ещё будем враждовать, как сейчас. (139) К тому же они совершенно неправы в том, как оценивают силы царя. Если бы

назвали хоть один случай в прошлом, когда бы царь оказался сильнее Афин и Спарты, то нам было бы чего бояться, но такого ни разу не случалось. А что царь, поддерживая то афинян, то спартанцев, враждующих между собой, приносил то тем, то этим успех, ещё не говорит о его могуществе.[...] (139) Чтобы правильно оценить возможности царя, нужно брать в расчёт только те примеры, когда царь воевал не как чей-то союзник, а самостоятельно, сам по себе. Так вот, когда против него восстал Египет, что было сделано для подавления мятежа? Царь послал на войну своих лучших полководцев Аброкома, Тифравста и Фарнабаза, а те, протоптавшись на месте три года и испытав больше поражений, чем удач, отступили от Египта с таким позором, что восставшие, не довольствуясь добытой свободой, уже посягают на соседние земли.[...] (142) В Родосской войне царю сочувствовали даже союзники Спарты, недовольные её жестоким правлением; в его распоряжении были афинские моряки, а командовал его флотом не кто иной, как Конон, опытнейший полководец, пользующийся огромным доверием эллинов. Но даже имея такого помощника, царь целых три года позволял сотне триер держать взаперти у малоазийского побережья весь свой флот; больше того, не выплатив войску жалованья за целых пятнадцать месяцев, царь привёл его в состояние такого развала, что войско едва не разошлось по домам, и только благодаря полководцу, а также союзу, заключённому в Коринфе, оно выиграло морскую битву, и то еле-еле, с большим трудом. (143) Таковы самые крупные царские победы, о которых, не умолкая, твердят повсюду те, кто превозносит могущество царя. Никто не сможет меня упрекнуть в том, что я привожу не те примеры и замалчиваю подлинные успехи царя. [...] (149) [...] Итак, мы видим, что всюду персы ясно показали свою слабость: в азиатских областях, прилегающих к морю, они многократно терпели поражения, за вторжение в Европу они тоже поплатились бесславной гибелью и постыдным бегством и, наконец, покрыли себя позором в глубине страны, на пороге столицы.

(150) Ничего удивительного в этом нет; то, что случилось, вполне естественно. Не могут люди, выросшие в рабстве и никогда не знавшие свободы, доблестно сражаться и побеждать. Откуда взяться хорошему полководцу или храброму воину из нестройной толпы, непривычной к опасности, неспособной к войне, зато к рабству приученной как нельзя лучше. (151) Даже знатнейшие их вельможи не имеют понятия о достоинстве и чести; унижая одних и пресмыкаясь перед другими, они губят природные свои задатки; изнеженные телом и трусливые душой, каждый день во дворце они соревнуются в раболепии, валяются у смертного человека в ногах, называют его не иначе как богом и отбивают ему земные поклоны, оскорбляя тем самым бессмертных богов. (152) Не удивительно, что те из них, кто отправляется к морю в качестве так называемых сатрапов, оказываются достойны своего воспитания и полностью сохраняют усвоенные привычки: они вероломны с друзьями и трусливы с врагами, раболепны с одними и высокомерны с другими, пренебрегают союзниками и угождают противникам. (153) Войско Агесилая они, в сущности, кормили за свой счёт целых восемь месяцев, а собственное войско оставили без жалованья на срок вдвое больший. Врагу, захватившему Кисфену, они уплатили сотню талантов, а своих воинов, воевавших на Кипре, содержали хуже, чем пленных рабов. (154) Каждый, кто идёт на них войной, уходит с богатыми дарами, а те, кто у них состоит на службе, умирают от побоев и истязаний. Конона, который, обороняя Азию, сокрушил могущественную спартанскую державу, они вероломно схватили и казнили, а Фемистокла, который, защищая Элладу, наголову разбил их в морском бою, они неслыханно щедро вознаградили. (155) Можно ли полагаться на дружбу тех, кто казнят оказавших им услугу и заискивают перед своими врагами? Скольким уже эллинам они причинили зло! С каким упорством они строят козни Элладе! Им ненавистно у нас решительно всё: даже изваяния и храмы наших богов они дерзнули сжечь и разграбить.

[...](158) Вражда наша к персам так велика, что нет для нас более приятных сказаний, чем о Троянской и Персидской войне, потому что в них говорится о поражениях варваров в войне. Легко заметить, что о войне против персов у нас слагаются хвалебные песни, а о войнах против эллинов – только плачи; те поют на торжествах и праздниках, а эти вспоминают в горести и беде. (159) Думаю, что и творения Гомера славятся больше других за то, что он воспел войну против варваров. Именно поэтому наши предки сочли полезным исполнять их на состязаниях музыкантов и при обучении детей, чтобы, часто слушая эти поэмы, мы учились ненавидеть варваров и, подражая доблести воевавших с ними, стремились совершить такой же подвиг.

(160) Даже слишком многое, я считаю, нас побуждает к войне против персов, а сейчас для этого самое время. Позор упускать удобный случай и потом о нём с горечью вспоминать.

[...] (165) Опыт учит, что в случае войны с разноплеменным противником следует не ждать, пока он соберёт свои силы, а нападать, пока они разбросаны по разным местам. Наши предки допустили явный промах, но исправили его в тяжёлых боях; а мы, если будем действовать умнее, подобной оплошности не повторим и постараемся внезапным ударом занять Лидию и Ионию, (166) зная, что жители этих областей давно тяготеют господством персов и лишь потому терпят их власть, что поодиночке не справятся с царским войском. И если мы туда переправим большие силы – а это нетрудно, стоит лишь захотеть, – то без риска станем владыками Азии. Куда лучше отвоёвывать у царя его державу, чем оспаривать друг у друга первенство в Элладе.

(167) Хорошо бы начать поход ещё при нынешнем поколении, чтобы оно, перенёсшее столько бед, смогло наконец насладиться счастьем. Слишком много ему пришлось выстрадать: хотя жизнь вообще неотделима от горя, к естественным страданиям, неизбежным от природы, мы сами прибавили войны и смуты, (168) из-за которых они беззаконно гибнут, другие скитаются с семьёй по чужбине, многие ради заработка уходят в наёмники и, сражаясь с друзьями, умирают за врагов. Никого это не трогает; люди плачут над вымыслами поэтов, а на подлинные страдания, порождённые войной, взирают спокойно и равнодушно. (169) Впрочем, смешно с моей стороны сокрушаться об отдельных людях, между тем как Италия опустошена, Сицилия в рабстве, ионийские города отданы персам, а судьба остальной Эллады на волоске.

(170) Как могут власти наших городов гордиться собой, когда они бездействуют, видя всё это? Будь они достойны своего положения, им следовало давно отложить все дела и настойчиво предлагать войну против персов. Они могли бы хоть что-нибудь сделать, (171) а если бы даже и не достигли успеха, то, по крайней мере, оставили бы в назидание потомкам свои вдохновенные речи. А сейчас они заняты пустяками и оставили это важнейшее дело нам, далёким от государственных дел. (172) Но чем мелочнее заботы, в которых они погрязли, тем усерднее мы должны искать путей к единству Эллады. Сейчас наши мирные договоры бессмысленны: мы не прекращаем, а лишь откладываем войны, выжидая случая нанести друг другу смертельный удар. (173) Пора покончить с этим коварством и сделать так, чтобы мы могли жить спокойно и с доверием относиться друг к другу. А как это сделать, объяснить очень просто: не будет у нас прочного мира, пока варварам мы не объявим войну; не будет между нами согласия до тех пор, пока мы не найдём себе общего врага и общий источник обогащения. (174) А когда это осуществится и исчезнет у нас бедность, которая разрушает дружбу, родных делает врагами, вовлекает людей в мятежи и войны, тогда воцарится всеобщее согласие и мы станем по-настоящему доброжелательны друг к другу. Значит, надо как можно скорее перенести войну из Европы в Азию и извлечь из наших распрей хотя бы ту пользу, что опыт, накопленный в междоусобной войне, мы сможем применить в походе на персов.

(175) Мне могут возразить, что от объявления войны нас обязывает воздержаться мирный договор с Персией. Но из-за него города, получившие независимость, признательны царю как своему освободителю, а города, отданные под власть варварам, клянут как виновников своего рабства спартанцев и других подписавших мир. Неужели не следует порвать договор, создающий впечатление, будто варвар заботится об Элладе и потому охраняет мир, а некоторые из нас нарушают мир и тем причиняют Элладе зло? (176) Нелепее всего то, что мы соблюдаем самые ненавистные положения договора: тот его раздел, где говорится о свободе островам и городам европейской части Эллады, уже давно и прочно забыт, а самая позорная для нас статья, отдавшая ионийцев в рабство персам, по-прежнему остаётся в полной силе. Мы признаём законным то, чего не должны были терпеть ни дня, считая это не договором, а основанным на грубой силе приказом.

[...] (181) Поэтому мы должны во что бы то ни стало отомстить за прошлое и обеспечить своё будущее. Позор, что у себя дома мы держим варваров на положении рабов, а в делах Эллады миримся с тем, что наши союзники в рабстве у них. Когда-то, во времена Троянской войны, из-за похищения одной женщины наши предки вознегодовали настолько, что родной город преступника сровняли с землёй. (182) А сейчас, когда жертва насилия – вся Эллада, мы не желаем отомстить за неё, хотя могли бы осуществить свои лучшие мечты. Это единственная война, которая лучше, чем мир. Похожая больше на лёгкую прогулку, чем на поход, она выгодна и тем, кто хочет мира, и тем, кто горит желанием воевать: те смогут открыто пользоваться своим богатством, а эти разбогатеют за чужой счёт. (183) Во всех отношениях эта война необходима. Если нам дорога не пожива, а справедливость, мы должны сокрушить наших злейших врагов, которые всегда вредили Элладе. (184) Если есть в нас хоть капля мужества, мы должны

отобрать у персов державу, владеть которой они недостойны. И честь и выгода требуют от нас отомстить нашим кровным врагам и отнять у варваров богатства, защищать которые они не способны. (185)[...] Найдётся ли кто-нибудь столь равнодушный, будь то юноша или старик, кто не захочет попасть в это войско с афинянами и спартамцами во главе, снаряжённое от имени всей Эллады, чтобы союзников избавить от рабства, а персов заслуженно покарать? (186) А какую славу стяжают при жизни, какую посмертную память оставят те, кто отличится в этой войне! Если воевавших когда-то против Париса и взявших осадой один только город продолжают восхвалять до сих пор, то какая же слава ждёт храбрецов, которые завоюют Азию целиком? Любой поэт и любой оратор не пожалеет ни сил, ни труда, чтобы навеки запечатлеть их доблесть.

(187) Я уже не чувствую той уверенности, с которой начинал свою речь: я думал, что речь будет достойна своего предмета, но вижу, что не сумел его охватить и многое не сказал из того, что хотел. Значит, вам остаётся самим подумать, какое нас ждёт великое счастье, если войну, губящую нас, мы перенесём из Европы в Азию, а сокровища Азии доставим к себе. (188) Я хочу, чтобы вы ушли отсюда не просто слушателями. Пусть те из вас, кто сведущ в делах государства, добиваются примирения Афин и Спарты, а те, кто опытен в красноречии, пусть перестанут рассуждать о денежных залогах и прочих безделках, пусть лучше попробуют превзойти эту речь и поищут способа на эту же тему высказаться красноречивей, чем я, (189) помня, что настоящему мастеру слова следует не с пустяками возиться и не то внушать слушателям, что для них бесполезно, а то, что и их избавит от бедности, и другим принесёт великие блага.

Печатается по изданию: Ораторы Греции:
Пер. с древнегреч. / Сост. М. Гаспаров. – М.:
Худож. лит. – 1985. – С.39–41, 44–45, 53–64.

Вопросы и задания к тексту

1. В какой части своей речи и зачем Исократ говорит о цели своего выступления и последовательности изложения?
2. Проанализируйте вступительную часть речи. Насколько серьёзно Исократ относится к предмету речи? Согласны ли вы с предположением, что главным мотивом к написанию речи для автора было лишь желание продемонстрировать своё риторическое мастерство? Какой вам видится основная цель речи? Можно ли считать данную речь полифункциональной?
3. Почему, считая главным для прекращения междоусобных войн в Элладе признание равных прав в управлении государством для Афин и Спарты, Исократ значительную часть речи посвящает доказательству того, что Афины имеют полное право на первенство в Элладе? Исократ противоречит себе или это тактический приём?
4. Почему одним из самых патетических фрагментов части речи, посвящённой восхвалению Афин, является фрагмент, где Исократ напоминает о доблести и афинян и спартамцев, спасших Элладу от порабощения во времена греко-персидских войн в V веке?
5. Переходя от восхваления Афин к собственно совещательной части своей речи, Исократ ярко живописует беды, постигшие Элладу с утратой афинской гегемонии, подвергает резкой критике политику и действия спартамцев в современной обстановке. Как вы думаете, может быть, Исократу целесообразнее было бы обойтись без критических замечаний в адрес тех, кого он призывает к единению?
6. Осудив спартамцев и, по существу, противопоставив их афинянам, Исократ далее вновь объединяет Спарту и Афины, говоря об общем безрассудстве, которое стало причиной политического господства персов. Определите значимость слова “мы” в этой части речи. Насколько явным здесь оказывается невольный контраст “мы” и “предки”?
7. Какие аргументы использует Исократ, доказывая мнимость могущества персов?
8. Почему Исократ упоминает поэмы Гомера? Оцените умение Исократа подавать факты в стратегически выгодном ракурсе.
9. Насколько обоснованным представляется призыв Исократа начать поход против персов незамедлительно? Какого рода аргументы применяет Исократ, побуждая Элладу к войне против персов?
10. Почему, закругляя свою речь, Исократ предпочитает доводы “к человеку”?

11. В заключении своей речи Исократ вновь говорит о соперничестве в красноречии. О чём свидетельствует данный факт?

12. Выпишите оценочные номинации, которые применяет Исократ, характеризуя действия афинян, спартанцев, врагов. Разнообразны ли языковые средства, используемые Исократом для выражения эмоций и оценок? Выпишите несколько примеров эмотивно-окрашенных синтаксических конструкций.

13. Как бы вы оценили слог Исократа – громоздкий или лёгкий, патетический или сдержанный?

14. Каково ваше общее впечатление от речи? Оцените риторическое мастерство Исократа.

Дополнительные задания и информация к размышлению

1. Сочините свою речь-обращение к рядовым гражданам / к правительству на злобу дня. Будет ли наблюдаться различие в коммуникативных тактиках при реализации одной и той же цели в зависимости от того, кто является адресатом?

2. Как вы думаете, почему в убеждающей речи ораторы нередко прибегают к фигуре похвалы в адрес тех, кого хотят склонить к своему мнению? Оцените степень воздействующей силы такого приёма, а также выявите факторы, определяющие силу воздействия похвалы в убеждающем дискурсе. Как избежать того, чтобы похвала не выглядела лестью? Определите ваше отношение к описываемому тактическому приёму, припомнив те эпизоды из вашей жизни, когда по отношению к вам была использована похвала с целью убеждения.

3. Интерпретируйте приведённые ниже тексты изречений и, используя синонимические ресурсы языка, попробуйте выразить те же самые мысли иначе, “сказать лучше”, чем сказано автором этих афоризмов – Исократом.

Учёность – это сладкий плод горького корня.

Что постыдно делать, о том и говорить не считай приличным.

Если нельзя не говорить о том, что раньше сказали другие, то следует попытаться сказать это лучше них.

Принимайся говорить в двух случаях: или когда предмет своей речи обдумал ты ясно, или когда сказать о чём-нибудь необходимо; потому что только в этих двух случаях речь лучше молчания, а в остальных случаях гораздо лучше молчать, чем говорить.

Одна из первых обязанностей дружбы состоит в том, чтобы предупредить просьбы друзей.

Попросите ваших товарищей оценить, насколько успешными явились результаты вашего творчества.

Литература

1. Борухович В.Г. Ораторское искусство Древней Греции // Ораторы Греции: Пер. с древнегреч. / Сост. М.Л. Гаспаров. – М.: Худож. лит., 1985.

2. Введенская Л.А., Павлова Л.Г. Культура и искусство речи. Современная риторика. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998.

3. Погорелко В.Ф., Гурвич С.С., Герман М.А. Основы риторики. – Киев, 1988.

4. Тронский И.М. История античной литературы. – М.: Высшая школа, 1983.

ТЕМА 5. ФИГУРА ДЕМОСФЕНА В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОМ КРАСНОРЕЧИИ

Если окинуть единым взглядом всю эпоху классицизма, то самой значительной фигурой в плеяде выдающихся древнегреческих ораторов является фигура **Демосфена** (384 – 322 гг. до н.э.), ритора, для которого борьба за справедливое и забота о пользе государства составили смысл всей жизни и деятельности. При всей противоречивости натуры, политической близорукости и недостойной компромиссности в государственных и частных делах этого пламенного борца за независимость своей родины по праву считают непревзойдённым мастером красноречия эпохи классицизма, красноречия, проникнутого пафосом гражданского патриотизма.

Время, в которое пришлось жить Демосфену, отнюдь не представляет счастливых страниц в истории Древней Греции. Усиливающиеся антагонизмы между крупными торговцами,

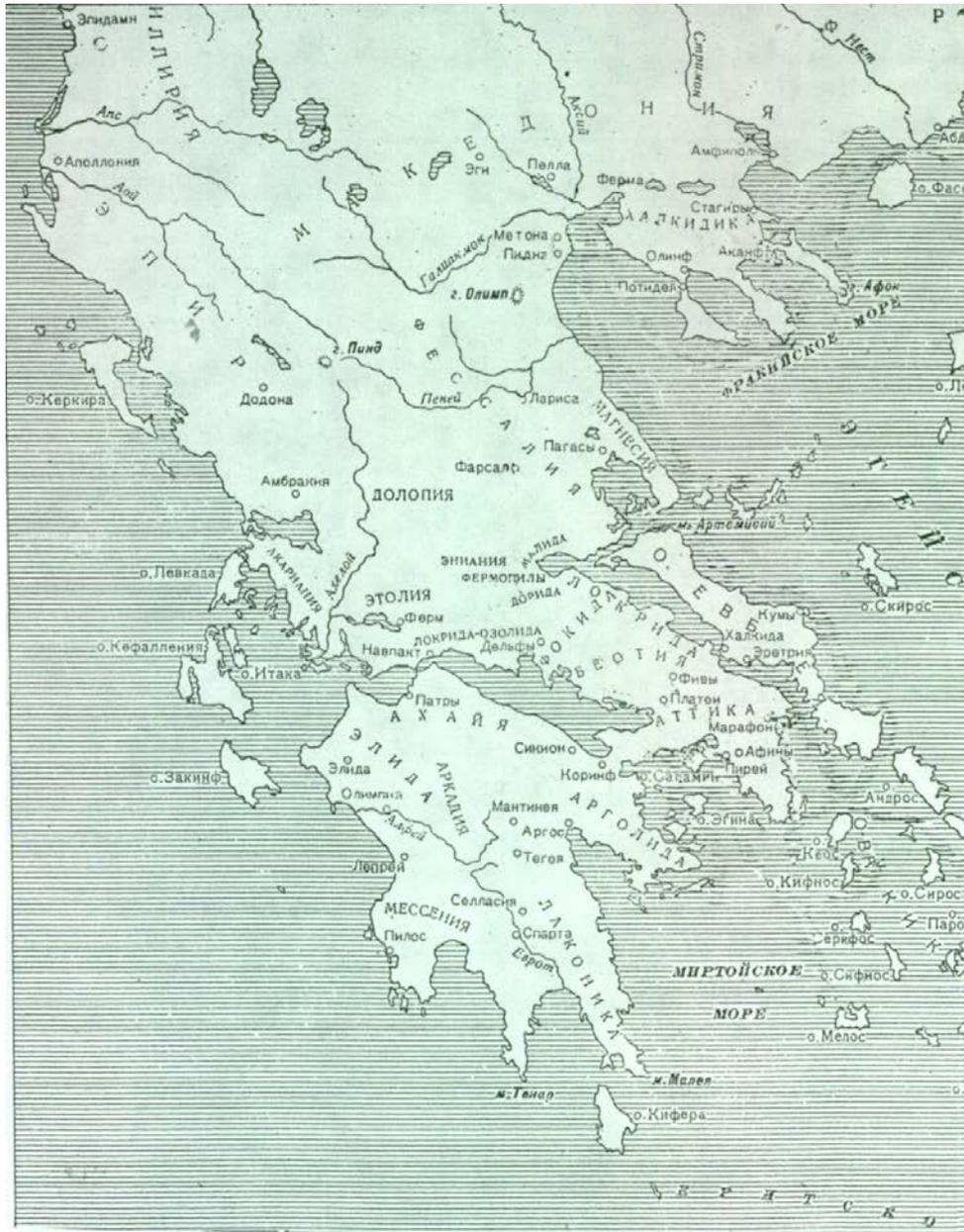
промышленниками и разоряющимися ремесленниками, бесконечные войны, отражающие территориальные конфликты, привели к разобщённости интересов не только отдельных граждан, мелких общин, но и полисов, разрушили древние греческие традиции, согласно которым интересы государства были выше интересов отдельных городов, и привели к забвению осознание необходимости сохранения национального единства.

Создавшейся ситуацией умело воспользовался македонский царь Филипп II. История порабощения Филиппом Греции была фатально неотвратимой и неумолимо поступательной в своём развитии. Обладая незаурядными дипломатическими способностями, дальновидностью расчётливого политика и талантом военного полководца, не брезгуя лживыми посулами и даже подкупом, Филипп в течение только первых двух лет своего пребывания у власти захватывает важнейшие в военно-стратегическом отношении районы Греции. Объявленная афинским полисом в 357 году война Филиппу не спасает положения. Лучшие афинские союзники мало-помалу перешли на сторону неприятеля. Уничтожение Филиппом в Фессалии фокийской армии в 353 году, успешные военные операции македонского царя в союзной с Афинами Фракии в 351 году, наконец, падение одного из самых важных стратегических пунктов Греции Олинфа в 347 году привели к тому, что афиняне вынуждены были предпринять шаги по заключению мира с Филиппом.

Заключению мира во многом способствовали македонофилы, представители сложившейся в Афинах промакедонской партии. Одни члены партии искренне верили в то, что мир с Филиппом является единственно верной и благотворной политикой для Греции, другие были явно подкуплены Филиппом. По инициативе промакедонской партии к Филиппу было отправлено греческое посольство с целью принятия соглашения об условиях заключения мира. Возглавляли это посольство три политических деятеля: представитель промакедонской партии Эсхин (впоследствии, по свидетельству исследователей, тайный эмиссар и доверенное лицо Филиппа), единомышленник Эсхина Филократ и Демосфен. Результатом данной дипломатической миссии явилось то, что условия позорного для Греции мира, акции, парализующей патриотические стремления, были оговорены.

По возвращении посольства в Афины Народное собрание ратифицирует мир, несмотря на то что Филипп выдвинул новое условие – не включать в мирный договор в качестве афинских союзников фокидян. Многие политики, в том числе и Демосфен, пытались убедить своих соплеменников, что исключение из договора Фокиды приведёт к её гибели: Филипп не преминёт напасть на Фермопилы, а без поддержки союзников фокидяне не смогут защитить себя. Однако к этим предостережениям никто не хотел прислушиваться. Афиняне присягнули договору в той форме, в которой пожелал его иметь Филипп. Тем самым было совершено явное предательство, вероломное по сути и фатальное по своим последствиям для всей Греции.

Предвидя быстрое развитие событий и опасаясь, что Филипп до ратификации договора македонской стороной может захватить новые территории, весной 346 года Демосфен призывает сограждан без промедления направить новое посольство к Филиппу с тем, чтобы скрепить мирный договор его подписью. Назначенное посольство, возглавляемое Эхином, действующим, очевидно, по инструкции Филиппа, не спешило с отъездом. В результате мирный договор лукавый македонянин подписал спустя значительное время, когда были завершены приготовления к походу на Фокиду, а войска подведены в непосредственную близость к Фермопилам. Фокидяне, не имея возможности без поддержки афинского флота противостоять противнику, сдают Фермопилы без боя, Филипп провозглашает Фокиду частью Македонии и подвергает поселения фокидян разрушению.

Афиняне в гневе хотели тут же объявить Филиппу войну. Однако Демосфен, понимая всю опасность изолированного положения Афин, обращается к согражданам с речью о мире. Соплеменники прислушались к мнению Демосфена. Для большинства афинян теперь стало очевидным, что верить дальнейшим посулам македонского царя неразумно. Демосфен требует, чтобы виновники случившейся дипломатической катастрофы были наказаны. Дело о посольстве, заключившем позорный для Греции Филократов мир, тем не менее, затянулось, и его рассмотрение в суде состоялось только через три года в 343 году. Произнесённая Демосфеном речь, в которой участники посольства, направленного к Филиппу, обвинялись в продажности и умышленном затягивании переговоров, среди афинян, уже достаточно успокоившихся и довольствующихся благами мира, к сожалению, не возымела должного резонанса. Эсхин после произнесения им блистательной ответной речи был оправдан.

Демосфен, игнорируя нанесённую ему обиду, отправляется в Пелопонесс в поисках новых союзников, чтобы с ними готовиться к войне с Филиппом. Как истинный патриот, он не перестаёт обращаться с речами и к своим согражданам, изобличая коварство Филиппа, который под эгидой трактата о мире захватывал всё новые и новые территории.

Дипломатические переговоры с Филиппом относительно включения в мирный договор всех греческих государств не привели к успеху, и в 341 году Демосфен, понимая, что дальнейшее промедление приведёт к ещё большей изоляции Афин, начинает открыто агитировать сограждан к возобновлению войны с Македонией. Демосфен произносит две замечательные речи:

“О Херсонесе” и III Филиппу – уверяя сограждан в том, что нарушителем мира является сам Филипп, не прекращавший после заключения договора военных действий. В итоге война Филиппу была объявлена. Однако события опять разворачиваются весьма неблагоприятным для Афин образом.

Начавшаяся II Священная война между амфикионским союзом и Амфиссой, находящейся на юге Фокиды, дала македонянам перевес. Филипп был назначен амфикионами исполнителем приговора над жителями Амфиссы за вспашку ими с полвека назад священного Аполлонова поля. Македонский царь со своей армией, беспрепятственно пройдя через Фессалию, направляется, однако, не к Амфиссе, а к Элатее и превращает этот город в неприступную крепость. Оттуда он обращается к фивянам, не питавшим особых симпатий к афинским жителям, с требованием либо пропустить македонскую армию через свою территорию к Афинам, либо объединиться для совместного похода против общего врага.

Весть о наступлении Филиппа настолько ошеломила афинян, что на созванном срочно собрании стратегов никто не решался взять слово для выступления перед народом. Взоры были обращены на Демосфена. И Демосфен имел мужество держать речь перед своими соплеменниками, а затем с девятью избранными послами отправился к фивянам и заключил с теми, к кому афиняне долгое время относились неприязненно, оборонительный и наступательный союз. Одним из командующих союзной фивано-афинской армией был назначен Демосфен.

Дальнейшие трагические события общеизвестны. Греки потерпели сокрушительное поражение в Херонейской битве, оставив на поле боя тысячи убитых и раненых. Демосфен, спасаясь бегством с двумя другими военачальниками, покинул поле битвы. Фивы были разрушены, а их жители убиты или проданы в рабство.

Потерпев фиаско как полководец, Демосфен, тем не менее, одержимый страстной ненавистью к Филиппу, смог своими речами поднять боевой дух афинян и организовать всех на оборонительные работы. Стены города были укреплены. Храмы были обращены в мастерские. Оружие получили даже рабы и метеки. Действия афинян не остались незамеченными. Филипп предлагает перемирие, требуя взамен гегемонии для себя и своих преемников на всей Греции. Афинянам ничего не оставалось, как согласиться, спасая тем самым и свой город, и всю страну от разорения.

Позже афинский народ пытался свергнуть македонское владычество, но всё безуспешно. После второй неудачной попытки юный преемник Филиппа, сын Александр, уже немало преуспевший на политическом поприще, потребовал выдачи Демосфена и некоторых других представителей антимакедонской партии, гарантируя взамен не учинять расправу за мятеж. В результате переговоров с участием дружески расположенного к македонянам Фокиона Демосфен был спасён.

Хотя со стороны македонофилов после Херонейского сражения Демосфен подвергался всяческим нападкам, народ помнил заслуги перед родиной этого пламенного оратора. Некто Ктесифонт предложил наградить Демосфена за гражданские заслуги золотым венком. Предложение было опротестовано Эсхином, который всё ещё не мог простить Демосфену инициаторского им судебного дела о предательском посольстве.

Эсхин, будучи очень осторожным и понимая всю ответственность, которая может последовать за подачей иска, долгое время выжидал удобного момента для начала судебного процесса о незаконности представления Демосфена к награде. Только по прошествии шести лет, а именно в 330 году, Эсхину показалось, что наконец настало то время, когда уничтожить Демосфена ему не составит труда. Со всех концов Греции стеклось множество народа, чтобы присутствовать при состязании двух знаменитых ораторов своего времени и двух непримиримых противников.

Эсхин выступал с обвинительной речью первым. Выдвигая одно обвинение за другим, Эсхин язвительно вскрывал пороки Демосфена, глумился над его промахами, очернял его жизнь чуть ли не с колыбели. С подчёркнутым пафосом Эсхин обвинил Демосфена практически во всех бедствиях государства. Речь Эсхина была страстной и великолепной. Однако в ответной речи Демосфен смог отпарировать своему противнику прекрасной защитой и превзойти его в ораторском мастерстве. Демосфену удалось не только снять с себя обвинения, но и, противопоставляя Эсхина себе, доказать всем то, что именно Эсхин своей деятельностью причинил немало вреда государству.

Демосфен выиграл судебный процесс, а Эсхин, не получив достаточного количества голосов для того, чтобы защитить себя от действия закона о недоказанности обвинения, вынужден был уйти в изгнание.

Наши представления о Демосфене и его политическом оппоненте Эскине, состязание которых вызвало у их соплеменников небывалый интерес, будут много беднее, если мы, прежде чем познакомиться с речами этих ораторов, не остановимся на небольших зарисовках портретов соперников, а также на некоторых особенностях творческих лабораторий этих политических трибунов.

Эсхин, по всей видимости, был наиболее блестящим после Демосфена оратором, хотя в плане личностных характеристик во многом противоположным Демосфену. Будучи старше Демосфена на шесть лет, Эсхин значительно превосходил своего главного соперника величиной фигуры и энергичностью. Эсхин отличался прекрасным атлетическим телосложением и мощным голосом. Этому оратору была свойственна замечательная способность производить впечатляющие по силе воздействия речи экспромтом, он умел мастерски подыгрывать интересам публики. Народу нравилось то, что страстный пафос его речей нередко сменялся столь же неудержимой вульгарностью и цинизмом, с которыми он мог низвергать своих соперников, глумясь над их человеческими недостатками.

Эсхин был незнатного происхождения и к известности пришёл сменив целый ряд занятий, в том числе и весьма унижительных, по тогдашним понятиям. Занятие актёрским ремеслом принесло ему, однако, немало пользы: Эсхин прекрасно понимал, насколько важным для оратора является умение тонко чувствовать настроение толпы и управлять её эмоциями. Речи Эскина не отличались ни строгостью аргументации, ни тщательной отделкой композиции. Движущей силой его речей была, скорее всего, та внутренняя энергия, которую он источал благодаря силе своего мощного голоса и незаурядности актёрского таланта.

Путь к овладению ораторским мастерством для Демосфена был более длительным и тернистым. От рождения Демосфен отличался слабостью здоровья, за что носил унижительное прозвище “дитя”. Хилость телосложения, подёргивание плечом, угловатая неловкость, болезненная одышка, невнятность речи и картавость представлялись такими недостатками, которые иному человеку не позволяли бы даже и мечтать об ораторской деятельности, однако не таков был Демосфен.

Получив хорошее по тем временам образование (одним из учителей Демосфена был известный хакидский оратор и знаток права Исей) и решив единожды и навсегда заниматься ораторской практикой, Демосфен путём невероятных усилий преодолел свои физические недостатки. Известно, например, что, желая укрепить свои лёгкие, он по несколько раз в день взбирался на гору, произнося при этом длинные декламации, полётность и силу голосу придавал упражнениями у моря, заглушая криками шум прибоя, чистое произношение вырабатывал чтением произведений любимых поэтов с камешками во рту. На многие месяцы Демосфен лишал себя общения с окружающими, выбривая половину головы и запираясь в хижине, чтобы в уединении упражняться в выработке приятной глазу жестикуляции.

Не сломили Демосфена и первые провальные выступления, после которых он, укрывшись плащом и сгорая от стыда, покидал публичную эстраду под всеобщий хохот и язвительные насмешки. Одержимый своей мечтой, Демосфен продолжал штудировать сочинения по риторике Исократы, Алкидамана, семь раз переписывал Фукидида, стараясь проникнуть в тайны логической корректности и художественной изысканности совершенной речи. И даже достигнув впоследствии высот ораторского мастерства, Демосфен кропотливейшим образом трудился над каждой из произносимых им публично речей, отказывая себе в отдыхе, работая порой ночами.

Зная об этой особенности творческой лаборатории великого оратора, многие его соперники, по свидетельству Плутарха, насмешливо замечали, что речи Демосфена отзываются лампадным маслом. Однако подобная оценка речей Демосфена безосновательна: великий оратор умел придавать своим речам вид импровизаций. Исследователь творчества Демосфена Е. Орлов по этому поводу пишет: “Мы напрасно бы искали в его речах той безжизненности, сухости и монотонности, которыми обыкновенно страдают произведения не непосредственного творчества. Напротив, ... речи Демосфена также свежи и чарующи, как будто только что вылились из груди: они полны жизни и эмоций и, подобно созданиям Фидиаса, не носят на себе никаких следов работающего с такой тщательностью резца. В этом виден гений нашего оратора во всей

яркости: чуждый схоластических привычек и приёмов, он не облакал своих произведений в застывшие и стесняющие, подобно позам египетских статуй, одежды, но придавал им формы столь же свободные, изящные и безыскусственные, как и складки непринуждённо наброшенного хитона” [2, с.51–52].

Мы не будем вдаваться далее в подробности судьбы Демосфена, посвятившего себя служению на благо отечеству, не будем и идеализировать его личности, помня о досадных промахах в его политической деятельности, противоречивости его отдельных заверений и, наконец, подрывающих его репутацию поступках. Позволим лишь заметить, что Демосфен, несмотря на проглядывавшее в его характере малодушие, ушёл из жизни, оставшись верным своему патриотическому долгу и политическим убеждениям. Находясь в Поссейдоновом храме в Калаврии, он принял яд, когда его там настигли преследовавшие наёмные убийцы, выполняющие приказ преемника Александра на Македонском престоле. Через сорок лет после смерти Демосфена афиняне воздвигнут своему соотечественнику памятник, на котором будет начертано: “Если бы, о Демосфен, в тебе сила равнялась суждению, – Марс Македонский осилить Элладу вовек не успел бы”.

Знакомство с речью Демосфена “За Ктесифонта о венке”, с которой он выступил на одном из самых громких судебных процессов своего времени, позволит вам прикоснуться к образцу совершенной речи эпохи классицизма, представляющему кульминационный пункт в развитии древнегреческого красноречия. К сожалению, мы не можем по достоинству оценить звучание этой речи, не знаем, каким оно представлялось в исполнении самого Демосфена. Истории известны факты, свидетельствующие о том, какое огромное значение придавал Демосфен самому исполнению речи. На ораторской трибуне Демосфен был “весь огонь, весь ртуть, непрерывно меняя свои положения и усиливая впечатление каждого слова подобающим движением тела и рук” [2, с.55]. Недаром, находясь в изгнании после процесса о венке, Эсхин не без досады признавался своим ученикам в том, что превзойти Демосфена в исполнении публичных речей было трудно.

Традиционно речь Демосфена “За Ктесифонта о венке” изучается в сопоставлении с речью Эсхина “Против Ктесифонта о венке” (данная традиция, кстати, сложилась ещё со времён Цицерона). Следуя традиции, предлагаем для изучения фрагменты обеих речей.

ЭСХИН

Против Ктесифонта о венке

Отклоняя в Народном собрании предложение Ктесифонта о награждении Демосфена золотым венком, Эсхин говорил о незаконности принятия постановления о данном награждении. В соответствии с этим в основу речи на суде Эсхин должен был взять анализ причин незаконности предложения Ктесифонта. По мнению Эсхина, таких причин было три: 1) к награде не может быть представлено должностное лицо, не сдавшее отчёта о своей деятельности; 2) награждение должно происходить в Народном собрании, а не в театре; 3) Демосфен, будучи виновником многих бед для Афин, не достоин награды.

Однако целью Эсхина при выступлении на суде было не только и не столько доказательство незаконности предложения Ктесифонта, сколько уничтожение Демосфена как политического оппонента. По этой причине собственно анализу первых двух пунктов обвинения Ктесифонта в незаконном предложении Эсхин уделяет незначительное внимание, основное содержание его речи представляет разбор четырёх периодов деятельности Демосфена, а также характеристика его нрава и образа жизни. В этом нетрудно убедиться при анализе объёма структурных частей речи. Вступительную часть речи представляет рассуждение о значимости соблюдения законности для демократического государства – п.1 – п.8. Основную часть составляют: первый пункт обвинения – нарушение закона о подотчётных лицах – п.9 – п.31, второй пункт обвинения – нарушение закона о провозглашении награждения – п.32 – п.48, третий пункт обвинения – “похвалы Демосфену – ложь”, изображение Демосфена таким, “каков он есть” – п.49 – п.176, обобщающие рассуждения о том, кто и за что достоин наград, напоминание о пороках Демосфена – п.177 – п.245. В заключении звучат призывы к осмотрительности в принятии решения, подчёркивается воспитательное значение судебного процесса для молодого поколения – п.246 – п.269.

Речь Эсхина приводится во фрагментах.

(1) Вы видите, афиняне, как иные здесь ведут происки, как смыкаются ряды, как затевают уговоры по всей площади, чтобы всё у нас в городе пошло не по заведённому порядку и обычаю, – и всё-таки я иду к вам с верою прежде всего в богов, а потом в законы и вас, ибо знаю: перед вашим лицом никакие происки не осилят законности и справедливости. (2) Как бы мне хотелось, афиняне, чтобы и Совет пятисот, и Народные собрания направлялись очередными председателями по верному пути, чтобы в силе были Солоновы законы о благочинии ораторов, чтобы первым мог по их велению чинно выступить на помост старейший из граждан и без шума и смуты подать гражданам лучшие советы своей опытности, а за ним чтобы другие граждане по желанию высказывались обо всяком деле по очереди и в порядке возраста! Думаю, что тогда и город управлялся бы лучше, и судебных дел стало бы меньше.

(6) Ведь вы знаете, афиняне, что у всех людей есть только три способа государственного устройства: власть единоличная, власть немногих и власть народная; при единоличной власти и власти немногих государство управляется по произволу начальствующих, и лишь при народной власти – по незыблемо установленным законам. Пусть же ясно знает и твёрдо помнит каждый из вас: всякий раз, как он входит в судилище судить дело о противозаконии, предстоит голосовать за собственную свободу слова. Потому ведь и законодатель поставил на первое место в судейской присяге такие слова: “Я буду голосовать по закону...” – он понимал, что пока неприкосновенны в государстве законы, крепка в нём и народная власть. (7) Памятуя об этом, вы должны ненавистью встречать подателей противозаконных предложений, вы должны ни единое из них не считать незначительным, но каждое чудовищным, вы должны не допускать отбить у вас это право, не поддаваясь ни ходатайствам военачальников, которые давно уже заодно с кое-какими краснобаями подтачивают наше государство, ни прошениям чужестранцев [...] – нет: как на войне каждый из вас постыдился бы покинуть место в строю, куда его поставили, так и ныне да будет вам стыдно покинуть строй, куда сегодня законы поставили вас охранять народовластие. (8) А ещё вы должны помнить о том, что сейчас все граждане – и те, что здесь и слушают суд, и те, что в отлучке по своим делам, – вверили вам наш город и его государственное устройство; и вы, афиняне, стыдясь этих граждан и памятуя о принесённой вам присяге и о наших законах, в ответ на моё изобличение Ктесифонта в подаче предложения противозаконного, неверного и пагубного государству пресекайте это противозаконие, укрепите в городе народовластие, покарайте заправил, правящих наперекор законам и вашей пользе. И если вы с такими чувствами выслушаете предстоящую мою речь, то я уверен, что проголосуете вы так, как требует законы, присяга и польза – ваша собственная и вашего города.

(9) Я надеюсь, что о смысле моего обвинения в целом предупредил я вас достаточно; а теперь я хочу коротко рассказать о тех законах относительно подотчётных лиц, которые нарушил Ктесифонт своим предложением.

В прежние времена бывало так, что некоторые люди, когда занимали высшие должности или распоряжались доходами и на этом наживались, заранее заручались для себя краснобаями в совете и в Народном собрании и задолго предвосхищали свой отчёт всенародно возглашаемыми себе хвалами, так что потом при отчёте оказывались в затруднении и обвинители, и особенно судьи. (11) И вот, заметив это, некий законодатель установил закон, и отличный закон, прямо запрещающий награждать венками подотчётных лиц. (14) [...] Здесь прямо сказано: “Должностные лица, избранные голосованием...” – то есть они все названы одним именем, и сказано, что всё, назначаемое народом по голосованию, есть должность; “... и распорядители общественных работ...” – А Демосфен ведь распорядитель при постройке стен, самой большой из работ; [...] Что же закон велит им делать? (15) Не “отправлять служение”, но “... пройдя проверку в суде, исполнять свою *должность*...” – ибо в самом деле, даже к должностям, занимаемым по жребию, люди допускаются не без проверки, а лишь с проверкой; “... и давать ответ и письменный отчёт писцу и проверщикам...” – то есть так же, как это велено и для других должностей. А что я говорю правду, вам сейчас подтвердят эти самые законы. [Читаются законы.]

(24) Сказанного довольно против тех пустых отговорок, которыми будут оговариваться эти господа. А что в то время, когда Ктесифонт выступил со своим предложением, Демосфен доподлинно был лицом подотчётным, заведуя зрелищными деньгами и заведуя постройкой стен, но ни по той, ни по другой должности не давши ответа и отчёта, – это я постараюсь доказать вам по государственным ведомостям. Прочитай-ка, в какой год, месяц и день и на каком Народном собрании избран был Демосфен, чтобы ведать зрелищными деньгами! [Читается постановление.]

(32) А теперь я вам докажу, что и объявлять-то о награждении венком так, как это сказано в его предложении, – тоже дело противозаконное. Закон указывает ясно: если кого-нибудь награждает совет, то об этом провозглашается в совете, если народ – то в Народном собрании, а больше нигде. Прочти-ка закон. [Читается закон.] (34) Вы слышите, афиняне? Законодатель велит объявлять о награждении венком от народа перед самим народом в собрании на Пниксе и больше нигде; Ктесифонт же, в обход закона меняя место, велит сделать это в театре, и не во время Народного собрания, а перед лицом всех эллинов, чтобы и они вместе с нами знали, какого мужа мы чтим.

(49) А теперь мне остаётся та часть обвинения, на которой я настаиваю больше всего: это повод, по которому Ктесифонт считает Демосфена достойным венка. В предложении его говорится: “И пусть глашатай объявит в театре перед эллинами, что афинский народ награждает его венком за доблесть и добродетель”, а главное, “что он словом и делом всегда стремится к вящему благу народа”. (50) После этого и мне говорить совсем просто, и вам слушать и понимать и судить совсем легко. В самом деле, мне как обвинителю нужно теперь только доказать, что все эти похвалы Демосфену – ложь, что ни словом в начале, ни делом в конце не творил он народу ни пользы, ни блага. И если я это докажу, то Ктесифонт справедливо будет осуждён по такому обвинению: ведь ни один закон не допускает, чтобы в государственных постановлениях значилась ложь. Защитнику нужно доказывать противное, а вам – судить о моих и его доводах.

(51) Дело обстоит так.

Разбирать всю Демосфенову жизнь было бы, думается мне, непомерно долго. Для чего нам ныне рассказывать, как он жаловался Ареопагу на Демомела Пеанийского, двоюродного своего брата, за то, что тот проломил ему голову? Или о том, как при полководце Кефисодоте, когда наши корабли отплывали в Геллеспонт, Демосфен был начальником над одним из судов, (52) вёз на нём полководца и делил с ним стол, и жертвы, и возлияния, удостоенный этого ради наследственной с ним дружбы, а потом не посовестился выступить против него по чрезвычайному обвинению, когда дело шло о жизни и смерти? Или о том, как Мидий избил его, начальника хора, прямо на оркестре, а он потом за тридцать мин продал и свою обиду, и волю народа, проголосовавшего против Мидия в театре Диониса? (53) Всё это и многое подобное можно, я полагаю, пропустить, не обманывая вас и не смягчая спора, а лишь избегая от вас упрёка в том, что хоть всё это и правда, но слишком уж старо и общеизвестно.

(54) Но о преступлениях Демосфена против государства я попробую сказать поподробнее. Как я слышал, Демосфен намерен, дождавшись своей очереди говорить, насчитать вам четыре срока времени с тех пор, как он служит государству. [...] (55) [...] Перечислив всё это, он намерен, как я слышал, воззвать ко мне и спросить: какой же срок из четырёх я имею в виду, когда обвиняю, что служил он народу не к вящему благу народа? А ежели я уклонюсь, не захочу отвечать и закрою лицо, и втащит на помост, и принудит к ответу.

(56) Так вот, чтобы он так не разнуздывался и чтобы вы обо всём знали заранее, я сейчас перед лицом судей, перед лицом всех граждан, собравшихся вокруг, перед лицом всех эллинов, которым приспела охота услышать этот суд – а их здесь, я вижу, немало, никто не упомнит, чтобы столько народу пришлось на спор по государственному делу, – отвечаю тебе Демосфен: я обвиняю тебя за все твои четыре срока времени, (57) и ежели боги будут благосклонны, а судьи выслушают меня беспристрастно, а сам я смогу припомнить всё, что за собою знаю, то я уверен, что докажу: спасением своим город наш обязан богам и тем людям, которые явили ему милость и кротость, а во всех его бедах виноват был Демосфен. И я буду следовать тому самому порядку речи, которого, как слышно, намерен держаться он сам: во-первых, скажу о первом сроке, во-вторых – о втором, в-третьих – о следующем и, в-четвёртых – о нынешнем положении дел.

(66) [...] Посмотрите: вот Демосфен, величающий себя теперь врагом Александра, а тогда врагом Филиппа, попрекающий меня моей дружбою с Александром, этот самый Демосфен лишает нас наивыгоднейшего для нас времени и вносит предложение, (67) чтобы очередные председатели назначили Народное собрание на восьмое число месяца элафебиона, то есть – слыханное ли дело? – на священный день жертвоприношений и начала игр в честь Асклепия! А под каким предлогом? Для того-де, чтобы если к тому времени придут послы Филиппа, то как можно скорее обсудить свои с ним дела! То есть он заранее назначает Народное собрание для ещё не прибывших послов, оставляя вам времени в обрез и торопя решения, а всё затем, чтобы вы заключили мир не по возвращении разосланных посольств, не заодно с остальными

эллинами, а отдельно. (68) После этого, афиняне, послы от Филиппа и впрямь явились, а ваши посольства всё ещё по чужим городам поднимали эллинов против Филиппа. И тогда Демосфен проводит второе постановление: обсудить условия не только мира, но и союза [...] не дожидаясь возвращения ваших посольств.

(77) И при таком-то раболепном угодничестве, господа афиняне, этот самый Демосфен, первым узнав от Харидемовых лазутчиков о кончине Филиппа, сочинил себе вещее сновидение, будто бы узнал о случившемся не от Харидема, а прямо от Зевса и Афины, ими же днём поклявшись в том, что ночью они с ним разговаривают и предрекают ему будущее. То был седьмой день после смерти его дочери, – а он, не оплакав её, не совершив всего, что положено, вопреки всем законам, в венке и белом одеянии заклал в праздничную жертву быка, хоть и потерял, несчастный человек, первое и единственное существо, назвавшее его отцом! (78) Я не попрекаю его несчастьем, а только думаю о его характере: ведь дурной отец, враг собственных детей вряд ли годен в народные вожди – кто не любит своих родных и близких, тот и вас, чужих, не станет уважать, кто в своих делах нехорош, тот не будет хорош и в государственных, кто дома низок, от того и в Македонии благородства не жди: он меняет лишь место, а не душу!

(79) А с чего он оказался перемётчиком (это у нас пошёл второй уже срок его времени!) и как это получилось, что за одни и те же государственные дела Филократ оказался изгнанником по чрезвычайному обвинению, а Демосфен заделался общим обличителем, и как этот мерзавец вверг вас в беду, – обо всём этом следует послушать поподробнее.

(80) Как только Филипп перешёл Фермопилы, неожиданно разрушил фокидские города, а фиванцев так усилил, что это казалось несовместно ни с общим положением, ни с вашей пользой, – тогда вы тотчас начали в тревоге свозить добро из деревень в город, а послы ваши, ездившие для мирных переговоров, оказались под тяжчайшими обвинениями, особенно же Филократ и Демосфен: не только как послы, но и как податели предложений. (81) А как раз в это самое время между ними двумя случилась ссора, из-за чего – вы и сами догадываетесь; и тогда-то в том нежданном общем смятении Демосфен со всеми его пороками, врождёнными и приобретёнными, с трусостью и завистью к Филократовым взяткам задумался и рассудил вот как: ежели он открыто выступит против и Филиппа, и своих товарищей по посольству к нему, то Филократ заведомо погибнет, остальные послы окажутся в большой опасности, а он сам, вероломный предатель своих товарищей, возвеличится как верный друг народа.

(82) Когда увидели это враги нашего общественного спокойствия, они с радостью стали науськивать его к выступлениям, именуя неподкупнейшим человеком в городе; и он выступил, и с того пошла вся война и смута. [...] Это он довёл дело до того, что утверждал: ежели Филипп не присылает послов, то это неуважение к нашему городу, а ежели присылает, то это не послы, а согладатаи. (83) Если же Филипп предлагал наши споры на третейский суд какого-нибудь города ничейного и беспристрастного, то Демосфен заявлял: “нет беспристрастного судьи между нами и Филиппом!”.

(84) Пусть так: но ведь он утверждает, будто медными и стальными стенами укрепил страну, заключив союз с евбейцами и фиванцами? Нет, афиняне: именно здесь были вы обиженные больше всего и незаметнее всего.

(92) В самом деле: этот Демосфен, который представляет себя тираноборцем и который, по словам Ктесифонта, печётся лишь о вящем народном благе, продал нашу государственную пользу и написал в предложении о союзе: “помогать халкидянам”, уравновесив это ради приличия пустою добавкою, “чтобы и халкидяне помогали, ежели кто ополчится на афинян”. (93) А представительство халкидян в совете и союзные их взносы, которыми должна была крепиться наша военная сила, Демосфен продал ещё пуще, не жалея красивых слов для позорных дел и убеждая вас речами, будто наше государство так и должно всякий раз первым помогать всем нуждающимся эллинам, чтобы сперва была услуга, а потом – союз. А чтобы не сомневались, что это правда, возьми-ка мне договор о союзе с Каллием и прочитай постановление. [Читается постановление.]

(95) Появляется однажды пред нами этот Каллий, не посланцы его, а самолично, и, представши в Народное собрание, произносит речь, сочинённую ему Демосфеном. Говорит, будто он только что из Пелопоннеса, где он сделал-де раскладку взносов против Филиппа, и перечисляет, от кого сколько: от мегарцев и всех ахейцев 60 талантов да от всех евбейских городов 40 талантов, а всего 1000 талантов, чтобы эти деньги шли на пешую и морскую силу; (96) а немало-де есть и других эллинов, которые хотят участвовать во взносах, так что ни в деньгах,

ни в войнах недостатка не будет. Это, говорит он, дела гласные, а ещё он делал дела негласные, о которых он может представить свидетелей из наших граждан, – и тут он называет Демосфена и просит подтвердить его слова.(97) Демосфен величаво выступает и восхваляет Каллия с таким видом, словно впрямь знает дела негласные. Он говорит, что хочет доложить о посольстве, с которым он вернулся из Пелопоннеса и Акарнании. И смысл его речи был такой: все пелопоннесцы уже наготове, все акарнанцы уже вносят взносы против Филиппа (а всё благодаря ему!), собранных взносов достанет снарядить сотню быстроходных кораблей, десять тысяч пехоты и тысячу конницы, (98) наготове будут и гражданские ополчения, более двух тысяч латников из Пелопоннеса и столько же из Акарнании, начальствовать над ними будете вы; и начнётся это дело в самой скорости [...], потому что он объявил по городам, чтобы всем явиться на совет в Афины к полнолунию.

(99) Даже здесь этот Демосфен ведёт себя не по-людски, а по-особенному! Ведь когда другие хвастуны принимаются лгать, то стараются говорить неопределённо и неясно, опасаясь изобличения; а Демосфен когда хвастается, то прежде всего ложь свою подкрепляет клятвою, призывая погибель на свою голову, а потом в глаза говорит, когда будет то, чему заведомо не быть. [...] И поэтому ненавистен ещё сильнее: из-за него, негодяя, теперь не опознать и людей порядочных.

(100) Кончив этакий рассказ, Демосфен даёт письмоводителю прочесть постановление – длинной “Иллиады”, пустопорожней собственных его речей и собственной его жизни, и всё про надежды, которым не сбыться, и про войска, которым не собраться. А отведя вам глаза от обмана и обольстив вас этими надеждами, он уже в немногих словах предлагает назначить послов в Эретрию просить эретрийцев (очень надо было их просить!) платить свои пять талантов взноса уж не вам, а Каллию, и назначить других послов в Орей просить, чтобы были у нас общие и друзья и враги. (101) Тут-то и видно, что постановлением своим он только хочет вас обокрасть: ведь и орейцев он предлагает послам просить, чтобы они платили свои пять талантов не вам, а Каллию! А что это так, ты прочти постановление, только пропусти и пустословие, и триеры, и похвальбы, а начни прямо с этой кражи, которую затеял этот безбожник и мерзавец, по словам Ктесифонтова предложения будто бы всю жизнь трудившийся словом и делом для вящего блага Афинского народа! [Читается постановление] (102) Вот так-то на словах вы услышали и о кораблях, и о пехоте, и о полнолунии, и о союзном совете, а на деле лишились десяти талантов союзных взносов.

(103) Остаётся только сказать, что за предложение своё Демосфен получил мзду в три таланта: талант из Халкиды от Каллия, талант из Эретрии от тирана Клитарха и талант из Орея. Через Орей-то всё и раскрылось, потому что власть в этом городе народная и дела решаются народными постановлениями. [...] И орейцы на своём безденежье вынуждены были заложить ему за этот талант государственные доходы и выплачивали Демосфену по драхме с мины каждый месяц, пока не погасили всего капитала. Всё это было сделано по народному постановлению; прочти нам это орейское постановление в знак того, что я не лгу! [Читается постановление] (105) Такое постановление, афиняне, для города нашего – позор, для Демосфена – разоблачение его пронырства в государственных делах, а для Ктесифонта – прямое обвинение: ведь такой подлый взяточник никак не может быть тем достойным мужем, какого изображает нам Ктесифонт в предложении о венке!

(106) Вот мы и дошли до третьего срока времени, а вернее сказать – наихудшего: именно здесь погубил Демосфен и наш город, и всех эллинов, явив своё нечестие пред дельфийскою святынею и свою несправедливость в неравном нашем союзе с фиванцами.

(130) А разве боги не давали вещаний, не давали знамений, не остерегали нас чуть ли не человеческим языком? Век я не видывал другого государства, которое боги бы так сильно спасали, а иные собственные болтуны так губили! Разве мало было нам знаменья при таинствах, когда погибали посвящённые? Разве не советовал тогда Аминиад остеречься и спросить в Дельфах, что нужно делать, и разве Демосфен не возражал ему, что-де пифия держит сторону Филиппа, – Демосфен, этот неуч, которому вы дали и отведать и пресытиться властью!

(134) [...] Именно о таких, как Демосфен, превосходно сказано в стихах Гесиода – там, где он поучает народ и советует городам не верить худшим из народоводцев. (135) Я напому вам эти стихи: мы ведь затем и заучиваем детьми изречения поэтов, чтобы потом взрослыми применять их к делу.

Часто немалый град за единого платится мужа,

*Мужа, который творит грехи и вершит безрассудство,
Оному граду с высоких небес наказатель Кронион
Рушит глад и мор, от которых погибель народу;
Или ввергает в разор обширное войско и стены
Или морские суда рассыпает Зевес-громовержец.*

(152) Как мне здесь не вспомнить о тех наших доблестных мужах, которых этот Демосфен вопреки недобрым и неблагоприятным жертвам сам отправил на верную смерть, а теперь ещё смеет, взойдя на их курган теми же стопами, какими бежал с поля боя и с места в строю, прославлять хвалою их мужество! Ты, который на деле не способен ни к чему великому и хорошему, на словах же удивительно смел, – неужели ты посмеешь, глядя этим гражданам в глаза, объявить, что за все бедствия нашего отечества тебе причитается венок? А ежели он и посмеет, – то неужели вы, граждане, это потерпите, неужели ваша память впрямь умерла вместе с этими павшими?

(156) Нет, афиняне, во имя Зевса и всех богов, не воздвигайте в Дионисовом театре трофея в честь собственного поражения, не уличайте афинский народ в безумстве пред всеми эллинами, не напоминайте о непоправимых и неисцелимых бедствиях несчастным этим фиванцам, которых Демосфен обрёл на изгнание, а вы дали им убежище, чьи погублены святыни, гробницы, отпрыски Демосфеновым издоимством и золотом персидского царя! (157) Вас там не было, но представьте их бедствия, хотя бы мысленно вообразите воочию, как гибнет город, рушатся стены, горят дома, влачатся в рабство женщины и дети, а те старцы и старухи, которым поздно уже отвыкать от свободы, плачутся, взывают к вам, негодуют не на тех, кто казнит, а на тех, кто виновник этой казни, и наказывают вам не венчать венком этого губителя всей Эллады, а беречься того злого божества и злого рока, которые всюду спешат за ним вслед! (158) Ведь и впрямь ни городу, ни частным лицам никогда не случилось добра от советов Демосфена. Не стыдно ли вам, афиняне?

(230) Я же, афиняне, не могу взять в толк, на каком основании могли бы вы отвергнуть моё обвинение? Оттого, что обвинение поставлено законно? Нет, никогда не бывало постановления противозаконнее! Оттого, что предложивший не заслуживает наказания? Но уж если вы его отпустите, значит, никто из вас не отвечает за свой образ жизни. А не печально ли, что когда-то этот день нарочно был назначен для принятия венков от чужих городов, и театр ломился от венков, подносимых народу от всех эллинов, ныне же из-за Демосфенова хозяйничанья ни венков у вас не видно, ни глашатая не слышно, а единственная честь – самому Демосфену?!

(236) Я бы с радостью, афиняне, у вас на глазах сверил с этим Ктесифонтом весь тот счёт благодеяний, за которые Демосфену предлагается венок! Ежели ты скажешь, как сказал в начале постановления, что Демосфен отлично вырыл рвы вокруг городских стен, то я изумляюсь тебе: хоть бы ты отлично их вырыл, разве не важней, что ты – виновник того, что пришлось их рыть? Не за то должен требовать наград хороший государственный деятель, что обнёс город стенами и снимал для них плиты с народных могил, а за то, что от него государству вышла польза.

(241) Обратите внимание и на бесстыдство этих господ. Ежели Ктесифонт не постесняется вызвать говорить пред вами Демосфена, а тот выйдет и начнёт сам себя расхваливать, то сносить его слова будет нам тяжелее, чем его дела. Нам досадно слышать, когда хвалят себя истинно достойные мужи, чьи многие подвиги нам известны; кто же в силах вытерпеть, когда хвалит себя сущий позор для нашего города? (246) Нет, Ктесифонт, если есть в тебе здравый смысл, ты откажешься от такого бесстыдства и будешь защищать себя сам. Не станешь же ты уверять, будто неискусен в речах!

(244) А Демосфену? За то, что он взяточник, за то, что он трус, за то, что он покинул строй. Неужели вы воздадите ему эти почести? Неужели отставите без отмщения и себя и тех, кто погиб за вас в бою? Вы представьте, как ропщут эти павшие, увидав Демосфена с венком?

(245) [...] Самое же главное: от вас ждёт ответа молодое поколение: по какому образцу строить ему жизнь? (246) [...] А вот кто-то подал голос против прекрасного и справедливого, а потом приходит домой и принимается воспитывать сына, – понятно, что тот его не слушает и бранится, что отцовы поучения одна добука.

(247) Поэтому помните, что вы не только судьи, но люди, на которых все смотрят, и голосуйте так, чтобы оправдаться потом пред теми, кого здесь нет, но которые ещё спросят вас, каково же было ваше решение. Ведь вы знаете, афиняне, кого в городе славят, такова и о городе

слава; так не стыдно ли, что о вас будут судить не по вашим предкам, а по этому трусу Демосфену? Как же избежать такого позора?

(253)[...] Этот пустослов, виновник всех наших бед, покинувший битвенный строй, бежавший из нашего города, вдруг требует себе венка и всенародного о том оглашения! И вы не прогоните от себя эту общую пагубу всех эллинов? и вы не бросите его на казнь, как разбойника, рыскающего по морю государственных дел на корабле своих слов?

(260) Пусть же будут свидетелями земля, солнце, добродетель, разум и людская просвещённость, дающая нам различать прекрасное и постыдное: вот я высказался, чтобы вам это было в помощь. Если я обличил несправедливость хорошо и достойно – значит, я сказал, как хотел; если недостаточно – значит, сказал, как мог. Вы же, приняв к сведению всё сказанное и не сказанное, теперь сами произнесите приговор, справедливый и полезный для государства.

Печатается по изданию: Ораторы Греции: Пер. с древнегреч. / Сост. М. Гаспаров.– М.: Худож. лит. – 1985.– С.161–164, 166, 168, 171–172, 174–175, 177–182, 186–187, 190–191, 205–210.

ДЕМОСФЕН

За Ктесифонта о венке

Данная речь является ответной в судебном процессе о венке. Демосфен отказывается от навязываемой Эхином схемы оправдательной речи и отклонению обвинения по первым двум пунктам иска уделяет незначительное внимание, рассматривая их не в начале, а в центральной части речи. Так как основное содержание речи Эхина составляла негативная оценка деятельности ответчика, Демосфен превращает защитительную речь в апологию своей деятельности. Главную задачу Демосфен видит в том, чтобы представить судьям неопровержимые доказательства, что он как политик и как гражданин сделал немало на благо отечества и потому достоин и похвалы и награды, а Эхин заслуживает не только порицания, но и наказания.

Основу композиции ответной речи Демосфена представляет разбор четырёх периодов его деятельности, перемежающийся нападками на Эхина.

Речь приводится в сокращении.

(1) Во первых словах, мужи афинские, молю я всех богов и богинь, да будет ваша ко мне благосклонность в этом прении не меньшею, чем неизменная моя благонамеренность к государству и ко всем вам; а во вторых словах молю я наипаче ради вас, ради благочестия вашего и славы, да внушат вам боги не внимать советам обвинителя о том, как надобно вам меня слушать – воистину сие возмутительно! – (2) но следовать законам и присяге.[...]

(3) Что до меня, господа афиняне, то в этом прении многие у меня невыгоды перед Эхином, а из них две великие. Во-первых, судимся мы с ним не о равном, ибо неравный будет урон, если я лишусь нынешней вашей благосклонности или если он не выиграет дела. Я-то – нет, нет, не хочу начинать свою речь с неуместных слов! – но вот он обвиняет меня корысти ради. Да притом такова уж природа человеческая, что брань и ругань людям слушать сладко, а если кто сам себя примется хвалить, так это им досадно, (4) и вот ему досталось именно услаждать, а мне остаётся то, что всем, как я сказал, не по нраву. Если я, избегая вашего неудовольствия, не стану говорить о своих делах, покажется, будто я не могу опровергнуть обвинения и назвать заслуги, за которые желаю себе награды, – ну а если всё-таки возьмусь я говорить о своих делах и государственных предприятиях, то непременно придётся часто поминать и себя самого. Итак, я постараюсь говорить о себе поменьше, но если буду вынужден к тому обстоятельствами, тогда по справедливости пусть винят за это обвинителя, ибо именно он затеял такое разбирательство.

(8) Похоже, что сегодня мне предстоит отчитаться во всей своей частной жизни и во всех своих государственных предприятиях, а потому хочу я снова призвать богов и снова пред лицом вашим молю их, да будет ваша ко мне благосклонность к государству, и еще молю богов, да помогут они вам вынести в этом деле такой приговор, чтобы он был на пользу общей вашей славе и благочестию.

(9) Если бы Эхин обвинял меня тут только по статьям своей же жалобы, тогда бы я и теперь в оправдание себя говорил только о самом законопредложении. Однако же больше половины речи он потратил на посторонние рассуждения и столько взвёл на меня всяческой напраслины, что я полагаю непременно и справедливым своим делом сначала кратко возразить на

эту его клевету, чтобы никто из вас, господа афиняне, не поддался этим сторонним разговорам и не был заранее предубежден, слушая честный мой ответ по существу обвинения.

(10) Вот и касательно личных моих обстоятельств уж сколько набрехал он тут на меня дурного, а смотрите, как просто и прямо я отвечаю. Если знаете вы меня таким, каким изобразил обвинитель – право, я же не на чужбине жил и живу, но среди вас! – тогда и рта мне открыть не давайте, и как бы отлично ни исполнял я государственные должности, а вы хоть сейчас поднимайтесь с мест и выносите против меня приговор! Но если вы знаете и помните, что я сам и род мой куда как честнее его и его рода и что я – никому не в обиду будь сказано – ничуть не хуже любого скромного гражданина, то не верьте и прочим его наветам, ибо самоочевидно, что как эту клевету он измыслил, точно так же измыслил и всё остальное; а мне теперь явите ту же благосклонность, какую неизменно выказывали во многих прежних тяжбах.

(11) Уж до чего ты, Эсхин, в злонравии своём хитер, но тут попал впросак, решивши, что соглашусь я смолчать о должностных и частных моих делах и стану разбираться во вздорной твоей брани! Нет, не будет такого – не настолько я ополоумел! О государственных своих предприятиях, которые ты облыжно оклеветал, я расскажу подробно, а после – если только судьям угодно будет слушать – припомню тебе эту твою наглую болтовню.

(12) Итак, обвинений много, и даже обвинений в таких деяниях, за которые по закону положены строгие и наистрожайшие кары. Поэтому, хотя причину нынешнего прения явились враждебная поперечность, да ещё и дерзость, и обида, и злоречие, и прочее тому подобное, однако если бы все обвинения и наветы, высказанные обвинителем, оказались и правдивы, то всё-таки по заслугам покарать виновного город не может – то есть не может покарать сразу, ибо (13) всякому дано неотъемлемое право обратиться к народу и высказаться. Нельзя, чтобы зависть и злоба отняли это право – клянусь богами, господа афиняне, это было бы нечестно и несправедливо и вопреки гражданскому нашему устройению! Уж если обвинитель замечал, что я совершаю государственные преступления, да ещё столь тяжкие – а именно о таких говорил он сейчас пространно и выпендренно, словно с подмостков, – уж если он сам видел такое, то пусть бы сразу и требовал наказать меня по закону за эти преступления [...] (14) Притом, если замечал он, что я совершаю преступления против вас – те, о которых говорил он сейчас столь лживо и многословно, или иные какие, – так ведь на всё есть закон, на всё есть наказание, затевай тяжбу, обвиняй, а у суда есть средства взыскать и наказать по всей строгости. Всё это он мог сделать, и если бы взаправду сделал всё, что мог, то нынешнее обвинение согласовалось бы с прежними его предприятиями. (15) Но не так! Свернув с прямого и честного пути, уклонившись от немедленных изобличений, он лишь теперь – по прошествии столь долгого времени – собрал в кучу все обвинения, наветы и ругательства и принялся тут скоморошествовать.

(17) Уже из сказанного видно, что и все прочие его обвинения окажутся столь бесчестными и лживыми, однако я намерен разобрать их по отдельности, а особенно клевету о мирном договоре и посольстве – тут он свалил на меня то, что сам же и сделал вместе с Филократом. Поэтому, господа афиняне, необходимо и, пожалуй, своевременно припомнить, как обстояли дела в те годы, – тогда, имея в виду прежнее положение вещей, вы вполне уясните себе и нынешнее.

(18) Итак, едва началась Фокидская война [...], то первое наше намерение было таково, чтобы фокидяне, хотя вина их была для нас очевидна, остались целы, а вот фиванцам вы желали иного, заранее радуясь любому их несчастью, ибо справедливо и верно гневались вы на них за то, что после удачи своей при Левкрах забыли они всякую меру. Да притом повсюду в Пелопоннесе начался разброд: у тех, кто ненавидел лакемодемонян, недоставало силы удерживаться у власти, и притом между всеми – и теми и этими – настали распри и раздоры, которым не было никакого разрешения. (19) Видя такое – а такого не скрыть! – Филипп ещё пуще стравливал противников и сеял смуту, расточая деньги на предателей, которых везде хватало: вот так-то, благодаря чужим ошибкам и глупостям, сумел он загодя набрать силы и взрасти на всеобщей слабости. А поскольку фиванцы, некогда гордые, но ныне несчастные, устали от нескончаемой войны и всем было ясно, что придётся просить вас о помощи, то он, желая воспрепятствовать этому или иному союзу вашему с фиванцами, предложил вам мир, а им помощь. (20) Что же споспешествовало ему в этом? Как же вышло, что вы едва ли не добровольно позволили себя обмануть? Назвать ли причину трусость всех прочих эллинов или безрассудство, или и то и другое сразу? Вы без отдыха бились в ту пору в великой войне, и бились, как стало ясно, ради общего блага, а остальные эллины ни помогали вам ни деньгами, ни людьми, вообще ничем. За

это вы справедливо и верно на них осердились и с охотою вняли зову Филиппа – именно по этой причине и был тогда заключён мир, а вовсе не из-за меня, как клеветец теперь обвинитель, ибо происходящее ныне произошло от тогдашней подлости и продажности моих противников, в чём может убедиться всякий, кто без предвзятости вникнет в дело.

(21) Обо всём этом я говорю столь пространно и подробно единственно истины ради, ибо если и можно усмотреть в описанных событиях чьё-то преступление, то, уж конечно, преступление это не моё: первым помянул и заговорил о мире актёр Аристодем, а вторым был тот, кто поддержал его, представил вопрос к обсуждению и вместе с Аристодемом был подкуплен – и это был Филократ Гагнутский, который с тобою в дружбе, Эсхин; с тобою, а не со мною, хотя бы ты тут лопнул от своего вранья! (22) Но хотя это точно так и было и хотя по правде иначе и быть не могло, однако же Эсхин до того бесстыден, что дерзает объявлять, будто именно из-за меня оказался заключён мир и будто я ещё и помешал согражданам прежде обсудить это предприятие на всеэллинском съезде. Ну а ты уж, и не знаю, как тебя именовать! – ну а ты-то при всём этом присутствовал, ты видел, как я не позволял согражданам ни устроить съезд, ни приобрести союзников, и ты столько сейчас об этом наговорил – но почему ты не излил своего негодования тогда? Почему ты вовремя не явился, чтобы толково и подробно рассказать о том, в чём лишь ныне обвиняешь меня? (23) Уж если я и вправду продался Филиппу и сделался помехой эллинскому соединению, то непременно надобно было тебе не молчать, но кричать и свидетельствовать и объяснять вот им, как обстоят дела! Однако ты ничего подобного не сделал, и никто не слышал от тебя ни слова, ибо и никакого посольства ни к каким эллинам никто не посылал – все эллины давным-давно успели сказать, что думали по сему поводу, а ты и во все ничего разумного сказать не сумел. (24) Мало того, своею клеветой он тут позорит ещё и государство [...] Да и зачем бы вам при тогдашних обстоятельствах созывать эллинов? Ради мира? Но повсюду и без того наступил мир! Ради войны? Но вы-то сговаривались о мире! Из всего сказанного ясно, что вовсе не я затеял этот мирный договор и вовсе не я в нём виноват; да и в прочей клевете, которую возводит на меня обвинитель, не обнаруживается ни слова правды.

(25) Итак, город наш заключил мир – ну а теперь поглядите, чем в ту пору занимался я, а чем вот он, и право же, из этого вам станет ясно, который из нас тогда споспешествовал Филиппу, а который старался ради вас и радел о благе государства. Итак, я, быв в то время членом совета, предложил поскорее отправить послов в те края, где предположительно обитал Филипп, чтобы на месте принять присягу. Предложение моё было письменным, и всё-таки вот они последовать ему не пожелали. (26) Что же это значило, господа афиняне? Сейчас объясню. Филиппу было выгодно сколь возможно долго медлить с присягою, а вам, напротив, выгодно было поспешить. Почему? А вот почему. Ещё не успев присягнуть, вы с того самого дня, когда явилась надежда заключить мир, совершенно перестали заботиться о военных действиях, а Филипп, напротив, всё время только ими и был занят, понимая – да так взаправду и вышло! – что сколько успеет захватить у города прежде присяги, столько ему и достанется в вечное владение[...] (27) А я, господа афиняне, всё это предвидел и в рассуждении сказанного предложил постановление, чтобы плыть к Филиппу, где бы он ни обретался, и как можно скорее принять от него присягу.[...]

(30) Я предложил тогда это постановление, стараясь не ради Филиппа, но единственно ради блага государства, однако эти почтенные послы оказались нерасторопны и целых три месяца просидели в Македонии, пока не воротился из Фракии Филипп, уже прибравший всё, что желал.[...]

(30) Итак, в деле с посольством Филипп впервые обманул, а эти вот преступники впервые ему продались, – и я снова подтверждаю, что и тогда и теперь не преставал спорить и препираться с ними по этому поводу. Но глядите, какую подлость учинили они вскоре – подлость похуже первой! (32) Когда Филипп присягою скрепил мир, прежде захватив Фракию благодаря вот этим людям, не послушавшимся моего постановления, он снова подкупил их, чтобы помешать нам покинуть Македонию, пока он не будет вполне готов к походу на фокидян [...]. (33) И всё-таки Филипп очень боялся: боялся он, что даже при стольких его преимуществах вы проголосуете за помощь гибнущим фокидянам, и тогда он снова перестанет быть хозяином положения. Потому-то он и купил вот этого паскуду – на сей раз не оптом, заодно с прочими послами, а штучно, его одного – и велел ему так оповещать вас и держать перед вами такие речи, что от этих-то речей и вышла всем гибель.

(34) Я вправе просить вас, господа афиняне, чтобы вы до самого конца прений помнили: если бы Эсхин в своей речи не отступил от сути обвинения, то и я ни слова бы не сказал не по делу; однако же он говорил, постоянно уклоняясь в брань и клевету, а потому и мне надобно хотя бы кратко ответить на все его наветы. (35) Каковы же были эти речи, от которых вышла всем гибель? А вот каковы. Он твердил, что хотя Филипп и прошёл уже внутрь страны через Фермопилы, но тревожиться-де не надо, ибо всё-де будет по-вашему, только бы сидели тихо, а уже дня через три-четыре вы узнаете, что Филипп – истинный друг тем, на которых идёт войной, а прежним-де своим друзьям он, напротив, вскорости будет враг. И ещё говорил – да притом с превеликой выпренности! – что не словами-де крепнет дружественность, но общей пользой, а польза-де хоть Филиппу, хоть фокидянам, хоть вам сейчас в одном – избавиться от жестокого фиванского утеснения. (36) Кое-кто слушал эти речи с удовольствием, ибо много накопилось тогда злобы против фиванцев, но каковы же были последствия? Очень скоро оказалось, что фокидяне разбиты и города их лежат во прахе, а чуть позже и вам – из-за того, что послушались и сидели тихо, – пришлось вывозить своё имущество из деревень. И так, ему досталось золото, вам – ненависть, прежде обращавшаяся на фиванцев и фессалийцев, а Филиппу – успех от содеянного.

(48) Времена, о которых я говорю, дано миновали, однако же людям здравомыслящим всегда полезно вспомнить о подобных случаях, так что смотрите сами. Вот Ласфен – звался Филипповым другом, пока не продал ему Олинфа. Вот Тимолай – тоже ходил в друзьях, пока не продали они Филиппу Фесалию. Теперь-то они бродят по всему свету, и отовсюду их гонят и повсюду позорят – чего только не пришлось им натерпеться! А каково было с Аристратом в Сикионе и с Периллом в Мегарах? Изгнание и позор!

(60) И так, не стану говорить о том, сколько успел отхватить себе Филипп прежде, чем я вступил на государственное поприще и получил слово на сходках, ибо это, как я понимаю, не вменяется мне в вину, однако напомним и расскажем, сколько раз – уже при мне – удавалось Филиппа осадить. Впрочем, кое о чём я хочу предупредить заранее. У Филиппа, господа афиняне, с самого начала было великое преимущество, (61) ибо в Элладе в ту пору – да не где-то в одном месте, а повсюду – взошёл такой урожай предателей, взяточников и прочих святотатцев, что подобного изобилия никому не припомнить, сколько ни вспоминай. Вот с этими-то союзниками и помощниками он ввергнул эллинов, издавна не ладивших и враждовавших друг с другом, в ещё злейшие несчастья: иных обманул, иных одурачил подачками, иных прельстил всяческими посулами, и этим способом совершенно разобшил всех, хотя на деле для всех было самым лучшим лишь одно – не давать ему такой силы.

(72) [...] Но если всё-таки нужно было подняться и воспротивиться Филиппу, то кому же это пристало, как не афинскому народу? Вот об этом-то я и старался, будучи на государственном поприще, и потому-то, видя в Филиппе всеобщего поработителя, воспротивился ему, предупреждая и убеждая не уступать. И всё-таки, Эсхин, мир оказался нарушен не нами, но Филиппом, когда захватил он наши суда.

(86) Затем, когда вы прогнали Филиппа с Евбеи вашим оружием, но также и моими – да моими, хоть бы кое-кто тут и лопнул от злости! – постановлениями и с моим государственным участием, то принялся он искать, где бы ещё укрепиться против нашего города. (88) Что следовало вам делать в подобных обстоятельствах, этого я даже спрашивать не стану – тут всё ясно и так. Но кто помог тогда византийцам и вызволил их из осады? И кто помешал Геллеспонту отложиться к неприятелю? Да, господа афиняне, всё это сделали вы! Однако когда я говорю о вас, то разумею всё государство; а кто направлял государство? Кто говорил, писал, действовал и прямо-таки всего себя не пожалел ради этого дела? Я! (89) Насколько полезно оказалось это предприятие для всех, вы можете судить уже не по моим словам, но по событиям, очевидцами и участниками которых стали. Читай же, письмоводитель, постановления византийцев и перинфийцев о венках, которыми венчали они наш город за дела его.

(92) Теперь читай о венке от херсонесцев.

[Постановление херсонесцев. Граждане херсонесские, обитающие в Сесте, и в Элеунте, и в Мадите, и на Лисьем острове, венчают Совет и народ Афинский золотым венком в шестьдесят талантов и благодарно водружают алтарь народу Афинскому, ибо явил он гражданам херсонесским величайшую милость, избавив их от Филиппа и воротив им отечество, и законы, и свободу, и святилища, а потому во веки вечные не иссякнет благодарность граждан херсонесских, и всё, что могут, готовы они сделать ради афинян.]

(93) Итак, с помощью моей государственной дальновидности мы тогда не только спасли Херсонес и Византий, не только помешали Геллеспонту отложиться к Филиппу и не только стяжали славу отечеству, но ещё доказали всему человечеству собственную честность и Филиппову подлость. Действительно, все видели, как он осаждал византийцев, которые ему же были союзниками, неужто возможно совершить мерзость гнуснее этой? (94) А вы, напротив, хотя могли и имели право припомнить, сколько плохого сделали вам византийцы в прежние времена, однако же не только не отплатили злом за зло и не стали усугублять их беды, но ещё и явились к ним спасителями, тем приобретя всеобщую приязнь и уважение. И снова скажу: все знают, что вам раньше случалось награждать венками многих государственных людей, но чтобы стараниями одного человека, то есть благодаря советам его и речам, целому народу доставались венки – другого такого человека никто назвать не может, таков лишь я!

(102) Однако хочу вернуться к рассказу о моих государственных предприятиях, а вы снова сами судите, что именно было тогда для города наипервейшим благом. Итак, я видел, господа афиняне, что кораблестроение у нас в упадке: богачи увиливают от повинностей, отделяясь мелочами, а между тем люди среднего или вовсе малого достатка вконец разоряются, и оттого город упускает многие возможности, – поэтому я провёл закон, посредством которого принудил богачей честно исполнять свои обязанности, бедняков освободил от несправедливых утеснений, а больше всего пользы принёс городу, добившись, чтобы суда снаряжались к положенному сроку.

(103) За это я был притянут в суд, явился к вам, и вы меня оправдали, а обвинитель и камешков-то не собрал сколько нужно. А как по-вашему, сколько давали мне старшины податных отделений и их товарищи и сотоварищи, лишь бы вовсе не предлагал этого закона, но уж если он пройдёт, то хотя бы не настаивал на этом после присяги? Сколько они мне давали, господа афиняне, что и сказать страшно!

(107) Как по-вашему, неужто мало я помог беднякам и неужто мало сулили мне богачи, лишь бы не исполнять законных своих обязанностей? Стало быть я могу гордиться не только тем, что не поддался посулам, не только тем, что оправдался в суде, но ещё и тем, что провёл полезный закон и доказал полезность его не деле. Действительно, в течение всей войны корабли снаряжались в поход по моему закону, однако никто из судостроителей ни разу не подавал вам прошений с жалобами на обиды, никто из судостроителей не укрывался в Мунихии и не сидел в тюрьме по приказу заведующего, ни один из ваших боевых кораблей не пропал, брошенный на чужбине, и ни один не остался тут как негодный для похода. (108) Между тем при прежних законах всё это случалось, и случалось потому, что повинность возлагалась на бедняков, которым такое бремя было не по силам. А вот я перенёс судовую повинность с неимущих граждан на зажиточных – и тут всё пошло как положено. Впрочем, я заслуживаю похвалы ещё и за то, что всегда стоял за такие предприятия, от которых государству нашему доставались сразу и честь, и слава, и сила, – никогда не совершал я ничего унижительного и постыдного для города. (109) Из дальнейшего будет ясно, что в делах городских и общеэллинских я держался одних и тех же правил: ни в городских делах я не предпочитал приязнь богачей правам большинства граждан, ни в делах эллинских не променивал блага Эллады на Филипповы подарки и гостеприимство.

(110) [...] Правда, я не стал пока говорить о самых главных своих государственных предприятиях в рассуждении того, что, во-первых, я должен без отлагательств ответить на обвинение в беззаконии, а во-вторых, если я ничего больше и не скажу о своих делах, то всё равно каждый из вас довольно о них осведомлён.

(111) Итак, сначала о нарушении законов.[...] Я не только не отрицаю своей подотчётности, хотя он тут и взводит на меня эту клевету, но всю жизнь признавал и признаю, что подотчётен вам во всех государственных и прочих должностных делах. (112) Но когда речь идёт о моих собственных деньгах, которые я по своей воле отдал народу, тут я не признаю себя подотчётным ни на единый день! Слышишь, Эсхин! Да и никто в таком деле не подотчётен, будь то хотя бы и кто-нибудь из девяти архонтов! Неужто бывает закон, столь несправедливый и жестокий, чтобы человека, отдавшего своё и сделавшего человеколюбивое и щедрое дело, не только никак не поблагодарить, но ещё и предать доносчикам, чтобы они надзирали за его отчётом о собственных дарах? Нет и не бывало такого закона! Если обвинитель на него ссылается, то пусть предъявит, а я тогда соглашусь и словом не возражу. (113) Но такого закона не существует, господа афиняне, хотя этот продажный лжец и твердит, будто я отдал свои деньги в

то время, когда заведовал театральной казною, будто Ктесифонт поэтому расхваливает меня прежде отчёта. Однако пойми, наёмный клеветник, что Ктесифонт хвалит меня не за исполнение подотчётной должности, а за неподотчётную щедрость! Ты скажешь, что я заведовал также строительством стен. Заведовал, но потому-то и заслужил похвалу, что тратил собственные деньги и не ставил их в счёт казне. Да, подотчётного положено проверять, и для того назначаются особые проверщики, но дарителя по справедливости положено благодарить и хвалить – именно потому подсудимый и представил меня к награде. (114) Представление его не только законно, но и подкреплено вашими обычаями, что я с лёгкостью докажу во многих примерах. Вот Навсикл – в бытность свою полководцем не раз награждался венками за расходование на общие нужды собственных средств. То же с Диотимом и с Харидемом – оба увенчаны за подаренные ими щиты. Неоптолем – вот он сидит! – заведовал многими работами, тратил на них свои деньги и за это награждён. Право же, выйдет сушая нелепость, если никаким должностным лицам по чину не будет дозволено тратить на общее дело собственные средства или если дарителей, вместо того чтобы поблагодарить, заставят отчитываться в расходах!

(118) [...] Возьми-ка, письмоводитель, и прочитай целиком это постановление обо мне – тогда по тем главам представления, о которых он ничего не сказал, станет ясно, что обвиняет он меня как наёмный доносчик. Читай.

[Особое постановление. [...] Поелику Демосфен Пеанийский, сын Демосфенов, заведую исправлением стен, истратил сверх отпущенных денег три таланта из собственных средств, каковые подарил народу, и поелику он, заведую театральной казною, добавил к ней от себя ради зрителей из всех фил сто мин на жертвоприношения, Совет и народ Афинский постановили: похвалить Демосфена Пеанийского, сына Демосфенова, за доблесть его и добродетель, кои неизменно являет он народу Афинскому, и увенчать его золотым венком, а объявить об увенчании в театре во время Дионисий, когда играют новые трагедии. Оглашение поручить устройтелю состязаний.]

(119) Вот каковы были мои подарки, хотя ты о них даже не помянул в своих обвинениях, а вместо того жалуешься тут на те награды, которые присудил мне совет как раз за эти дары. Стало быть, по-твоему, взять, что дают, вполне законно, а поблагодарить – это уже повод для обвинения в противозаконности! Остаётся лишь спросить богов: есть ли на свете сущий негодяй, святотатец и завистник? А если есть, то не ты ли?

(120) Теперь касательно оглашения в театре. Уж и не стану говорить, что таких оглашений было без счёта и что о бессчётном множестве людей да и обо мне самом уже не раз вот так объявляли, но – ради богов! – неужто ты, Эсхин, настолько туп и глуп, чтобы не уметь догадаться, что венчаемому венки всегда в радость, где бы о том ни объявляли, и что оглашение в театре устраивается ради венчающихся? Действительно. Услышав такое, всякий постарается услужить отечеству, да и сама благодарность ещё достохвальнее заслуг венчаемого, так что не зря у нас имеется соответствующий закон. Ну-ка, письмоводитель, возьми и прочитай этот закон.

[Закон. Если кого венчает округ, то объявлять о венчании только в том округе, к которому принадлежит венчаемый. Исключение составляют те, кого венчают Совет и народ Афинский, а таковых дозволяют объявлять в театре во время Дионисий...]

(121) Слыхал, Эсхин? В законе ясно сказано: “Кроме тех, кого венчают по постановлению Совета и народа, а этим положено оглашение”. Зачем же ты, горемыка, сочиняешь облыжные доносы? Зачем измышляешь, чего не было? Почему не лечишься черемицею? Неужто не стыдно тебе тащить человека в суд не за преступление, но единственно из зависти, да притом ещё вывёртываться наизнанку и дёргать по клочкам законы, которые по чести следовало оглашать полностью хотя бы перед теми, кто присягнул судить в согласии с этими законами? (122) Мало того, что ты так поступаешь, но ты ещё твердишь, каков должен быть истинный друг народа, – будто ты сговорился о его портрете и теперь принимаешь работу, а работа исполнена не по заказу. Или, по-твоему, друг народа узнаётся по речам, а не по делам и государственным предприятиям? Ты тут орёшь всякие слова, какие надо и не надо, словно бродячий лицедей, – тебе и твоим сородичам такое позволительно, но мне не пристало. Впрочем, господа афиняне, скажу и об этом. (123) По-моему, обвинения отличны от ругательств тем, что обвинитель говорит о наказуемых по закону преступлениях, а ругатель бранится соответственно собственному нраву – потому что врагам случается взводить друг на друга какую угодно клевету. Однако я полагаю, что предки наши воздвигли эти судилища отнюдь не для того, чтобы мы собирали вас

сюда слушать, как мы непотребно бранимся из-за частных наших дел, но для того, чтобы уличали мы здесь тех, кто провинится перед городом, – (124) а вот Эсхин, хотя и знает не хуже меня, предпочёл не обвинять, но скоморошничать.

(255) О собственной же моей судьбе, да и о судьбе каждого из нас я думаю так, что дело это частное и говорить о нём положено соответственно. [...] А вот он объявляет, будто личная судьба важнее общей судьбы целого города, – это моя-то ничтожная и несчастная судьба важнее судьбы благой и великой! Возможно ли такое?

(265) Итак, Эсхин, попробуй-ка теперь без злобы и пристрастия сравнить твою жизнь с моею, а потом спроси любого присутствующего, которую из двух судеб избрал бы он для себя. Ты служил при школе – я учился в школе, ты посвящал в таинства – я приобщался к таинству, ты записывал за другими – я заседал и решал, ты играл третьи роли – я смотрел представление, ты проваливался, – я освистывал, ты помогал врагам – я трудился ради отечества. (266) О прочем умолчу, но вот сегодня утверждается постановление о венке для меня, однако и тут все согласны, что нет за мною никаких преступлений, а тебя общее мнение искони числит среди наёмных доносчиков, так что беспокоиться можешь лишь о том, позволят ли тебе клеветать и дальше или придётся с этим покончить, если вдруг не соберёшь ты пятой части камешков. Благая у тебя судьба, неужто не видишь? И после такой-то жизни ты ещё бранишь мою!

(267) А теперь, письмоводитель, носи сюда свидетельские показания об исполненных мною общественных повинностях, я их оглашу. Ты тоже подай голос, почитай стихи, которые коверкал – ну, вроде этих:

Иду от мёртвых нор и чёрных врат... –

или вроде этих:

Я горевестник поневоле, верь... –

или ещё:

Тебе, злодею, зло... –

Да, злейшее зло пусть достанется тебе от богов и пусть вслед за богами отвергнут тебя вот они, ибо ты дрянной гражданин и дрянной скоморох. Читай свидетельство [Читаются свидетельские показания.] (268) Вот каков я в городских делах, что же до частных дел, то если ещё не всем известно, как я учтив и дружелюбен и всегда готов помочь в нужде, тогда мне остаётся молчать, ибо нет смысла рассказывать и доказывать, кого я выкупал из вражеского плена и чьим дочерям давал приданое – ни о чём подобном тогда и говорить не стоит. (269) Почему я держусь такого мнения? А потому, что, по-моему, благодетельствованный должен помнить о благодеянии весь свой век, но благодетель пусть забывает об услуге своей сразу – только так и возможно, если первый соблюдает приличия, а второй не унижается до мелочности. Напоминать и разглагольствовать о своей благотворительности – всё равно, что пускаться в попреки.[...]

(270) Однако я хочу, оставив в стороне частные дела, сказать вам ещё кое-что о делах государственных. Если во всём подсолнечном мире ты, Эсхин, отыщешь хотя бы одного человека – будь то эллин или варвар, – не страдавшего прежде от самодержавства Филиппа и не страждущего ныне от самодержавства Александра, тогда пусть будет по-твоему, а я соглашусь, что всему виною моё счастье или злосчастье, это уж как тебе угодно называть. (271) Но если даже там, где меня не видывали и не слыхивали, столь многим людям довелось претерпеть столь многие бедствия – и не отдельным людям, а целым городам и народам! – если так, то неужто не честнее и вернее полагать, что всему виною сделалось общее несчастье чуть ли не всего человечества и некое неудачное и горькое стечение обстоятельств? (272) Между тем ты с этим отнюдь не считаешься и винишь меня за мои советы вот им, хотя отлично знаешь, что таким образом – во всяком случае, в большей мере – огулом бранишь всех, а пуще всех самого себя. Если бы я принимал решение самовластно, то остальные могли бы сваливать вину на меня, (273) но вы-то всегда присутствовали на Народных собраниях, а именно там по городскому нашему уставу разбираются дела государственной важности, и с решением этих дел были тогда вполне согласны все и ты первый. [...] Если всё это было так, то неужто теперь не совершаешь ты преступной подлости, попрекая меня за предприятия, взамен которых ты в своё время не предложил ничего лучшего? (274) Насколько мне известно, у всех людей для подобных случаев имеются твёрдые и определённые правила: тому, кто совершил умышленное преступление, – гнев и отмщение, тому, кто ошибся по нечаянности, – сочувствие и прощение, ну, а тому, кто не совершил ни преступления, ни даже ошибки, но отдал себя делу, которое все почитали пра-

вым, и вместе со всеми потерпел неудачу, по справедливости достаются не брань и попреки, а общее сострадание. (275) Правила эти очевидны не только из законов, но уже из естественного порядка вещей, в коем подтверждаются всеми неписаными уставами и человеческими обычаями. Вот и выходит, что он хотя и помнит об общих наших неудачах, но даже их ставит мне в вину.

(276) Мало того, в притворной своей искренности и благонамеренности он ещё и посоветовал вам давеча с особой настойчивостью, чтобы вы меня остерегались и чтобы следили, как бы я вас не перехитрил и не заморочил, ибо я-де ловкач, и обманщик, и краснобай – как только он меня тут не обзывал! [...] Однако я уверен, что вы все отлично его знаете и уже поняли, насколько более присущи ему поименованные им же свойства. (277) Я уверен также и в том, что искусные мои речи – но довольно! [...] Так вот, если я хотя бы немного смыслю в речах, то все вы можете видеть, что я всегда пользовался этим своим искусством ради общего блага и ради вас, а ради собственной выгоды и во вред вам – никогда, он же, напротив, не только старается ради ваших врагов, но ещё нападает на всякого, кто чем-нибудь ему досадил или не угодил. Право же, искусство его бесчестное и городу от него пользы нет! (278) Честному и благородному гражданину не положено ради собственной корысти внушать судьям, явившимся сюда во исполнение гражданского долга, гнев, ненависть и прочие подлые чувства – не положено ему идти к вам с такими намерениями, а ещё лучше и вовсе не питать таких намерений, но уж если это неизбежно, то надобно хотя бы соблюдать пристойность и скромность. А всё же бывает ли так, что приходится говорить и действовать с пылкой решимостью? Да, бывает, ибо когда опасность грозит самому существованию государства и когда народ вступает в схватку с врагом, то без честного и отважного гражданина обойтись нельзя. (279) Но стараться наказывать меня, хотя за мной не числится никакого государственного – замечу, что частного тоже – преступления, и стараться об этом не ради города и даже не ради собственной выгоды, а явиться сюда и подстроить каверзное обвинение лишь для того, чтобы отнять у меня венки и похвалу, – вот это уже означает личную вражду и зависть и низость, но честности тут и близко нет! Ну, а уклониться от прямого суда со мною и вместо этого обвинять вот его – просто сущая подлость! (280) Остаётся предполагать, что ты, Эсхин, выбрал этот суд не для того, чтобы добиться кары преступнику, но лишь желая похвастаться, как красно ты говоришь и какой зычный у тебя голос. Ты уж поверь: говорящего уважают не за витийство и даже не за глотку, но за согласие с мнением народным и за то, что ненавидит он и любит вместе с отечеством. (281) Воистину, кто душой таков, тот и в речах неизменно будет благонамерен, а если кто угождает людям, от которых город ждёт себе беды, тот уже не заодно с народом, а стало быть, и мнение его о безопасности несогласно с общим мнением. Гляди – вот я, и я выбрал: что им хорошо, то и мне хорошо! [...]

(285) Множество прекрасных и великих дел затеял и исполнил наш город благодаря мне, и дела эти не забыты, Эсхин. Вот тебе доказательства. Когда народ после случившегося решал открытым голосованием, кто скажет надгробное слово павшим, то ни ты не собрал голосов, хотя выговор у тебя звучный, ни Демад, хотя он только что заключил мир, ни Гегемон и никто другой из вашей братии, а назначили меня. [...] (286) Люди знали вас и знали меня: про меня они знали, что я во всех делах являл усердие и благонамеренность, а про вас знали, что вы изменники. Сами вы в благополучную пору отрицали это, но когда город наш попал в беду, в измене своей признались. Вот тут-то, когда среди общего несчастья вы заговорили начистоту, все наконец поняли, что вы издавна были врагами отечества, а теперь даже и скрываться перестали. (287) Поэтому и было решено, что говорить над павшими согражданами и хвалить их доблесть никак невозможно тому, кто делил крышу и стол с неприятелем, и что почётная эта должность не для того, кто воротился домой, весело отпраздновав гибель эллинов вместе со своеручными их убийцами, и что оплакивать такое горе подобает непритворными причитаниями, но от души – и такую скорбь люди замечали у себя и у меня, но не у вас, (288) а потому избран был я, а не вы. Не только весь народ рассудил так, но ещё и отцы и братья павших, которым народ поручил позаботиться о погребении. [...]

(289) Прочитай-ка ему надпись, которую город высек в память погибших, чтобы ты, Эсхин, уже из самой этой надписи мог понять, какой ты невежда, клеветник и мерзавец. Читай.

*Здесь почтуют мужи, мечи подъявшие к брани,
Дабы в чужой стороне вражью гордыню смирить.
Ярость и доблесть явив на поле битвенном, жизни*

*Не сберегли, низойдя в дольний Аидов удел,
Лишь бы Элладе не знать позора гнусной неволи,
Лишь бы эллин не гнул шею под рабский ярем.
Так, после многих трудов, покорствуя промыслу божьему,
Канула смертная персть в лоно родимой земли.
Боги хранят от невзгод и боги даруют удачу,
Но неизбежной судьбы людям бежать не дано.*

(290) Слышишь, Эсхин, как тут сказано: “Боги хранят от невзгод и боги даруют удачу”, – то есть нет у советника силы даровать победу в бою, такая сила только у богов! Зачем же ты, мерзавец, клянёшь меня за поражение? Пусть проклятия твои падут на голову тебе и твоим споспешникам!

(291) Впрочем, господ афиняне, хотя и взводил он на меня множество облыжных обвинений, но больше всего меня удивляли не они, а то, как он говорил о тогдашних наших бедах – совсем не так, как положено благонамеренному и честному гражданину. Он не изъяснял ни горя, ни сердечной скорби, но так шумно тут веселился и так драл глотку, что лишь по собственному своему мнению обвинял меня, а на самом деле сам позорился, показывая, что не разделяет общей печали о случившемся. (292) Уж если кто твердит, будто заботится о порядке и законности – а он теперь твердит именно это! – тот должен, если ничего другого не умеет, хотя бы разделять с народом радость и горе, отнюдь не примыкая к вражескому строю в государственных своих устремлениях. Но ты-то был с врагами и теперь сам изъясняешь это со всей откровенностью, утверждая, будто я повинен во всех несчастьях и будто из-за меня город потерпел поражение [...]

(294) Впрочем, что толку попрекать его этим, когда он успел оклеветать меня ещё гнуснее? Есть ли такое, чего не скажет тот, кто обвиняет меня в приверженности Филиппу? Клянусь Гераклом и всеми богами, если уж разобраться по правде и безо всякой лжи и злобы сказать наконец, кто же были на самом деле те люди, на которых по справедливости следовало бы возложить вину за происшедшее, то вы увидите, что повсюду эти люди во всём уподоблялись ему, а не мне. (296) Начни я перечислять имена всех предателей, так и дня не хватит! Все они, господ афиняне, стараются у себя дома о том же, о чём вот эти стараются у вас, и все они – мерзавцы, подхалимы, погибель рода человеческого, ибо каждый из них изувечил своё отечество, пропил свободу с Филиппом, а теперь пропивает с Александром, измеряет счастье обжорством и похотью, попирает вольность и независимость, кои в прежние времена были для эллинов пределом и образцом блага.

(297) Однако же, господ афиняне, в этом позорном и постыдном сговоре, в этой подлости, а лучше сказать – если говорить без обиняков – в этой распродаже эллинской свободы город наш перед всеми людьми благодаря моим государственным предприятиям остался неповиновен перед вами. И ты ещё спрашиваешь меня, за какие такие подвиги заслужил я награду? Ну, так я тебе отвечу: за то, что пока все эллинские государственные люди – начиная с тебя! – продавались сначала Филиппу, а потом Александру, я ни в каких обстоятельствах ни поддавался ни ласковым речам, ни щедрым посулам, ни надеждам, ни страху и ничему другому, никогда не соблазняясь изменить благу отечества и делу, которое почитал правым; а когда подавал я советы согражданам, то и на этом поприще всегда действовал честно и здравомысленно, – (299) вот за что я заслужил награду.[...] (300) Столько сделал я для обороны Атики, сколько посилено человеческому разумению, и укрепил всю страну, а не только поставил стены вокруг города и Пирея. Нет, не одолел меня Филипп ни расчётами, ни приготовлениями, но вышло так, что сама судьба одолела бойцов и союзных полководцев. Есть ли тому доказательства? Да, есть, ясные и неопровержимые.

Вот поглядите. (301) Что требовалось тогда от благонамеренного гражданина, усердно старающегося о благе отечества со всею возможною предусмотрительностью и добросовестностью? Разве не следовало загородить Атику с моря Евбеей, с суши – Беотией, со стороны Пелопоннеса – пограничными его областями? Разве не следовало озаботиться подвозом хлеба, чтобы вплоть до Пирея хлебный путь проходил только через дружеские страны? Разве не следовало одни из подчинённых городов спасти, послав им военную помощь и объявив о том в особых постановлениях, как было с Проконнесом, и Херсонесом, и Тенедом, а другие привлечь к себе и сделать союзниками, как было с Византием, и Абидом, и Евбеей? Разве не следовало переманить на свою сторону могущественнейших вражеских союзников, добавив отечеству си-

лы, которой ему не доставало? Всего этого я достигнул своими постановлениями и другими государственными предприятиями [...] (303) Ну, а если противление некоего демона, или злосчастье, или никчёмность военачальников, или всё это сразу было помехою делу, пока не сгубило его совершенно, то чем тут виноват Демосфен?

(309) Конечно, Эсхин, будь твоё многоупражненное витийство непритворным и предначинанным на благо отечества, от него произошли бы прекрасные и славные и для всех прибыльные плоды – союзы между городами, прибавление достатка, устройство торговли, полезное законодательство, разоблачение и одоление врагов. [...] (311) Да и правда, каких союзников приобрёл город твоими стараниями? Кому помог? У кого снискал уважение и приязнь? Отправлялось ли куда-нибудь хоть единое посольство? Оказана ли была кому-нибудь хоть единая услуга, добавившая городу нашему доброй славы? Устроилось ли благодаря тебе хоть что-нибудь тут у нас, или вообще у эллинов, или в чужих странах? Где твои боевые корабли? Где верфи? Где конница? Где заново отстроенные стены? Принёс ли ты хоть какую-нибудь пользу? Помогал ли ты богатым или бедным из собственных или казённых средств? Ты вообще ничего не делал! (312) Ты мне ответишь, что и без того-де выказывал благонамеренность и усердие, а я тебя снова спрошу: где и когда? Нет, подлец из подлецов, ты даже тогда, когда все, хоть раз говорившие с помоста, давали деньги на спасение города и когда Аристоник отдал последнее, скопленное им для восстановления в правах, – так вот, даже тогда ты увильнул и ничего не дал, и вовсе не по бедности.

(320) Однако пока у города оставалась возможность избирать наилучшее и пока для всех было равно доступно состязаться в преданности отечеству, то самыми убедительными оказывались мои речи, и всё устраивалось при помощи моих постановлений, и моих законов, и моих посольств, а из твоей братии никого и видно не было – ну разве что изредка, когда вам становилось невтерпёж кому-нибудь напакоstitь. Но едва случилось то самое, чему лучше бы не случаться, и выбирать пришлось уже не советников, но холуёв на посылки, которые всегда готовы за деньги услужить врагам отечества и с охотою пресмыкаются перед теми, перед кем велено пресмыкаться, вот тогда-то ты и все твои товарищи сразу оказались при деле и стали богаты табунами, а я оказался слаб. Да, слаб, с этим я согласен, но зато куда как более предан согражданам! (321) Две обязанности, господа афиняне, есть у гражданина, по самому естеству своему добропорядочному – я именую себя так, чтобы уж вовсе никому не было завидно, – и первая обязанность в том, чтобы в пору благоденствия оберегать у сограждан рвение к подвигам и первенству, а вторая в том, чтобы всегда и при всех обстоятельствах оставаться им верным, ибо верность врождена, а власть и сила приходят извне. Однако вы можете убедиться, что как раз верен-то я вам оставался и остаюсь всегда и во всём. (322) Смотрите сами. Чего только со мной не бывало: меня требовали выдать с головой, меня стращали возмездием амфикионов, мне угрожали, меня пытались подкупить, на меня натравливали этих вот гнусных тварей, – но несмотря ни на что преданность моя вам была неизменной. А почему? А потому, что, едва вступив на государственное поприще, сразу избрал я для себя прямой и честный путь – блюсти и неустанно приумножать силу и славу и преуспевания отечества. Такова моя служба. (323) Да, я не только не слоняюсь по площади, сияя от радости за чужие удачи и кидаясь с поздравлениями и рукопожатиями к тем, кто авось да оповестит обо мне кого следует, но я к тому же не щетинюсь от страха и не потупляю долу скорбных очей, слыша хорошие для города нашего новости, – да я не похож на этих мерзавцев. Это они позорят наш город – можно подумать, будто тем самым они не позорят себя! – это они глядят на сторону, восхваляя злосчастье эллинов и счастье чужаков, это они уговаривают всех сохранить нынешний порядок на веки вечные. (324) Но нет, не бывать такому! Я взываю ко всем богам вместе и к каждому особо: не позволяйте подобного! Лучше внушите этим нечестивцам здравый смысл и честное разумение, если же окажутся они неисправимы, то сделайте так, чтобы сгинули они без следа в безднах земных и в безднах морских, а нам, оставшимся, даруйте наискорейшее избавление от подступившей беды и мирную жизнь.

Печатается по изданию: Ораторы Греции: Пер. с древнегреч. / Сост. М. Гаспаров. – М.: Худож. лит. – 1985. – С. 211–221, 229–231, 233–238, 266–280.

Вопросы и задания к текстам

1. К каким чувствам взывает в начале своей речи Эсхин? Как вы думаете, почему Эсхин во вступительной части речи апеллирует более к чувствам, чем к разуму судей и присутствующих на суде граждан? Грозят ли выдвигаемые обвинения незыблемости народовластия в целом или речь идёт о нарушении частных постановлений? Как в связи с этим выглядят заявления Эсхина о том, что “каждому предстоит голосовать за собственную свободу слова”?

2. Почему Эсхин выносит обвинение против Ктесифонта и настаивает на том, чтобы ответчиком по делу выступил именно Ктесифонт, а не Демосфен?

3. Оцените по силе аргументацию Эсхина. Какие из аргументов вам кажутся сильными, а какие слабыми? Каким образом Эсхин придаёт силу своим доводам? Какие из приведённых аргументов можно легко обратить в контраргументы, какие можно квалифицировать как доводы “эйкос”? Какой аргумент Эсхина в обсуждении первого срока деятельности Демосфена оказался своеобразным бумерангом, то есть послужил основой для обвинения, выдвинутого Демосфеном против самого Эсхина?

4. Эсхин, желая представить Демосфена в дурном свете, прибегает к грубым личным нападкам? Является такое средство воздействия на мнение слушателей сильным или слабым? В каком случае обычно обращаются к таким методам? Почему такой метод убеждения некорректен?

5. Обратите внимание на то, какие имена использует Эсхин по отношению к Демосфену. Оправдывают ли цель подобные средства дискредитации противника в публичном споре?

6. К каким чувствам слушателей апеллирует Эсхин неоднократно? Каким образом он пытается воздействовать на мнение судей в конце своей речи? Можно ли подобные методы квалифицировать как методы давления на адресата речи?

7. Дайте оценку заключительной части речи Эсхина. Сопоставьте заключение речи Эсхина с финальной частью речи Демосфена. Выскажите своё мнение о том, насколько значимым является качество заключительной части речи.

8. Докажите, что Эсхин обладал незаурядными ораторскими способностями. Проиллюстрируйте ваш ответ примерами из текста, свидетельствующими о высоком ораторском мастерстве автора речи.

9. Определите родовую и жанровую принадлежность речей, произнесённых Эсхином и Демосфеном. В каком из отношений каждую из речей можно определить как носящую черты синкретизма? Ответ аргументируйте.

10. Как и в какой части своей речи Демосфен мотивирует желание выступить на судебном процессе? Каковы, по мнению Демосфена, истинные причины, по которым обвинитель затеял судебную тяжбу? Почему Демосфен вскрывает эти причины в начале своей речи?

11. Каким образом Демосфен выходит из щекотливого положения, связанного с тем, что оратору придётся расхваливать самого себя, доказывая, что похвала в его адрес не является ложью?

12. Как обращается Демосфен к Эсхину? Использует ли Демосфен негативно маркированные имена по отношению к Эсхину в начале своей речи? А далее? Какой аргумент позволяет Демосфену дискредитировать Эсхина ещё до того, как были рассмотрены подробности дела?

13. Почему подробный анализ своей деятельности Демосфен начинает с рассмотрения вопроса о Филократовом мире? Только ли потому, что события, связанные с заключением мира с Филиппом, предшествовали всем остальным упоминаемым в речи событиям, или были ещё какие-то другие причины? Кто из спорящих по вопросу о Филократовом мире внушает вам больше доверия, обвиняющий Эсхин или Демосфен, который с одной стороны оправдывается, с другой – обвиняет? Почему? Какое замечание Демосфена является решающим в споре о том, кто виноват в заключении Филократова мира?

14. Демосфен неоднократно сетует, что слишком много предателей появилось в Греции с тех пор, как Филипп стал осуществлять свои тайные замыслы. Оратор называет имена тех, кто продался Филиппу, напоминает об их горькой участи. С какой целью Демосфен делает это?

15. Какие аргументы использует Демосфен, говоря о своей неподкупности? Насколько убедительными представляются обвинения Демосфена в адрес Эсхина в том, что Эсхин брал взятки от Филиппа?

16. Почему и как при обсуждении вопроса о том, нарушена ли законность в связи с награждением или нет, меняется тональность речи Демосфена? Почему Демосфен рассматривает вопросы, связанные с обвинением в нарушении законности, в центральной части речи?

Представлялись ли стратегически верными варианты рассмотрения этого вопроса в начале или в конце речи?

17. Почему Демосфен не стесняется говорить с особым пафосом о своих заслугах перед государством и тем самым превозносить себя в центральной части речи, а в финале выступления более сдержан в оценке своей личности? Можно ли упрекнуть Демосфена в нескромности? Каким образом Демосфен мотивирует своё нежелание говорить о своём милосердии и благотворительности в частных делах?

18. Были ли веские аргументы у Демосфена, чтобы снять с себя обвинение в том, что его политика порой оказывалась провальной? Остаётся ли честен Демосфен и находит, что ответить по этому поводу, или же умалчивает о бедах Греции? Видит ли Демосфен свою вину в постигших Грецию несчастьях? Согласны ли вы с мотивацией Демосфена?

19. Подтвердите примерами из текста, что Демосфен, доказывая то, что он достоин похвалы и награды, использует разные типы аргументации: аргументацию-аналогию, аргументацию-от противного, аргументацию-противопоставление, аргументацию-иллюстрацию. Дайте оценку тому факту, что Демосфен употребил в своей речи гораздо большее, чем Эсхин, количество так называемых нетехнических доказательств: свидетельских показаний, цитирований законов, постановлений, посланий.

20. Каждый из участников судебной тяжбы обвиняет своего соперника во лжи. И тот и другой оратор делают свои заявления, прибегая зачастую к патетике и театральной аффектации? Можно ли считать речи Эсхина и Демосфена в связи с этими обстоятельствами демагогическими? Ответ аргументируйте.

21. Выделите в текстах речей Демосфена и Эсхина параллельные в тематическом отношении аргументационные блоки, сопоставьте их содержание. Кому вы больше верите, Демосфену или Эсхину? Почему?

22. Как вы относитесь к тому, что наряду со ссылками на документы, и тот и другой оратор в своих речах используют цитаты из поэтических произведений? Почему они это делают? Оцените по достоинству, насколько умело оба оратора вплетают в ткань убеждающего дискурса поэтические строки?

23. Какие риторические средства помогают Демосфену достигать высокой степени патетичности каждый раз, когда он указывает на значимость проводимых им мероприятий либо обобщает всё то, что было сделано им на благо государства в тот или иной период деятельности?

24. В какой части речи Демосфена контраст его деятельности и деятельности Эсхина представляется наиболее явным? Каким образом Демосфену удаётся так мастерски противопоставить Эсхина себе?

25. Почему Демосфен в заключительной части речи направляет острие своего красноречия на противника? Докажите, что спор между Эсхином и Демосфеном носит агональный характер.

26. Пронаблюдайте за развитием рассуждения в речи Демосфена. Какие преимущества даёт оратору отточенность композиции? Докажите, что Демосфен проявил себя как непревзойдённый мастер композиционной организации публичной речи.

27. Отметьте случаи использования в речи Демосфеном синонимических удвоений (диад), инверсий, параллельной организации синтаксических конструкций, гипофоры, парантезы? Определите функции, которыми наделяется каждая из этих фигур в речи? Насколько часто Демосфен использует яркие образные наименования, сравнения? Проанализируйте и оцените употребление Демосфеном в речи других риторических средств? Какие риторические средства употребляет в своей речи Эсхин? Какие приёмы усиления выразительности речи, на ваш взгляд, представляются традиционными для того времени?

28. Каким образом вы определили бы слог демосфеновских речей, является ли он однородным или ему присуща стилевая аритмия? Найдите в тексте свидетельства того, что неровность стиля Демосфена доходила порой до резкого стилистического контраста.

29. Речь Эсхина, как мы уже отмечали выше, была достаточно впечатляющей для слушателей, почему же тогда процесс выиграл Демосфен? Чья нравственная позиция, на ваш взгляд, заслуживает большего уважения? Фигура какого оратора в связи с этим вам представляется величественнее и монументальнее?

30. В чём же заключается мастерство Демосфена как оратора? Как бы вы определили его ораторское кредо, его риторический и гражданский идеал? Почему именно Демосфену соотечественники отдали пальму первенства в ораторском мастерстве?

31. Обращаясь к анализу формы и содержания речей, произнесённых на судебном процессе о венке, определите наиболее типичные черты риторических произведений эпохи классицизма.

Дополнительные задания и информация к размышлению

1. Ознакомьтесь с приведёнными ниже фрагментами текста биографических очерков Е. Орлова о Демосфене. На основании этих материалов и личных размышлений, дайте собственную оценку деятельности Демосфена и в соответствии с этой оценкой подготовьте свою обвинительную либо защитительную речь по делу Ктесифонта о венке.

Эллада [...] роковыми шагами приближалась к моменту, когда иноземный завоеватель должен был положить предел её самостоятельности и свободе.

Естественно, что Демосфен, которому суждено было жить и действовать в эту эпоху, представляет фигуру поистине трагическую. Все свои огромные силы, свой дивный дар красноречия, свою неутомимую энергию он отдал на дело служения отечеству, на спасение его от гибели, на защиту от врага; но все его безмерные усилия были напрасны: он всюду наткнулся на обстоятельства, которые были сильнее его, и наконец погиб, не совершив ничего, не оставив даже следов. Во всей перипетии великой человеческой драмы мы не найдём другого такого примера, столь яркого и несомненного, беспомощности человеческой личности против стихийно-неумолимого хода истории, и биография Демосфена приобретает поэтому интерес, далеко превосходящий во многих отношениях интерес других замечательных личностей древнего мира. [...]

Тогда-то, неожиданно для всех и даже не в свою очередь, выступает в народном собрании Демосфен и произносит свою великую речь – первую в знаменитой серии Филиппик. Языком, поразительным по своей точности и мелодичности, в котором пафос перемеживается с остроумием и страсть чередуется с насмешкой, развёртывает он полную драматизма картину борьбы с Филиппом – её судьба в прошедшем, её невероятные осложнения в будущем, её настоящий ущерб для Афин и её грядущую опасность для всей Греции. Он то горько жалуется, то страстно упрекает народ в апатии, изнеженности и самодовольствии, и как на единственное средство избавления от опасности указывает на необходимость жертв, материальных и личных, и на замену наёмных орд регулярными армиями из самих граждан. Впечатление речи было огромное – восхищению народа не было пределов, но так как дело шло о людях и деньгах, то на этом дело и кончилось: его предложения были не приняты, и афиняне продолжали кампанию по-прежнему вяло, нехотя и спустя рукава. [...]

Вместе с тем он [Демосфен] вряд ли был любим как личность: отчасти это объясняется отсутствием энергии и мужества, отчасти же – его личными недостатками – одними, как угрюмость и необщительность, врождёнными, а другими, вроде корыстолюбия и недостатка самоуважения, благоприобретёнными. [...]

Он недостаточно корректно относился к требованиям профессиональной чести и в процессе против Лептина взялся защищать несправедливое дело из чисто материальных расчётов, а в тяжбе Формиона и Аполлора (352–350 гг.) написал защитительные речи для обеих тяжущихся сторон. Он далеко не питал того уважения к истине и правде, которое мы привыкли искать более, нежели в других людях, в государственных деятелях и юристах [...]

Не более высока, быть может, была репутация Демосфена и как мужественного человека. Правда он не падал духом от неудачи и встретил смерть с замечательным самообладанием; но он бежал с Херонейского поля, подобно многим другим, в то время как старец Исократ, получив известие о катастрофе в своём учёном уединении, не захотел пережить несчастье своей родины и наложил на себя руки [...]

Он [Демосфен] всегда оставался заурядным политиком, не понимавшим высших задач своего искусства [...]; он поэтому при выборе путей мало вдавался в вопрос, насколько они идут в унисон с принципами, на которых покоится намеченная цель. К сожалению, этот недостаток в значительной степени усугублялся ещё его несовершенным пониманием текущих событий. Видя, например, с каким неослабным пылом он вёл оппозицию против Филиппа, обвиняя

его в коварстве и лицемерии и обличая его поступки и планы, можно было бы ожидать, что если кто и понимал роль и значение царя, так это был Демосфен; между тем нет ничего ошибочнее такого предположения: Демосфен почти вплоть до Херонейского сражения не был в состоянии оценить по достоинству гений македонского завоевателя – его организаторские силы, его военные таланты, его дипломатические способности. [...]

После этого приходится лишь удивляться, каким образом, при такой заурядности личного характера и политических талантов, Демосфену всё-таки сыграть в истории видную роль и снискать значительную популярность как среди современников, так ещё большие среди потомков? Разрешение этой задачи, кроме как в его патриотизме, следует искать в его истине дивном даре красноречия. [2, с.6, 20, 43-45]

3. Проанализируйте приведённые ниже изречения Демосфена, служащие во многом подтверждением выводов Е. Орлова, и объясните, почему личность Демосфена вызывает двойственное отношение?

Всякое слово без дела ничтожно и пусто.

Ни в чём не ошибаться – это свойство богов.

Чернь – нечто крайне неустойчивое и бессмысленное.

Не человек властвует над случаем, но, напротив, случай правит миром.

4. Организуйте проведение диспута в своей студенческой группе на тему “Что определяет ход истории – закономерность или случай?” При обсуждении вопроса, связанного с ролью личности в ходе истории, упомяните известные вам факты, связанные с утратой Грецией политической независимости в IV в. до н.э. Небезынтересным будет в связи с этим противопоставление двух политических фигур – Демосфена и Филиппа. Чтобы уравновесить в какой-то мере имеющуюся в хрестоматии информацию об этих политических деятелях, дадим несколько штрихов к портрету македонского царя Филиппа II.

Этот человек, во многом столь похожий на Фридриха Великого, отличался умом, в котором ясность и дальновидность соединялись с удивительной осторожностью и методичностью, а недостаток воображения и широты мысли вознаграждался расчётливостью рассудка и беспримерным лукавством. Равно великий как дипломат и полководец, он быстро умел распознавать слабые стороны своего противника, тщательно и подробно выработать план действий, и медленно, но упорно, подобно искусному шахматному игроку, провести этот план в исполнение, пользуясь малейшим промахом врага, принимая во внимание все возможные случайности и умея скрывать свои карты до последнего решительного момента. Он не был поэт войны, подобно своему сыну; он не поддавался обаянию грандиозных идей, не уносился страстью и энтузиазмом момента, но с хладнокровием и разборчивостью опытного практика, не идеализирующего ничего, но и не гнушавшегося ничем, он намечал себе цели, если и не всегда широкие, то зато вполне достижимые, и с математической верностью приближался к ним, пуская в ход всевозможные средства – от знаменитой своей фаланги вплоть до золота и интриг включительно [2, с.16].

Литература

1. Борухович В.Г. Ораторское искусство Древней Греции // Ораторы Греции: Пер. с древнегреч. / Сост. М.Л. Гаспаров. – М.: Худож. лит., 1985.
2. Демосфен и Цицерон. Их жизнь и деятельность: Биографические очерки Е.Орлова. – М.: Репринт, 1991.
3. Козаржевский А.Ч. Античное ораторское искусство: Пособ. по спецкурсу. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980.
4. Плутарх. Демосфен и Цицерон. // Избранные жизнеописания: В 2 т. – М.: Правда, 1990. – Т. 2.
5. Практикум по истории риторики: Пособ. для студентов филолог. специальностей ун-та / Л.А.Мурина, Т.В.Игнатович, И.В.Таяновская, С.А.Шантарович. – Мн.: Изд. центр БГУ, 2003.
6. Радциг С.И. Демосфен – оратор и политический деятель // Демосфен. Речи. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954.

ТЕМА 6. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОБЩЕНИЕ ОПЫТА

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ ОРАТОРОВ: “РИТОРИКА” АРИСТОТЕЛЯ

Во второй половине IV в. до н.э. эпоха классицизма постепенно приближалась к своему завершению. Софистика утратила свои приоритетные позиции; живое слово, обращённое к демосу, в связи с потерей Древней Грецией политической независимости стало неактуальным. Накопленный к тому времени опыт ораторского мастерства был отражён в многочисленных учебниках, руководствах, трактатах. Многие из учебников и руководств, относящихся к классическому периоду развития риторики, не дошли до нас, тем не менее есть прямые свидетельства того, что они существовали. Известны истории и имена древних мыслителей, стоящих у истоков зарождения риторической теории.

Одним из первых учебников по риторике был учебник (до нашего времени, к сожалению, не дошедший) софиста **Коракса** из Сицилии (V в. до н.э.). Учёные считают, что именно на Сицилии были предприняты первые попытки создания теории ораторской речи, в частности теории судебной речи. Сицилийцами были описаны способы построения судебной речи и приёмы аргументации. Значительный вклад в становление теории риторики внёс философ-софист Протагор из Абдер (V в. до н.э.): им были заложены основы учения об “общих местах”, поднято на новую ступень развития искусство спора. В сочинениях **Фрасимаха** (V в. до н.э.) были подвержены описанию способы воздействия речи на слушателей, утверждались эстетические основы ораторских речей, а именно рассматривался вопрос о ритме как организующем элементе ораторской речи. Большое значение для развития теории красноречия и формирования риторического идеала древних греков имели также “Диалоги” **Платона** (V – IV вв. до н.э.).

Однако наиболее обширное теоретическое осмысление в эпоху классицизма риторика получила в трактатах ученика Платона **Аристотеля** (384 – 322 гг. до н.э.). Отдельные идеи по теории красноречия, имеющие непосредственную связь с философией, логикой, поэтикой, отражены в трактатах Аристотеля “Аналитики”, “Категории”, “О поэтическом искусстве”, “Топика”. Аристотель создал, тем не менее, и специальный труд, посвящённый проблемам красноречия, – это трактат, названный “Риторика”.

Трактат “Риторика” состоит из трёх книг. Развитие идей в трактате осуществляется в направлении от наиболее абстрактных категорий, которыми оперирует риторическая теория при анализе содержательных аспектов публичных речей, к вопросам формы, в которую должно быть воплощено содержание публичной речи. Определяя множество понятий, Аристотель проявляет себя как настоящий энциклопедист, поскольку каждое понятие, к анализу которого он обращается, находит строго определённое место в системе идей, составляющих концептуальный каркас его риторики.

Последовательность изложения идей и их взаимосвязь обусловлена аристотелевским видением речевой ситуации. Аристотель полагает, что в ситуации общения, включающей в себя оратора, предмет, о котором идёт речь, а также слушателя, наиболее важным звеном, представляющим конечную цель общения, определяющим и род и характер речи, является именно слушатель. Указание на то, что слушатель занимает центральное место в речевой ситуации, обнаруживает себя в самом начале трактата. По мнению исследователя Ю.В.Рожественского, это неслучайно, поскольку данное положение отражает идейную направленность аристотелевской риторики: определение всех других значимых для общения категорий, а именно: образа оратора, видов речи, видов страстей и способов их возбуждения, аргументации, композиции, стиля – автор риторики осуществляет исходя из позиции слушателя [6, с.132].

В первой книге Аристотель, принимая во внимание, что есть три рода слушателей, дифференцирует три рода речей: речи совещательные, речи судебные и речи эпидейктические. Каждый род речи получает характеристику в соответствии с тем, каковы объекты этих речей и в какое временное пространство они должны помещаться, какие цели ставит перед собой оратор, какого рода категориями, а также способами убеждения оратор должен оперировать.

В этой же книге Аристотель определяет риторику как искусство убеждения и как науку о нахождении способов убеждения. Подобно диалектике, которая представляет собой логическое учение, риторика, по мнению Аристотеля, обращается к доказательствам, касающимся как действительного, так и кажущегося действительным. Обосновывая данное положение, Аристотель ставит во главу угла адресата, требуя от ораторов проявления уважение к тем, к кому они обращаются с речью. Оперирование доводами вероятного характера, считает Аристотель, обязывает раторов соблюдать ораторскую этику, не позволяющую применять манипулятивные так-

тики по отношению к слушателю в корыстных целях. Таким образом, риторическая концепция приобрела морально-этическую базу, что означало для того времени окончательное разрушение релятивистской платформы софистов (идеи об относительности истины), в соответствии с которой манипуляции с мнением адресата считались нормой.

Во второй книге Аристотель переходит от характеристик содержательных аспектов речи к развёрнутому рассказу о том, как человеческим фактором определяется убедительность речи. Аристотель вновь говорит об образе оратора, его нравственном облике, о том, какие личностные свойства оратора и его поведенческие характеристики возбуждают к нему доверие. Затем Аристотель обращается к анализу главного участника общения – слушателя. Аристотель даёт определение страстям, под воздействием которых люди зачастую склонны изменять свои мнения, затем останавливается на тех характеристиках слушателей, которые оратору необходимо учитывать при организации убеждающего воздействия. В заключительных главах второй книги Аристотель вновь возвращается к средствам доказательства, однако теперь он указывает на те источники доводов, которые являются общими для всех родов речей, а именно описывает систему топосов (смысловых моделей).

Третья книга представляет собой рассуждение о стиле, который понимается Аристотелем как способ, манера речи. Исследователи отмечают, что Аристотель “первым заговорил о необходимости использования разных стилистических средств в зависимости от того, с какой целью произносится речь и с какой аудиторией оратор имеет дело” [3, с.36]. Обращает внимание Аристотель и на разницу стиля речи письменной и речи полемической. Говоря о том, какие качества составляют достоинство стиля, Аристотель значительно развивает положение платоновской эстетики красноречия.

Одним из замечательных достижений Аристотеля в разработке теории риторики исследователи считают рассмотрение Аристотелем понятия “достоинства стиля” в связи с категориями “пафос”, “этос” и “логос”. Анализ размышлений Аристотеля о том, в какой мере речь должна быть проникнута чувством, как она должна определять образ произносящего речь и соотноситься с положением вещей, позволяет сделать вывод, что, хотя Аристотель и трактовал стиль как нечто “внешнее”, представлял он его, тем не менее, своеобразным гармонизирующим началом речи.

Завершающую часть риторики представляет учение о композиции, также вписанное в рамку тех понятий, которые были определены ещё в первой книге. Аристотель связывает специфику композиционной организации речей с их родовой принадлежностью, что является ещё одним подтверждением стремления Аристотеля сбалансировать всю систему риторических категорий. Гармония формы и содержания, оратора и речи, речи и слушателя – вот идеал, который был выработан ораторами классической эпохи и получил своё теоретическое обоснование в “Риторике” Аристотеля.

АРИСТОТЕЛЬ

Риторика

Написание “Риторики” датируется 335 г. до н.э. и относится ко времени, когда Аристотель был уже достаточно зрелым учёным, автором других не менее значительных научных трудов. Трактат состоит, как мы уже упоминали выше, из трёх книг. Первая книга включает 14 глав, вторая – 26, третья – 19. Главы книг содержат небольшие преамбулы, в которых определяются вопросы, подлежащие рассмотрению. Такая организация текста значительно облегчает ориентацию в содержательных аспектах сочинения. По-видимому, данная особенность текстовой организации обусловлена тем, что Аристотель, имея опыт педагогической деятельности (известно, что Аристотель в открытом им же в Афинах Ликее преподавал основы философии, политики и риторики), отдавал себе отчёт в том, насколько важным является обеспечение системного восприятия материала в процессе познания.

Учёным неизвестно, является ли дошедший до нас текст “Риторики” Аристотеля оригиналом сочинения или всего лишь ученическим конспектом сочинения, на последнее косвенно указывают многочисленные пропуски в тексте (их реконструкция подаётся в квадратных скобках), а также неясность некоторых выражений.

В хрестоматии приведены отдельные фрагменты текста “Риторики” Аристотеля.

Книга первая

1

Отношение риторики к диалектике. – Всеобщность риторики. – Возможность построить систему ораторского искусства. – Неудовлетворительность более ранних систем ораторского искусства. – Что должен доказывать оратор? – Закон должен по возможности всё определять сам; причины этого. – Вопросы, подлежащие решению судьбы. – Почему исследователи предпочитают говорить о речах судебных? – Отношение между силлогизмом и энтимемой. – Польза риторики, цель и область её.

(1354 а) Риторика – искусство, соответствующее диалектике, так как обе они касаются таких предметов, знакомство с которыми может некоторым образом считаться общим достоянием всех и каждого и которые не относятся к области какой-либо отдельной науки. Вследствие этого все люди некоторым образом причастны обоим искусствам, так как всем в известной мере приходится как разбирать, так и поддерживать какое-нибудь мнение, как оправдываться, так и обвинять. В этих случаях одни поступают случайно, другие действуют согласно со своими способностями, развитыми привычкою. Так как возможны оба эти пути, то, очевидно, можно возвести их в систему, поскольку мы можем рассматривать, вследствие чего достигают цели как те люди, которые руководятся привычкою, так и те, которые действуют случайно [...]. До сих пор те, которые строили системы риторики, выполнили лишь незначительную часть своей задачи, так как в этой области только доказательства обладают признаками, свойственными ораторскому искусству, а всё остальное не что иное, как аксессуары.

(1355 б) Итак, очевидно, что риторика не касается какого-нибудь отдельного класса предметов, но, как и диалектика, [имеет отношение ко всем областям], а также что она полезна и что дело её – не убеждать, но в каждом данном случае находить способы убеждения.[...]

Кроме того, очевидно, что к области одного и того же искусства относится изучение как действительно убедительного, так и кажущегося убедительным, подобно тому, как к области диалектики относится изучение как действительного, так и кажущегося силлогизма: человек делается софистом не в силу какой-нибудь особенной способности, а в силу намерения, с которым он пользуется своим дарованием. Впрочем, здесь [в риторике] имя ратора будет даваться сообразно как со знанием, так и с намерением [которое побуждает человека говорить]. Там же [в логике] софистом называется человек по своим намерениям, а диалектиком – не по своим намерениям, а по своим способностям.

2

Место риторики среди других наук и искусств. – “Технические” (основанные на приёмах риторики) и “нетехнические” (основанные на объективных данных) способы убеждения. – Три вида искусственных способов убеждения. – Риторика – отрасль диалектики и политики. – Пример и энтимема.[...] Общие места (topoi) и частные энтимемы (eidē).

(1355 б) Итак, определим риторику как способность находить возможные способы убеждения относительно каждого данного предмета. Это не составляет задачи какого-нибудь другого искусства, потому что каждая другая наука может поучать и убеждать только относительно того, что принадлежит к её области, как, например, врачебное искусство – относительно того, что способствует здоровью или ведёт к болезни, геометрия – относительно чисел; точно так же и другие искусства и науки; риторика же, по-видимому, способна находить способы убеждения относительно каждого данного предмета, потому-то мы и говорим, что она не касается какого-нибудь частного, определённого класса предметов.

Из способов убеждения одни бывают “нетехнические”, другие же “технические”. “Нетехническими” (atechnoi) я называю те способы убеждения, которые не нами изобретены, но существовали раньше [помимо нас]; сюда относятся: свидетели, показания, данные под пыткой, письменные договоры и т.п.; “технические” же (entechnoi) [я называю] те, которые могут быть созданы с помощью метода и наших собственных средств, так что первыми из доказательств нужно только пользоваться, вторые же нужно [предварительно] найти.

(1356 а) Что касается способов убеждения, доставляемых речью, то их три вида: одни из них находятся в зависимости от характера говорящего, другие – от того или другого настроения

слушателя, третьи – от самой речи. Эти последние заключаются в действительном или кажущемся доказывании.

[Доказательство достигается] с помощью нравственного характера [говорящего] в том случае, когда речь произносится так, что внушает доверие к человеку, её произносящему, потому что вообще мы более и скорее всего верим людям хорошим.[...]

Доказательство находится в зависимости от самих слушателей, когда последние приходят в возбуждение под влиянием речи, потому что мы выносим различные решения под влиянием удовольствия или неудовольствия, любви или ненависти. Этими-то способами убеждения, повторяем, исключительно касаются нынешние теоретики словесного искусства. Каждого из этих способов в отдельности мы коснёмся тогда, когда будем говорить о страстях.

Наконец, самая речь убеждает нас в том случае, когда оратор выводит действительную или кажущуюся истину из доводов, которые оказываются в наличности для каждого данного вопроса.

(1356 b) Что же касается способов доказывать действительным или кажущимся образом, то как в диалектике есть наведение, силлогизм и кажущийся силлогизм, точно так же и здесь, потому что пример есть не что иное, как наведение, энтимема – силлогизм, кажущаяся энтимема – кажущийся силлогизм.[...]

Очевидно, что тот и другой род риторической аргументации имеет свои достоинства. Что мы говорили в “Методике”, то мы находим также и здесь: одни речи богаты примерами, другие энтимемами; точно так же и из ораторов одни склонны к примерам, другие к энтимемам. Речи, наполненные примерами, не менее убедительны, но более впечатления производят речи, богатые энтимемами.

(1358 a) Между энтимемами есть одно громадное различие, совершенно забываемое почти всеми исследователями, [...] заключается оно в том, что одни из энтимем образуются согласно с риторическим, а также с диалектическим методом силлогизмов, другие согласно с другими искусствами и возможностями [...]. Я говорю, что силлогизмы диалектические и риторические касаются того, о чём мы говорим общими местами – топами (τοποι); они общие для рассуждений о справедливости, о явлениях природы и многих других, отличных один от другого предмета; таков, например, топ большого и меньшего, потому что одинаково удобно на основании его построить силлогизм или энтимему как относительно справедливости и явлений природы, так и относительно какого бы то ни было другого предмета, хотя бы эти предметы и были совершенно различны по природе. Частными же я называю энтимемы, которые выведены из посылок, относящихся к отдельным родам и видам явлений; так, например, есть послылки физики, из которой нельзя вывести энтимему или силлогизм относительно этики, а в области этики есть другие послылки, из которых нельзя сделать никакого вывода для физики, точно так же и в областях всех [других наук].[...]

Теперь точно так же, как в “Топике”, нам нужно рассмотреть виды энтимем, а также топы, из которых их нужно выводить. Видами я называю послылки, одинаково общие всем предметам.

3

Три элемента, из которых слагается речь. – Три рода слушателей. – Три рода риторических речей. – Предмет речей совещательных, судебных, эпидейктических. Время, которое имеет в виду каждый из трёх родов речи. – Цель каждого рода речи. – Необходимость знать послылки каждого рода речи.

(1358 a) Есть три вида риторики, потому что есть столько же родов слушателей. Речь слагается из трёх элементов: из самого оратора, из предмета, о котором он говорит, и из лица, к которому он обращается; он-то и есть конечная цель всего (я разумею слушателя). Слушатель необходимо бывает или простым зрителем, или судьёй, и притом судьёй или того, что уже совершилось, или же того, что может совершиться. Примером человека, рассуждающего о том, что имеет быть, может служить член народного собрания, а рассуждающего о том, что уже было, – член судилища; человек, обращающий внимание [только] на дарование [оратора], есть простой зритель. Таким образом, естественно является три рода речей: совещательные, судебные и эпидейктические. Дело речей совещательных – склонять или отклонять, потому что как люди, которым приходится совещаться в частной жизни, так и ораторы, произносящие речи публично, делают одно из двух [или склоняют, или отклоняют].

Что же касается судебных речей, то дело их – обвинять или оправдывать, потому что тяжущиеся всегда делают непременно одно что-нибудь из двух [или обвиняют, или оправдываются].

Дело эпидейктической речи – хвалить или порицать. Что касается времени, которое имеет в виду каждый из указанных родов речи, то человек, совещаясь, имеет в виду будущее: отклоняя от чего-нибудь или склоняя к чему-нибудь, он даёт советы относительно будущего. Человек тяжущийся имеет дело с прошедшим временем, потому что всегда по поводу событий, уже совершившихся, один обвиняет, а другой защищается. Для эпидейктического оратора наиболее важным представляется настоящее время, потому что всякий произносит похвалу или хулу по поводу чего-нибудь существующего; впрочем, ораторы часто сверх того пользуются и другими временами, вспоминая прошедшее или строя предположения относительно будущего. У каждого из этих родов речей различная цель, и так как есть три рода речей, то существуют и три различных цели: у человека, дающего совет, цель – польза и вред: один даёт совет, побуждая к лучшему, другой отговаривает, отклоняя от худшего; остальные соображения, как-то: справедливое и несправедливое, прекрасное и постыдное – здесь на втором плане.

Для тяжущихся целью служит справедливое и несправедливое, но и они присоединяют к этому другие соображения.

Для людей, произносящих хвалу или хулу, целью служит прекрасное и постыдное; но сюда также привносят прочие соображения.[...]

[...] Кроме того, так как все ораторы, как произносящие хвалу или хулу, так и уговаривающие и отговаривающие, а также и обвиняющие и оправдывающие, не только стремятся доказать что-нибудь, но и стараются показать великость или ничтожество добра или зла, прекрасного или постыдного, справедливого или несправедливого, рассматривая при этом предметы безотносительно, сами по себе или сопоставляя их один с другим. Ввиду всего этого очевидно, что нужно иметь наготове посылки как общего, так и частного характера относительно великости и ничтожества и относительно большего и меньшего, например, относительно того, что можно назвать большим или меньшим благом, или большим или меньшим преступлением, или более или менее справедливым деянием; точно так же и относительно остальных предметов.

Итак, мы сказали, относительно чего необходимо иметь наготове посылки. После этого следует разобрать [предмет] каждого из указанных [родов речей] в отдельности: чего касаются совещательные, эпидейктические и судебные речи.

9

Объекты эпидейктической речи. – Определение прекрасного. [...] Похвала и энкомий.[...] Отношение похвалы к совету. – Усиливающие обстоятельства, сравнения и преувеличения пригодны для эпидейктической речи; для совещательной пригодны примеры, для судебной – энтимемы.

(1366 а) Вслед за этим поговорим о добродетели и пороке, прекрасном и постыдном, потому что эти понятия являются объектами для человека, произносящего хвалу или хулу.

(1367 б) Похвала есть способ изъяснять величие добродетели какого-нибудь человека; следовательно, нужно показать, что деяния этого человека носят характер добродетели. Энкомий же относится к самим делам (другие же обстоятельства внешнего характера, например, благородство происхождения и воспитание, служат поводом, так как естественно, что от хороших предков происходят хорошие потомки и что человек, воспитанный именно так, будет именно таким). Потому то мы и прославляем в энкомиях людей, совершивших что-нибудь.[...]

(1368 а) Похвала и совет сходны по своему виду, потому что то, что при подавании совета может служить поучением, то само делается похвалой, раз изменён способ выражения.[...] Если ты не находишь, что сказать о человеке самом по себе, сравни его с другим, как это делал Исократ вследствие непривычки говорить на суде. Следует сравнивать человека с людьми именитыми, потому что, если он кажется лучше людей, достойных уважения, его достоинства от этого выиграют. Преувеличение по справедливости употребляется при похвалах, потому что похвала имеет дело с понятием превосходства, а превосходство принадлежит к числу речей прекрасных, потому, если нельзя сравнивать человека со знаменитыми людьми, следует сопоставлять его вообще с другими людьми, потому что превосходство служит признаком добродетели. Вообще, из приёмов, одинаково принадлежащим всем [трём] родам речей, преувеличение всего более подходит к речам эпидейктическим, потому что здесь оратор имеет дело с деяния-

ми, признанными за неоспоримый факт; ему остаётся только облечь их величием и красотой. Что же касается примеров, то они наиболее подходят к речам совещательным, потому что мы произносим суждения о будущем, делая предположения на основании прошедшего. Энтимемы, напротив, [наиболее пригодны] для речей судебных, потому что прошедшее, вследствие своей неясности, особенно требует указания причины и доказательства.

Книга вторая

1

Цели риторики. – Условия, придающие речи характер убедительности. – Причины, возбуждающие доверие к оратору. – Определение страсти. – Три точки зрения, с которых следует рассматривать каждую из страстей.

(1377 b) [...] Так как сама риторика существует для вынесения решения (crisis) – ведь и в совещательных делах приходят к [определённому] решению, и суд также выносит своё решение, – поэтому необходимо не только заботиться о том, чтобы речь была доказательной и возбуждающей доверие, но также и показать себя человеком известного склада и настроить известным образом судью, потому что для убедительности речи весьма важно (особенно в речах совещательных, а затем и в судебных), чтобы оратор показался человеком известного склада и чтобы [слушатели] поняли, что он к ним относится известным образом, а также чтобы и они были к нему расположены известным образом.[...]

(1378 a) Есть три причины, возбуждающие доверие к говорящему, потому что есть именно столько вещей, в силу которых мы верим без доказательств, – это разум, добродетель и благорасположение.[...]

(1378 a) Страсти – всё то, под влиянием чего люди изменяют свои решения, с чем сопряжено чувство удовольствия или неудовольствия, как, например, гнев, сострадание, страх и все этим подобные и противоположные им [чувства]. Каждую из них следует рассмотреть с трёх точек зрения, например, гнев: в каком состоянии люди бывают сердиты, на кого они обыкновенно сердятся, за что. Если мы выяснили один или два из этих пунктов, но не все, мы были бы не в состоянии возбудить гнев: точно то же [можно сказать] и относительно других [страстей].[...]

4

Определение понятия “любить” и понятия “друг”. – Кого и почему люди любят? – виды дружбы и отношение дружбы к услуге. – Понятие вражды и ненависти, отношение их к гневу. – Как может пользоваться этими понятиями оратор для своей цели?

(1380 b) [...] Кого люди любят и кого ненавидят и почему, об этом мы скажем, определив понятие дружбы (philia) и любви (philein). Пусть любить значит желать кому-нибудь того, что считаешь благом, ради него, а не ради самого себя, и стараться по мере сил доставлять ему благо. Друг – тот, кто любит, взаимно любим. Люди, которым кажется, что они так относятся друг к другу, считают себя друзьями. Раз эти положения установлены, другом необходимо будет тот, кто вместе с нами радуется нашим радостям и горюет о наших горестях, не ради чего-нибудь другого, а ради нас самих. [...] Итак, желающий другому того, чего он желает самому себе, кажется другом этого другого человека.[...]

[Любим мы] и тех, с кем приятно жить и проводить время, а таковы: люди обходительные, несклонные изобличать ошибки [других], не любящие спорить и ссориться, потому что все люди такого сорта любят сражаться, а раз люди сражаются, представляется, что у них противоположные желания.

[Любим мы] и тех, кто умеет пошутить и перенести шутку, потому что умеющие перенести шутку и прилично пошутить, и те, и другие доставляют одинаковое удовольствие своему ближнему. [Мы любим] также людей, хвалящих те хорошие качества, которые в нас есть, особенно, если мы боимся оказаться лишёнными этих качеств.[...]

(1381 b) [...] Мы любим и желаем быть друзьями тех, с кем соперничаем и для кого желаем быть объектом соревнования, а не зависти.[...]

[Любим мы] и тех, кто не притворяется перед нами, таковы, например, те люди, которые говорят о своих недостатках, ибо, как мы сказали, перед друзьями мы не стыдимся того, от чего может зависеть репутация; итак, если человек, испытывающий [в подобных случаях] стыд, не

любит, то человек, не испытывающий стыда, похож на любящего. [Мы любим] ещё людей, которые не внушают нам страха и на которых мы полагаемся, потому что никто не любит того, кого боится. Виды любви – товарищество, свойство, родство и т. п. Порождает дружбу услуга – когда окажешь её, не ожидая просьбы, и когда, оказав её, не выставляешь её на вид, ибо в таком случае кажется, что [услуга оказана] ради самого человека, а не ради чего-нибудь другого.[...]

Что касается вражды и ненависти, то очевидно, что их нужно рассматривать с помощью понятий противоположных. Вражду порождает гнев, оскорбление, клевета. Гнев проистекает из вещей, имеющих непосредственное отношение к нам самим, а вражда может возникнуть и без этого [...]. Гнев врачуетя временем, ненависть же неизлечима.[...]

12

Нравы (черты характера) людей в различных возрастах: черты, свойственные юности.

(1389 а) Я называю страстями гнев, желание и тому подобные [движения души], о которых мы говорили раньше, качествами – добродетели и пороки, о них сказано раньше, а также о том, что предпочитают отдельные личности и что способны делать. Возраст – это юность, зрелый возраст и старость. Делом случая (*tuchē*) я называю благородство происхождения, власть и вещи противоположные этим, и вообще удачу (*eutuchia*) и неудачу (*dystuchia*).

Юноши по своему нраву склонны к желаниям, а также склонны исполнять то, чего желают [...]. По отношению к страстям они переменчивы и легко пресыщаются ими, они сильно жаждут и скоро перестают [желать]; их желания пылки, но не сильны, как жажда и голод у больных. Они страстны, вспыльчивы и склонны следовать гневу. Они слабее гнева, [не могут совладать с гневом], ибо по своему честолюбию они не переносят пренебрежения и негодуют, когда считают себя обиженными. Они любят почёт, но ещё более любят победу, потому что юность жаждет превосходства, а победа есть некоторого рода превосходство. Обоими этими качествами они обладают в большей степени, чем корыстолюбием: они совсем не корыстолюбивы, потому что ещё не испытали нужды [...]. Они не злы, а добродушны, потому что не видели многих низостей. Они легковверны, потому что не во многом были обмануты. [...] Они преимущественно живут надеждой, потому что надежда касается будущего, а воспоминание – прошедшего; у юношей же будущее продолжительно, прошедшее же кратко: в первый день не о чем помнить, надеяться же можно на всё. Их легко обмануть вследствие сказанного: они легко поддаются надежде. Они чрезвычайно смелы, потому что пылки и исполнены надежд [...]. Они великодушны, потому что жизнь ещё не унизила их и они не испытали нужды; считать себя достойным великих [благ] означает великодушие, и это свойственно человеку, исполненному надежд. В своих занятиях они предпочитают прекрасное полезному, потому что живут более сердцем, чем расчётом; расчёт касается полезного, а добродетель прекрасного. Юноши более, чем люди других возрастов, любят друзей, семью, товарищей, потому что находят удовольствие в совместной жизни и ни о чём не судят с точки зрения пользы, так что и о друзьях не [судят так]. Они во всём грешат крайностью и излишеством вопреки Хилонову изречению: они всё делают через меру: чересчур любят и чересчур ненавидят и во всём остальном также они считают себя всеведущими и утверждают это; вот причина, почему [они всё делают] через меру. И несправедливости они совершают по своему высокомерию, а не по злобе. Они легко доступны состраданию, потому что считают всех честными и слишком хорошими: они меряют своих ближних своей собственной неиспорченностью, так что полагают, что те терпят незаслуженно. Они любят посмеяться и сказать острое словцо, так как остроумие есть отшлифованное высокомерие.

23

*Различные топы, которыми можно пользоваться в речи для построения энтимем.
– Преимущество энтимем обличительных.*

(1397 б) [...] Ещё один [топ получается] из понятия большего или меньшего, например: если даже боги знают не всё, то едва ли [всё знают] люди. Это значит, что если чего-нибудь нет [у человека], у которого это должно бы быть в большей степени, то ясно, что [этого] нет [и у человека], обладающего этим в меньшей степени. А [закключение], что бьёт своих близких тот, кто бьёт своего отца, [вытекает] из того, что если есть меньшее, то есть и большее, ибо реже бьют своих отцов, чем своих близких.

(1398 а) [...] Ещё один [топ получается] из определения понятия, например, что такое [сократовский] “демонион”. Есть ли это божество или создание божества? [...]

(1398 а) [...] Ещё один [топ составляется] на основании нескольких значений, [которые может иметь слово], как, например, мы говорили в ”Топике” о слове “хорошо”.

Ещё один [топ получается] из разделения, например, если все поступают несправедливо по трём причинам – или по этой, или по той, или по той – по двум первым [поступить несправедливо в данном случае] невозможно, а о третьей не говорят сами [обвинители].

(1399 а) [...] Ещё один [топ получается], когда люди не одно и то же хвалят, на словах и про себя, но на словах хвалят преимущественно всё справедливое и прекрасное, а про себя более желают полезного – здесь можно строить двоякий силлогизм; этот способ наиболее пригоден по отношению к парадоксам.

Ещё один [топ получается] из заключения, что по аналогии получалось бы то-то, как, например, когда сына Ификрата, по возрасту ещё очень молодого, хотели заставить принимать участие в государственных повинностях на том основании, что он велик ростом, то Ификрат сказал, что если они детей, высоких ростом, считают мужами, то признают людей, низких ростом, за детей.

(1399 б) [...] Ещё один [топ], общий при тяжбах и совещаниях, заключается в рассмотрении обстоятельств, способствующих и препятствующих, а также тех, под влиянием которых люди что-нибудь делают или избегают делать; таковы обстоятельства, при наличии которых нужно делать что-нибудь, а при отсутствии – нужно не делать, например, если что-нибудь возможно, легко и полезно или для самого человека, или для его друзей, или же вредно и невыгодно для врагов, или же если наказание [за проступок] меньше самого проступка. Люди побуждают, исходя из этих [мотивов], и отклоняют, исходя из [мотивов] противоположных. Исходя из тех же самых [мотивов] люди обвиняют и оправдываются: оправдываются, опираясь [на обстоятельства], препятствующие [совершению чего-нибудь], и обвиняют, опираясь на [обстоятельства] способствующие.[...]

(1400 а) [...] Ещё один [топ проистекает] из причины; [он заключается в доказательстве], что что-нибудь есть, если есть [его причина], и что чего-нибудь нет, если нет [причины]; ибо причина и то, чему она служит причиной, сосуществуют и ничто не существует без причины.[...]

Книга третья

1

Три основных вопроса, касающихся риторического искусства. – Стиль (декламация), три качества, обуславливающие его достоинства. – Важное значение стиля. Разница между стилем поэтическим и стилем риторическим.

(1403 б) Есть три пункта, которые должны быть обсуждены по отношению к ораторской речи: во-первых, откуда возникнут способы убеждения, во-вторых, о стиле (lexis), в-третьих, как следует строить части речи.[...] В связи с этим следует сказать о стиле, потому что недостаточно знать, что следует сказать, но необходимо также сказать это, как должно; это много способствует тому, чтобы речь произвела нужное впечатление. Прежде всего согласно естественному порядку вещей поставлен был вопрос о том, что по своей природе является первым, то есть о самих вещах, из которых вытекает убедительное, во-вторых, о способе расположения их при изложении. Затем, в-третьих, [следует] то, что имеет наибольшую силу, хотя ещё не было предметом исследования – вопрос о декламации.[...] Очевидно, что для риторики есть условия, подобные условиям для поэтики, о чём трактовали некоторые другие, в том числе Главкон Теосский. Действие заключается здесь в голосе; [следует знать], как нужно пользоваться голосом для каждой страсти, например, когда следует [говорить] громким голосом, когда тихим, когда средним, и как нужно пользоваться интонациями, например, пронзительной, глухой и средней, и какие ритмы [употреблять] для каждого данного случая. Здесь есть три пункта, на которые обращается внимание: сила (megethos), гармония и ритм.

(1404 а) Так как всё дело риторики направлено к возбуждению того или другого мнения, то следует стремиться только к тому, чтобы речь не причиняла ни печали, ни радости: справедливо сражаться оружием фактов так, чтобы всё находящееся вне области доказательства, становилось излишним. Однако, как мы сказали, [стиль] оказывается весьма важным вследствие нравственной испорченности слушателя. При всяком обучении стиль необходимо имеет неко-

торое небольшое значение, потому что для выяснения чего-либо есть разница в том, выразишься ли так или этак; но всё-таки [значение это] не так велико, [как обыкновенно думают]: всё это относится к внешности и касается слушателя.[...]

2

Достоинство стиля – ясность.– Выражения, способствующие ясности стиля.– Что годится для речи стихотворной и что для прозаической?– Какие выражения должно употреблять в речи прозаической?– Употребление синонимов и омонимов.– Употребление эпитетов и метафор.– Откуда следует заимствовать метафоры?– Как следует создавать эпитеты?

(1404 b) Рассмотрев это, определим, что достоинство стиля заключается в ясности; доказательством этого служит то, что, раз речь не ясна, она не достигнет своей цели. [Стиль не должен быть] ни слишком низок, ни слишком высок, но должен подходить [к предмету речи]; и поэтический стиль, конечно, не низок, но он не подходит к ораторской речи. Из имён и глаголов те отличаются ясностью, которые вошли во всеобщее употребление. Другие имена, которые мы перечислили в сочинении, касающемся поэтического искусства, делают речь не низкой, но изукрашенной, так как отступление [от речи обыденной] способствует тому, что речь кажется более торжественной: ведь люди так же относятся к стилю, как к иноземцам и своим согражданам. Поэтому-то и следует придавать языку характер иноземного, ибо люди склонны удивляться тому, что [приходит] издалека, а то, что в удивление, приятно. В стихах многое производит такое действие и годится там, [то есть в поэзии], потому что предметы и лица, о которых [там] идёт речь, более удалены [от житейской прозы]. Но в прозаической речи таких средств гораздо меньше, потому что предмет их менее возвышен; здесь было бы ещё неприличнее, если бы раб, или человек слишком молодой, или кто-нибудь, говорящий о слишком ничтожных предметах, выражался возвышенным слогом. Но и здесь прилично говорить то принося, то возвышая слог, сообразно [с трактуемым предметом], и это следует делать незаметно, делая вид, будто говоришь не искусственно, а естественно, потому что естественное способно убеждать, а искусственное напротив. [Люди] недоверчиво относятся к такому [оратору], как будто он замышляет [что-нибудь против них], точно так же, как к подмешанным винам. [Стиль оратора должен быть таков], был каким голос Феодора по сравнению с голосами других актёров: его голос казался голосом того человека, который говорил, а их голоса звучали совершенно чуждо.

[...] Слова общеупотребительные, принадлежащие родному языку, метафоры – вот единственный материал, полезный для стиля прозаической речи. Доказывается это тем, что все пользуются только такого рода выражениями: все обходятся с помощью метафор и слов общеупотребительных. Но, очевидно, кто сумеет это ловко сделать, иностранное слово проскользнёт в речи незаметно и будет иметь ясный смысл. В этом и заключается достоинство ораторской речи.

(1405a) [...] Нужно употреблять в речи подходящие эпитеты и метафоры, а этого можно достигнуть с помощью аналогии; в противном случае [метафора и эпитет] покажутся неподходящими, вследствие того, что противоположность двух понятий наиболее ясна в том случае, когда эти понятия стоят рядом. Нужно рассудить, что так же [подходит] для старика, как пурпуровый плащ для юноши, потому что тому и другому приличествует не одно и то же. И если желаешь представить что-нибудь в прекрасном свете, следует заимствовать метафору от предмета лучшего в самом роде вещей; если же [хочешь] выставить что-нибудь в дурном свете, то [следует заимствовать её] от худших вещей, например, так как [приводимые понятия] являются противоположностями в одном и том же роде вещей, о просящем милостыню сказать, что он просто обращается с просьбой, а об обращающемся с просьбой сказать, что он просит милостыню на том основании, что оба [выражения обозначают] просьбу,[...].

(1405 b) Есть ещё третье [условие], которым опровергается софистическое правило: неверно утверждение Брисона, будто нет ничего дурного в том, чтобы одно слово употребить вместо другого, если они значат одно и то же. Это ошибка, потому что одно слово более употребительно, более подходит, скорее может представить дело перед глазами, чем другое. Кроме того, и разные слова представляют предмет не в одном и том же свете, так что и с этой стороны следует предположить, что одно [слово] прекраснее или безобразнее другого. Оба слова означают прекрасное или безобразное, но не [говорят], поскольку оно прекрасно или поскольку

безобразно, или [говорят об этом], но [одно] в большей, [другое] в меньшей степени. Метафоры следует заимствовать от слов, прекрасных по звуку, или по значению, или [закрывающих в себе нечто приятное] для зрения или для какого-либо другого чувства. Например, есть разница в выражениях о заре: “розовоперстая” лучше, чем “пурпуроперстая”, а “красноперстая” хуже.

То же и в области эпитетов: можно создавать эпитеты на основании дурного или постыдного, например, [эпитет] “матереубийца”, но можно также создавать их на основании хорошего, например, “мститель за отца”.

3

Четыре причины, способствующие холодности [выспренности] стиля: употребление сложных слов, необычных выражений, ненадлежащее пользование эпитетами, употребление неподходящих метафор.

(1405 b) Холодность стиля может происходить от четырёх причин, во-первых, от употребления сложных слов, как, например, Ликофрон говорит о “многочисленном небе высоковерхинной земли” и об “узкодорожном берегу”. [...] (1406 a) Или как Алкимадант говорил о “душе, исполненной гнева”, и о “лице, делающимся огнецветным”, [...]. Все эти выражения поэтичны, потому что они составлены из двух слов. Вот в чём заключается одна причина [холодности стиля]. Другая состоит в употреблении необычных выражений, как, например, Ликофрон называет Ксеркса “мужем-чудовищем” и Скирон у него “муж-хищник”, и как Алкимадант [говорит] об “игрушках” поэзии, и о “природном грехе”, и о человеке, “возбуждённом неукротимым порывом своей мысли”. Третья причина заключается в употреблении эпитетов или длинных, или неуместных, или в большом числе; в поэзии, например, вполне возможно называть молоко белым, в прозе же [подобные эпитеты] совершенно неуместны; если их слишком много, они обнаруживают [риторическую искусственность] и доказывают, что раз нужно ими пользоваться, это есть уже поэзия, так как употребление их изменяет обычный характер речи и сообщает стилю оттенок чего-то чуждого. В этом отношении следует стремиться к умеренности, потому что [неумеренность здесь] есть большее зло, чем речь простая, [то есть лишённая эпитетов]: в последнем случае речь не имеет достоинства, а в первом она заключает в себе недостаток. Вот почему произведения Алкимаданта кажутся холодными: он употребляет эпитеты не как приправу, а как кушанье, так у него они часты, преувеличены и бросаются в глаза [...]. (1406 b) Наконец, четвёртая [причина, от которой может происходить] холодность стиля, заключается в метафорах. Есть метафоры, которые не следует употреблять, – одни потому, что [они имеют] смешной смысл, почему и авторы комедий употребляют метафоры, другие потому, что смысл их слишком торжествен и трагичен; кроме того, [метафоры имеют] неясный смысл, если [они заимствованы] издалека, так, например, Горгий говорит о делах “бледных” и “красных” Или: “ты в этом деле посеял позор и пожал несчастье”. Подобные выражения имеют слишком поэтический вид. [...]

4

Сравнение, его отношение к метафоре. – Употребление сравнений.

(1406 b 20) Сравнение (εἰσὼν) есть также метафора, так как между тем и другим существует лишь незначительная разница. Так, когда поэт [говорит] об Ахилле: “он ринулся, как лев”, это есть сравнение. Когда же он говорит: “лев ринулся” – это есть метафора: так как оба обладают храбростью, то поэт, пользуясь метафорой, назвал Ахилла львом. [...]

5

Пять условий, от которых зависит правильность языка. – Удобочитаемость и удобопонимаемость письменной речи. – Причины, ведущие к неясности речи.

(1407 a) [...] Итак, первое условие заключается в правильном употреблении союзов. Второе [заключается] в употреблении собственно самих слов, а не описательных выражений. Третьих, не [следует употреблять] двусмысленных выражений, кроме тех случаев, когда это делается умышленно, [...]. В-четвёртых, следует правильно употреблять роды имён, как их разделял Протагор – на мужские, женские и средние, [...]. В-пятых, [следует] соблюдать последовательность в числе, идёт ли речь о многих, или о немногих, или об одном, [...].

Вообще написанное должно быть удобочитаемо и удобопонимаемо, а это – одно и то же. Этими свойствами не обладает речь со многими союзами, а также речь, в которой трудно рас-

ставить знаки препинания, как, например, в творениях Гераклита – [большой] труд, потому что неясно, к чему что относится ... [...]

6

Что способствует пространности и сжатости стиля?

(1407 b) Пространности (ogson) стиля способствует употребление определения понятия вместо имени, [обозначающего понятие], например, если сказать не “круг”, а “плоская поверхность, все конечные точки которой равно отстоят от центра”. Сжатости (syntomia) же [стиля способствует] противоположное, то есть [употребление] имени вместо определения понятия.

7

Какими свойствами должен обладать стиль? – Как этого достигнуть?

(1408 a) Стиль будет обладать надлежащими качествами, если он полон чувства (patheticē), если он отражает характер (ethicē) и если он соответствует истинному положению вещей. Последнее бывает в том случае, когда о важных вещах не говорится слегка и о пустяках не говорится торжественно и когда к простому имени (слову) не присоединяется украшение; в противном случае стиль кажется шутовским.[...]

(1408 a 20) Слушатель всегда сочувствует оратору, говорящему с чувством, если даже он не говорит ничего [основательного]; вот таким-то способом многие ораторы с помощью только шума производят сильное впечатление на слушателей.

Выражение мыслей с помощью знаков (sēmeiōn) отражает характер [говорящего], ибо для каждого положения и душевного качества есть свой соответствующий язык; положение я различаю по возрасту, например, мальчик, муж или старик; [по полу], например, женщина или мужчина; [по национальности], например, лаконец или фессалиец. Душевыми качествами [я называю] то, сообразно чему человек в жизни бывает таким, а не иным, потому что образ жизни бывает именно таким, а не иным в зависимости не от каждого душевного качества; и если оратор употребляет выражения, соответствующие душевному качеству, он обнаруживает свой нравственный облик, потому что человек неотёсанный и человек образованный сказали бы не одно и то же и не в одних и тех же выражениях.

(1408 b) Все эти виды [оборотов] одинаково могут быть употреблены кстати или некстати. При всяком несоблюдении меры лекарством [должно служить] известное [правило], что человек должен сам себя поправлять, потому что раз оратор отдаёт себе отчёт в том, что делает, его слова кажутся истиной. Кроме того, не [следует] одновременно пускать в ход все сходные между собой средства, потому что таким образом у слушателя является недоверие. Сложные слова, обилие эпитетов и слова малоупотребительные всего пригоднее для оратора, говорящего под влиянием гнева; простительно назвать несчастье “необозримым, как небо” или “чудовищным”. [Простительно это] также в том случае, когда оратор уже завладел своими слушателями и воодушевил их похвалами или порицаниями, гневом или дружбой, как это, например, делает Исократ в конце своего “Панегирика”, [говоря]: “слава и память” (phēmēn de cai mnēmēn), или “те, которые решились” (etlēsan вместо etolmēsan). Такое люди говорят в состоянии энтузиазма и выслушивают, очевидно, испытывая то же самое.[...]

9

Стиль связный и стиль периодический. – Период простой и период сложный. – Два вида сложного периода. – Противоположение, приравнение и уподобление.

(1409 b) Я называю периодом фразу, которая сама по себе имеет начало и конец и размеры которой легко обозреть. Такой стиль приятен и понятен; он приятен, потому что представляет собой противоположность речи незаконченной, и слушателю всегда кажется, что он что-то схватывает, и что что-то для него закончилось; а ничего не предчувствовать и ни к чему не приходиться – неприятно.[...]

Период может состоять из нескольких членов или быть простым.[...] Колон – член периода, одна из частей его. Простым я называю период одночленный. Ни члены периода, ни сами периоды не должны быть ни укороченными, ни длинными, потому что краткая фраза часто заставляет слушателей спотыкаться: в самом деле, когда слушатель, ещё стремясь вперёд к тому пределу, о котором представление есть о нём самом, отбрасывается назад вследствие прекращения речи, он как бы спотыкается, встретив препятствие. А длинные периоды заставляют

слушателей отставать подобно тому, как бывает с людьми, которые, [гуляя], заходят за намеченные пределы: они, таким образом, оставляют позади себя тех, кто с ними вместе гуляет.[...]

Период, состоящий из нескольких членов, бывает или разделительный, или противоположительный. Пример разделительного периода: “Я часто удивлялся тем, кто установил торжественные собрания и учредил гимнастические состязания”. (1410 а) Противоположительный период – такой, в котором в каждом из двух членов одна противоположность стоит рядом с другой или один и тот же член присоединяется к двум противоположностям, например: “Они оказали услугу и тем, и другим, и тем, кто остался, и тем, кто последовал [за ними]; вторым они представили во владение больше земли, чем они имели дома, первым они оставили достаточно земли дома”.[...]

11

Ещё об удачных выражениях и игре слов (asteia). Что такое наглядность? Отношение наглядности к метафоре. – Откуда следует заимствовать метафоры? – “Обманывание” слушателя: апофегмы, загадки, парадоксы, шутки, основанные не перестановке букв и на созвучии, омонимы. – Сравнение, отношение его к метафоре. – Пословицы и гиперболы и их отношение к метафоре.

(1411 b) Итак, мы сказали, что удачные выражения получаются из метафоры по аналогии и из оборотов, изображающих вещь наглядно; теперь следует сказать о том, что мы называем “наглядным” и результатом чего является наглядность. Я говорю, что те выражения представляют вещь наглядно, которые изображают её в действии [...]:

Тогда греки, воспрянув своими быстрыми ногами.

Выражение “воспрянув” означает действие и есть метафора, потому что заключает в себе понятие быстроты. И как Гомер часто пользовался [этим оборотом], с помощью метафоры представляя неодушевлённое одушевлённым. Во всех этих случаях от употребления выражений, означающих действие, фразы выигрывают, как, например, в следующих случаях:

Под гору камень бесстыдный назад устремлялся в долину.

И:

Горькое жало стрелы.... назад отскочило от меди.

Острая стрела понеслась

В гуцу врагов, до намеченной жадная жертвы.

И:

[Копья] в землю жалом вонзались, насытиться жажда.

(1413 а) [...] И удачные гиперболы – метафоры, например, об избитом лице можно сказать: его можно принять за корзину тутовых ягод, так под глазами сине. Но это в значительной мере преувеличено.[...]

12

Каждому роду речи соответствует особый стиль. – Стиль речи письменной и речи полемической.

(1413 b) Не должно ускользать от [нашего] внимания, что для каждого рода речи пригоден особый стиль, ибо не один и тот же [стиль] в речи письменной и в речи полемической, в речи произносимой перед народным собранием и в речи судебной. Необходимо знать оба [рода стиля], потому что первый заключается в искусном владении греческим языком, а зная второй, не бываешь принуждён молчать, если хочешь передать что-нибудь другим, как это бывает с теми, кто не умеет писать. Стиль речи письменной – самый точный, а речи полемической – самый актёрский. Есть два вида последнего [стиля]: один этический [затрагивающий нравы], другой патетический [возбуждающий страсти].

(1414 а) [...] Излишне продолжать анализ стиля [и доказывать], что он должен быть приятен и величествен, потому что почему [ему обладать этими свойствами] в большей степени, чем умеренностью, или благородством, или какой-нибудь иной этической добродетелью? А что перечисленные [свойства стиля] помогут ему сделаться приятным, это очевидно, если мы правильно определили достоинство стиля; потому что для чего другого, [если не для того, чтобы

быть приятным], стиль должен быть ясен, не низок, но приличен? И если стиль болтлив или сжат, он не ясен; очевидно, что [в этом отношении] пригодна середина.[...]

13

На какие две части должна разделяться речь? – Подразделение Аристотеля и подразделение, установившееся до него.

(1414 а) Речь имеет две части, ибо необходимо назвать предмет, о котором идёт речь, и доказать его; поэтому невозможно, назвав, не доказать или доказать, не назвав предварительно; человек доказывающий, доказывает нечто, и человек, предварительно излагающий что-нибудь, излагает это с целью доказательства. Первая из этих двух частей есть изложение (prothesis), вторая – способ убеждения (pistis), как если бы кто-либо разделил речь на части, из которых первая – задача, вторая – решение.

(1414 б) Следовательно, необходимые части речи – изложение и способ убеждения; они составляют её неотъемлемую принадлежность, но по большей части бывают: предисловие, изложение, способ убеждения, заключение.[...]

14

Анализ первой части – предисловия. Сравнение предисловия с мелодией. – Предисловия к речам эпидейктическим и судебным, к произведениям дифирамбическим, эпическим, трагическим и комическим. – Другие виды предисловия, общие для всех родов произведений, – из чего слагается их содержание и какая цель при этом преследуется?

(1414 б 20) Итак, предисловие (prooimion) есть начало речи, то же, что в поэтическом произведении есть пролог, а в игре на флейте – прелюдия. Все эти части – начало; они как бы прокладывают путь для последующего.

(1415 а 5) [...] Итак, вот из чего [слагаются] предисловия к речам эпидейктическим: из похвалы, из хулы, из убеждения, из разубеждения, из обращений к слушателям. Эта “прелюдия” должна быть или связана с содержанием речи, или быть ему чуждой. Относительно предисловий к речам судебным следует установить, что они имеют такое же значение, как и прологи к драматическим произведениям и предисловия к произведениям эпическим. А предисловия к произведениям дифирамбическим подобны предисловиям к речам эпидейктическим, [например]:

Из-за тебя, твоих даров и добычи.

В эпических произведениях предисловие есть показатель [содержания] речи, чтобы [слушатели] заранее знали, о чём будет идти речь, и чтобы уж не были в недоумении, потому что неопределённое вводит в заблуждение. А кто как бы дал в руку слушателю начало речи, тот [этим самым] даёт возможность следить за речью. Поэтому-то [говорится]:

Пой, богиня, про гнев.

И:

Муза, скажи мне о том многоопытном муже.

И:

Скажи мне о другом, о том, как великая война из Азии перешла в Европу.

(1415 а) Другие виды [предисловия], которыми пользуются [ораторы], представляют собой определённые приёмы (iatremata), они общи [всем родам произведений]; содержание их слагается в зависимости от личности самого оратора, от личности слушателя, от дела, от личности противника. Всё, что способствует установлению обвинения или опровержению его, касается самого оратора или его противника. Но тут следует [поступать] неодинаково: оправдываясь, [следует приводить] то, что касается обвинения, в начале, а обвиняя, [следует приводить это] в заключении. Поэтому [следует поступать так], это совершенно ясно: когда оправдываешься, необходимо устранить все препятствия, раз считаешь поставить самого себя перед судом, так что прежде всего следует опровергнуть обвинение. А когда сам обвиняешь, следует помещать обвинение в конце, чтобы оно больше осталось в памяти.

Предисловия, имеющие в виду слушателя, [возникают] из желания сделать слушателя благосклонным или рассердить его, а иногда ещё из желания возбудить его внимание или наоборот, ибо не всегда полезно возбуждать его внимание; поэтому-то многие [ораторы] ста-

раются рассмешить [слушателей]. Всё это приводит к благосклонности [слушателя], если кто этого желает; [того же достигнет оратор], если выкажет себя нравственно хорошим человеком, потому что [слушатели] относятся с большим вниманием к таким людям. [Слушатели] внимательно относятся ко всему великому и к тому, что лично их касается, ко всему удивительному и приятному; поэтому следует внушать слушателям, что речь идёт о подобных предметах.

(1415 b 10) Обязанность возбуждать внимание слушателей, когда это нужно, лежит одинаково на всех частях речи, потому что внимание ослабевает во всех других частях скорее, чем в начале. Поэтому смешно стремиться к этому в начале, когда [и так] все слушают с наибольшим вниманием. Таким образом, следует, где это уместно, употреблять [такие фразы]: “Уделите мне ваше внимание, потому что это дело касается не больше меня, чем вас” и “Я вам скажу нечто такое страшное или такое удивительное, подобного чему вы никогда не слыхали”.

17

Анализ третьей части речи (доказательства). – Откуда следует заимствовать и как строить доказательства в речах эпидейктических, произносимых пред народом, и судебных?

[...] (1418 a) Примеры более свойственны речам, произносимым пред народом, а энтимемы – речам судебным: первые имеют в виду будущее, так что необходимо приводить примеры их прошедшего, а вторые [касаются] того, что есть или чего нет; тут более нужны доказательства и понятие необходимости, потому что прошедшее имеет характер необходимости. Не следует приводить энтимемы одну за другой, а [нужно] примешивать их [к другим оборотам], в противном случае они вредят одна другой, потому что есть предел и для количества.[...]

(1418 b) [Рассуждения, прямо] направленные против противника, не представляют собою какого-либо особого вида, так как к области способов убеждения относится опровержение доводов противника – посредством ли возражений, или посредством силлогизмов. Оратор, начиная речь, совещательную или судебную, должен сначала изложить свои собственные убеждения, а потом выступить против доводов своего противника [...]. Если же много пунктов, вызывающих возражения, то следует сначала приняться за них [...]. Говоря вторым, [оратор] должен сначала направить свою речь против речи противника, разбивая его доводы или противопологая [им свои], особенно, если [доводы противника] имели успех, ибо как душа не привязывается к человеку, который раньше подвергся обвинению, точно так же [не принимает она] и речи [оратора], если речь противника представляется убедительной. Нужно таким образом в душе слушателя очистить место для предстоящей речи, чего ты достигнешь, опровергнув [доводы противника]; по этой причине должно придать своим словам вес посредством предварительной борьбы или со всеми доводами противника, или с главнейшими из них, или с наиболее поддающимися опровержению.

18

Три случая, когда в речи уместно прибегать к вопросу. – Двусмысленные вопросы. – Шутки.

(1419 a) Что касается вопроса, то его всего уместнее предлагать тогда, когда одно из двух положений высказано таким образом, что стоит предложить один вопрос, чтобы вышла нелепость; например, Перикл спросил Лампона о посвящении в таинства “Спасительницы”. Тот ответил, что об этом невозможно слышать непосвящённому. “А сам ты знаешь об этом?” – спросил Перикл и, получив утвердительный ответ, [сказал]: “Как же [ты узнал], когда не был посвящён?”

Во-вторых, [вопрос уместен], когда из двух пунктов один сам по себе ясен, а относительно другого ясно, что на вопрос о нём дан будет утвердительный ответ. Установив с помощью вопроса одно какое-нибудь положение, не следует предлагать ещё вопрос о том, что само по себе ясно, а прямо выводить заключение; так, например, Сократ спросил Мелета, утверждающего, что он не признаёт богов: “Признаю ли я, по-твоему, существование каких-нибудь демонов?” И, получив утвердительный ответ, продолжал: “А демоны не дети ли богов или не нечто ли божественное?” И на утвердительный ответ просил: “Есть ли такой человек, который бы признавал детей богов, а самих богов не [признавал бы]?”

В других случаях не [следует] прибегать [к вопросам], потому что, если [противник] устоит пред вопросом, [спрашивающий] представляется побеждённым, так как невозможно

предлагать много вопросов вследствие неподготовленности слушателей. По той же причине следует придавать энтимемам как можно более сжатый вид.

(1419 b) Что касается шуток, которые, по-видимому, занимают некоторое место в прениях, то, как говорит Горгий, следует серьёзность противника отражать посредством шутки, а шутку посредством серьёзности.[...]

19

Анализ четвёртой части речи – заключения. – Четыре части, на которые распадается заключение, и их анализ.

(1419 b) При составлении эпилога оратору нужно: во-первых, постараться хорошо расположить слушателей к себе и дурно – к противнику, во-вторых, применить преувеличение и умаление, в-третьих, разжечь страсти слушателей, в-четвёртых, напомнить [для чего произнесена речь].

Печатается по изданию: Античные риторика / Под ред. А.А.Тахо-Годи. – М.: Изд-во МГУ, 1978. – С.15–26, 43, 45–46, 70–72, 78–80, 96–97, 111–117, 127–132, 134–138, 140–141, 145–453, 160–163.

Вопросы и задания

1. В самом начале своей книги Аристотель указывает на то, чем его система риторики отличается от существующих уже опытов систематизации риторических знаний. Определите положения, на которых базируется концепция риторики Аристотеля.

2. Понимая, что логические доказательства должны составлять действительную основу убеждения, Аристотель, не обходит вниманием и другие способы убеждающего воздействия. О каких способах убеждения говорит Аристотель?

3. Если учесть, что силлогизм есть дедуктивное умозаключение, которое обладает силой доказательства, поскольку из двух суждений, его составляющих (так называемых посылок), необходимо вытекает третье суждение (вывод), а пример отсылает нас не к логическим операциям, а к опыту, одинаковой ли силой воздействия на публику обладают логический и эмпирический способы убеждения? Рекомендует ли Аристотель пользоваться какими-либо принципами при выборе способа убеждения?

4. Речь, по мнению Аристотеля, состоит из трёх элементов: “из самого оратора, из предмета, о котором он говорит, и из лица, к которому он обращается”. При этом именно слушателя, то есть того, кому адресована речь, Аристотель считает “конечной целью всего”. Как вы думаете, почему это положение “Риторика” Аристотеля, впоследствии породившее термин “фактор адресата”, стало одним из принципиальных положений, на основе которых были выведены законы современной общей риторики?

5. Выделите критерии, по которым Аристотель разграничивал роды красноречия. Составьте таблицу, в которой отразите результаты ваших наблюдений. Учтите, что дифференцирующих критериев и соответственно граф таблицы для всех трёх родов речей должно быть не менее пяти.

6. В начале второй книги своего риторического трактата Аристотель вновь возвращается к условиям, придающим речи убедительность, и вновь говорит о том значении, которое имеют для убеждения публики качества личности говорящего. Определите образ оратора, который, с точки зрения Аристотеля, способен вызывать доверие у публики.

7. Обращая внимание ораторов на то, что немаловажным для убеждения является состояние, в котором пребывает публика или в которое необходимо привести публику, Аристотель определяет природу многих страстей. Как вы думаете, почему Аристотель, считая, что убеждение должно строиться на доказательствах, всё же уделяет значительное место в своём риторическом сочинении психологическому фактору? Как сам Аристотель объясняет это обстоятельство?

8. Ознакомьтесь с психологическим портретом, который даёт Аристотель юношеству. Узнали ли вы себя? Оцените по достоинству наблюдательность Аристотеля. Какие ещё свойства слушателя, кроме возраста, по мнению Аристотеля, должны учитываться оратором?

9. Систематизируйте все факторы, которые, по мнению Аристотеля, влияют на убедительность речи.

10. Во второй книге “Риторика” Аристотель описывает целую систему смысловых моделей (топов), которые могут служить источниками посылок при доказательстве. Эта система включает в себя около сорока единиц: 28 “надёжных” и 10 “ненадёжных” топов. Является ли

идея применения смысловых моделей в качестве источников изобретения ораторской речи оригинальной, или эта идея позаимствована Аристотелем из риторических сочинений предшественников?

10. Что понимает под “стилем” Аристотель? Стиль, по Аристотелю, – это внешнее или внутреннее качество речи? Почему Аристотель рекомендует ораторам заботиться о стиле?

11. Какое понятие вкладывается Аристотелем в выражение “достоинство стиля”? Можно ли термин “достоинство стиля” квалифицировать как качество совершенной речи? Какое достоинство стиля Аристотель называет первым? Почему? Как это соотносится с тем, как Аристотель представляет себе речевую ситуацию? Докажите, что Аристотель, говоря о достоинстве стиля, заключающемся в ясности, рассуждает и о таких качествах речи, как точность и уместность.

12. Как добиться того, чтобы красота речи была естественной?

13. Что, по мнению Аристотеля, необходимо учитывать при употреблении эпитетов и метафор? В чём заключается оригинальность предложенной Аристотелем методики поиска источников эпитетов и метафор? Как вы думаете, регулярнее подвергаются метафоризации слова с конкретным или абстрактным значением? Почему?

14. Какой стиль Аристотель считает “холодным”? Каковы причины холодности стиля? Устарели или нет, по вашему мнению, рекомендации Аристотеля относительно того, как избежать выпренности выражения?

15. Аристотель учит, каким образом можно избежать обедняющей речь сжатости выражения, а также не менее вредной излишней пространности. Сформулируйте правило “золотого сечения” (умеренности в речи), опираясь на рекомендации Аристотеля относительно того, какой должна быть речь с точки зрения её а) вертикальной протяжённости (степени сложности её рационального восприятия), б) линейной протяжённости (степени пространности в изложении), в) эмотивной окрашенности (степени патетичности и аффектированности).

16. Подтвердите цитатами из третьей книги “Риторике” то, что Аристотель говорит и о таких качествах речи, как правильность, умеренность, уместность. Обобщите все качества речи, которые, по мнению Аристотеля, являются достоинствами стиля. Как вы думаете, можно ли говорить о какой бы то ни было иерархии достоинств стиля? Как сам Аристотель обобщает свои наблюдения относительно того, какими свойствами должен обладать стиль и как этого достичь?

17. Связывает ли Аристотель понятие “стиль” с родовой дифференциацией речей? Ответ подтвердите цитатами.

18. Какие части представляют структуру публичной речи? Какими факторами должен руководствоваться оратор при определении того, каким должно быть предисловие к той или иной речи, изложение, доказательство, заключение?

19. Что полезного для себя вы узнали, знакомясь с рекомендациями Аристотеля относительно того, каким образом нужно строить публичную речь?

Дополнительные задания и информация к размышлению

1. В своём риторическом трактате Аристотель рекомендует ораторам пользоваться для убеждения силлогизмами и энтимемами. Силлогизм содержит в своём составе обычно две посылки: большую посылку (посылка, содержащая предикат вывода) и меньшую посылку (посылка, в которой определяется субъект вывода). Энтимема является умозаключением, в котором отсутствует большая посылка. Определите в приведённых ниже шуточных умозаключениях, какие из них представляют собой силлогизмы, а какие энтимемы ¹. Восстановите в энтимемах большую посылку.

• *Труд облагораживает человека. Дети – люди, поэтому их нужно заставлять трудиться упорно и каждый день.*

• *Знаменитый режиссёр Станиславский всегда говорил актёрам: “Ну, чем сегодня будем потрясать зрителей?” Значит, он сам не знал.*

¹ В качестве иллюстраций силлогизмов и энтимем использованы предлагаемые для анализа в “Риторике” Д.Н.Александрова цитаты – высказывания студентов и учащихся школ, содержащие разного рода ошибки.

- Если сейчас ПТУ (профессионально-технические училища) стали называть “лицеями”, а А.С.Пушкин закончил лицей, то можно сказать, что поэт закончил ПТУ.
- Элитарный – значит необычный. Собака должна быть с хвостом, а бесхвостая собака – уже может считаться элитарной.
- Если человек всё время наступает на одни и те же грабли, то они должны быть очень крепкими, эти грабельки, как и лицо у человека.
- Если учитель не понимает шуток, не смеётся, например, совсем, ну, или там, раз в год, то плачет, понимаете, не он, а дети.

2. С опорой на описываемую Аристотелем систему топов определите, какие смысловые модели положены в основу организации текстов следующих афоризмов:

- Великий человек идёт впереди своего времени, умный идёт рядом с ним на всяком пути, хитрый старается порядком использовать его, глупый становится ему поперёк дороги (Э.Бауэрнфельд).
- Великие люди, подобно звёздам, часто обращают на себя внимание только тогда, когда они погасли (П.Буаст).
- Безупречность и счастье нашей жизни в значительной степени зависят от разумного выбора нами товарищей и друзей. Если они плохо выбраны, то могут довести вас до падения; если же они хороши, то могут возвысить нас (Д.Леббокк).
- Бывает благоразумие двух родов – общепринятое и возвышенное. Первое – это благоразумие крота; второе – благоразумие орла, и состоит оно в том, что человек, наделённый им, смело следует своей натуре и, не ведая страха, принимает все сопряжённые с этим невгоды и неудобства (Н.Шамфор).
- Совесть – это чувство, в котором мы сознательно устанавливаем ранг наших влечений (Ф.Ницше).
- Гений – это один процент вдохновения и девяносто девять процентов пота (Т.Эдисон).
- Оптимист заявляет, что мы живём в лучшем из миров, а пессимист опасается, что это чистая правда (Д.Птитсен).

3. Рассуждая о достоинствах стиля и, в частности, о том, какими средствами можно придать речи выразительность, Аристотель отдельно останавливается на проблеме дифференциации сравнения и метафоры. Проверьте себя, правильно ли вы поняли Аристотеля, обратившись к анализу приведённых ниже афоризмов. Какие из этих афоризмов содержат сравнение, а какие – метафору?

- Публика – инструмент, на котором играет оратор, но инструмент живой, со своей стороны также реагирующий. Между тем, кто говорит, и тем, кто слушает, устанавливается постоянный обмен чувств и эмоций (Эдуард Лабуле).
- Лектор без плана подобен слепому, который ведёт другого слепого (Дейл Карнеги).
- В мире зла, глупостей, уверенности и сомнений, называемых существованием, есть одна вещь, для которой ещё стоит жить и которая, несомненно, сильна, как смерть: это – любовь (Генрик Сенкевич).
- Страсти – единственные ораторы, которые всегда убеждают (Франсуа Ларошфуко).
- Остроумие подобно бритве, которой легче всего порезаться, когда она притупилась (Джонатан Свифт).
- Никогда не теряй терпения – это последний ключ, открывающий двери (Антуан де Сент-Экзюпери).
- Всякое стихотворение – покрывало, растянутое на остриях нескольких слов. Эти слова светятся, как звёзды. Из-за них-то существует стихотворение (Александр Блок).
- Любое живое рассуждение можно оспорить, ибо оно подобно лицу, где профиль оспаривает фас (Натан Перельман).

4. Аристотель считает, что перифрастические наименования служат пространности изложения. Очевидно, что перифразы являются к тому же ещё и прекрасным средством для выражения оценочных смыслов. Обращаясь к приведённому ниже материалу, потренируйтесь в

умении расшифровывать перифразы (а), а также в умении создавать перифрастические наименования (б).

а) *страна голубых озёр, страна восходящего солнца, крыша мира, голубая планета, царица ночи, дневное светило, певец Людмилы и Руслана, белые воротнички, царь зверей;*

б) *М.В.Ломоносов, А.С.Пушкин, Н.В.Гоголь, Ф.М.Достоевский, А.П.Чехов, С.А.Есенин, В.В.Маяковский, М.А.Булгаков.*

Литература

1. Александров Д.Н. Риторика: Учеб. пособ. для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 1999.
2. Аристотель и античная литература / Акад. наук СССР. Ин-т мировой лит. – М.: Наука, 1978.
3. Граудина Л.К., Кочеткова Г.И. Русская риторика. – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2001.
4. Лосев А.Ф. “Риторика” и её эстетический идеал // Античные риторика / Под ред. А.А.Тахо-Годи. – М.: Изд-во МГУ, 1978.
5. Практикум по истории риторика: Пособ. для студентов филолог. специальностей ун-та / Л.А.Мурина, Т.В.Игнатович, И.В.Таяновская, С.А.Шантарович. – Мн.: Изд.центр БГУ, 2003.
6. Рождественский Ю.В. Теория риторика. – М.: Добросвет, 1999.
7. Тронский И.М. История античной литературы. – М.: Высшая школа, 1983.

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКО-РИМСКИЙ ПЕРИОД РАЗВИТИЯ РИТОРИКИ

ТЕМА 1. МАРК ТУЛЛИЙ ЦИЦЕРОН – ВЫДАЮЩИЙСЯ ПРАКТИК И ТЕОРЕТИК КРАСНОРЕЧИЯ В ДРЕВНЕМ РИМЕ

Одной из самых значительных фигур римского античного красноречия является фигура **Марка Тулия Цицерона** (106 – 43 гг. до н.э.). Становлению его ораторского таланта способствовало прекрасное образование. В годы юности он готовился к политической карьере, пребывая в домах Квинта Муция Сцевола-авгура, лучшего римского юриста, и Луция Лициния Красса, лучшего римского оратора. Это была своеобразная школа приобщения к делам правящего сословья. Наставниками Цицерона были и известные греческие риторики, философы и поэты, преподававшие в то время в Риме. Исследователи отмечают, что образование, которое получил молодой Цицерон, за исключением обучения латинской грамматике, было в целом эллинистическим, кроме того, учился Марк блестяще. Благодаря своей любознательности и исключительным способностям к обучению Цицерон снискал себе “такую громкую репутацию среди сверстников, что отцы последних часто приходили в школу посмотреть на феноменального мальчика и ставили его в пример своим сыновьям” [3, с.61].

После успешных первых самостоятельных выступлений в качестве адвоката Цицерон продолжил образование в Греции и Малой Азии. Греческая риторическая школа и, в частности традиции политического красноречия, культивированные на Родосе, заставили Цицерона пересмотреть свои риторические идеалы и во многом определили стиль будущего политического трибуна Рима.

На родине Цицерона ждала блестящая политическая карьера. Не будучи выходцем из патрицианского сословья, Цицерон, тем не менее, получает должность консула и принимает непосредственное участие в государственных делах. Однако политическая недалекость, конформизм, утопическая вера в “согласие сословий” не позволили Цицерону достичь истинного успеха на поприще политической деятельности. В переломные моменты истории своего отечества Цицерон неизбежно оставался один. Исследователь М.Л.Гаспаров так объясняет политическое одиночество Цицерона: “Он не был прирождённым политиком, у него не было наследственного навыка и опыта в политической игре, как у сенатской аристократии; вместо этого у него был широкий философский кругозор и высокие представления о долге перед государством и человечеством. К политическим вопросам он подходил не как практик, а как теоретик. Происхождение и социальное положение всадника [...] толкало его на борьбу с сенатом, воспитание в духе традиционных римских этических и политических идеалов заставляло его преклоняться перед сенатом. [...] Впечатлительность и склонность к увлечению сочеталась в нём с пылливой рассудочностью, рефлексией, самоконтролем; философия и риторика учили его взвешивать и учитывать все доводы за и против; и каждое решение требовало у него стольких оговорок перед самим собой, что всякий раз он безнадежно упускал и время и обстоятельства, делая шаг не нужный, а вынужденный, и оставался ни с чем, недовольный сам собой и пренебрегаемый политическими партнёрами” [2, с. 26-27].

В хрестоматии приводится одна из наиболее удачных и полезных отечеству, по мнению самого Цицерона, политических речей оратора – первая речь против Луция Сергия Катилины. Познакомившись с её содержанием, вы сможете почувствовать накал политических страстей эпохи, в которую жил Цицерон, и оценить по достоинству пламенную речь человека, искренне верящего в то, что он является спасителем отечества.

Нельзя не согласиться с мнением исследователей, считающих, что историческое значение Цицерона заключается в его риторической практике, в его деятельности как теоретика красноречия, художника слова [3, с.399].

На вопрос о том, какими особенностями своего красноречия был обязан Цицерон, получив славу великого оратора, исследователи отвечают следующим образом: “Во-первых, своей теоретической подготовкой: со своими философскими познаниями он мог по-новому говорить о старых предметах, поражая слух толпы, не привыкшей к широким взглядам и суждениям; а со своими риторическими познаниями он умел строить речь более рассчитанно, гибко и убедительно, чем его соперники. Во-вторых, своему художественному вкусу: до Цицерона латинский язык не знал стилистической разработки, в языке ораторов беспорядочно соседствовали архаи-

ческие выражения с новомодными греческими словечками, бытовые и просторечные обороты с торжественными поэтическими речениями; Цицерон первым привёл этот хаос к единым стилистическим нормам. В-третьих, своему умению возбуждать в слушателях страсть: для нас эта способность не кажется важной, но для древнего оратора, которому так часто приходилось подменять логику доводов силой эмоций, это качество было первым залогом успеха; и Цицерон здесь был непревзойдённым мастером, равно способным исторгать у публики смех и слёзы: шутки его пользовались такой славой, что издавались отдельными сборниками, а жалость и ненависть он возбуждал с таким искусством, что, когда ему приходилось делить защитительную речь с другими ораторами, на его долю оставлялось заключение – самая напряжённая и страстная часть речи” [1, с. 29].

Все грани таланта Цицерона как теоретика и непревзойдённого художника слова проявились при написании им знаменитых риторических трактатов “Об ораторе”, “Брут”, “Оратор”. В этой трилогии был обобщён и критически осмыслен опыт греческого и римского красноречия. Раскрывая суть своей риторической концепции, Цицерон избирает своеобразный ракурс в освещении проблем теоретической риторики. Показательным в этом отношении является тот факт, что автор трилогии отказывается от традиционных названий для своих трактатов, например “Риторика” или “О красноречии”, так как своей главной целью видит изображение идеального оратора, образ которого неотделим от понятий “совершенный гражданин” и “политический вождь”.

Образ идеального оратора связывает все три трактата в единый цикл. В трактате “Об ораторе” Цицерон определяет, каким должен быть идеальный оратор, показывая индивидуальный путь к этой цели, заключающийся в получении образования и приобретении опыта. В трактате “Брут, или о Знаменитых ораторах” Цицерон рисует картину исторического прогресса римского красноречия, характеризуя в хронологическом порядке более 200 ораторов, то есть показывает общий путь к риторическому идеалу. В трактате “Оратор” уточняются критерии, позволяющие давать оценку мастерству оратора, определяется суть совершенства речи. Таким образом, картина риторической системы Цицерона представляется завершённой.

Отстаивая в науке превосходство своего подхода к красноречию, своего риторического идеала, Цицерон наполняет теорию глубоким гуманистическим содержанием, кроме того, придаёт свои трактатам такую высокохудожественную форму, которая способствовала обретению риторической трилогией статуса непреходящей культурно-исторической ценности. Риторические трактаты Цицерона оказали огромное влияние на становление европейской культуры логоса.

В хрестоматии приводятся отрывки из двух риторических трактатов, вошедших в трилогию об ораторском искусстве: “Об ораторе”, “Оратор”.

ЦИЦЕРОН

Первая речь против Луция Сергия Катилины

Речь произнесена Цицероном в сенате 8 ноября 63 г. Для того чтобы понять пафос звучания этой речи, необходимо знать причины, побудившие Цицерона выступить с инвективой против Луция Сергия Катилины, выходца из патрицианского рода, пытавшегося несколько раз получить консульскую должность.

Получение в Риме консульских должностей, позволяющих непосредственно участвовать в решении государственных дел, происходило в условиях жестокой конкуренции между аристократами и разбогатевшими в результате захватнических войн людьми незнатного происхождения. Претенденты на консульские должности, чтобы набрать нужное количество голосов на выборах, прибегали к различным методам, в том числе и весьма некорректным: подкуп избирателей, круговая порука, несбыточные обещания.

История не располагает сведениями о том, какую именно политическую программу имел представитель римской знати Луций Сергий Катилина, неоднократно выдвигавший свою кандидатуру на выборах в консулы. Характеристики Луция Сергия Катилины, дошедшие до нас, противоречивы. Одни исследователи считают его политическим авантюристом, стремящимся к власти в корыстных целях, другие видят в Катилине римского революционера, борца за справедливость, человека, ратовавшего за демократические реформы и решившегося на борьбу с продажным и инертным олигархическим сенатом, не способным и не желавшим залечи-

вать язвы в жизни римского общества. Тем не менее некоторые факты биографии Катилины, а именно: порочащие Катилину разврат и кутежи, которым он предавался в юности, участие Катилины в сулланских проскрипциях, небескорыстное исполнение им преторских обязанностей в одной из провинций (хотя есть предположение, что обвинение в вымогательстве и грабежах, навешенное на Катилину, было делом сфабрикованным) – не позволяют идеализировать личность Катилины.

Катилина пришёл на сцену политической борьбы в 66 году, заявив свою кандидатуру на выборах в консулы. После провала в первой своей выборной кампании Катилина с присущей ему настойчивостью, не теряя надежды на успех, выдвигает свою кандидатуру на должность консула в выборах на 63 год. В 63 году Катилина имел поддержку достаточно большого количества сторонников. Во многом это было обусловлено тем, что Катилина примкнул к демократическому блоку, предлагая в качестве основных социальных мероприятий передел имущества богатых и отмену долгов, а отмена долгов по тем временам была выгодной не только для разоряющегося крестьянства и деклассированных городских жителей, но и для промотавших своё состояние нобилей.

Счастливым соперником Катилины на этих выборах стал Цицерон. Состоятельные нобили и всадники не могли допустить реализации “разрушительных” планов Катилины и, выступив единым фронтом, выдвинули кандидатуру Цицерона, человека, снискавшего широкую известность адвокатской деятельностью, заслужившего уважение в демократических кругах честным и бескорыстным исполнением преторских обязанностей в Сицилии. Таким образом, в борьбе за консульский титул Катилина в очередной раз терпит поражение. Однако летом 63 года он вновь выдвигает свою кандидатуру для участия в выборах в консулы на 62 год.

Учитывая возможность нового провала, Катилина готовится к захвату власти насильственным путём. Вариант прихода к власти путём физического устранения других консулов готовился и в 66 году, однако планы тогда были расстроены, а раскрытие заговора не получило широкой огласки, так как подозрения об участии в заговоре падали на весьма влиятельных лиц Красса и Цезаря. На этот раз готовящийся заговор был более широкомасштабным. Сторонник Катилины Гай Манлий, находясь в северной Этрурии, формировал военные отряды для проведения вооружённого восстания. Заговор готовился почти открыто. Сенат бездействовал, не считая должным проявлять излишней обеспокоенности, кроме того, была и другая причина бездействия сената: Катилина имел много сторонников среди могущественных сенаторов.

В такой обстановке Цицерон решает взять на себя миссию спасителя отечества от нависшей угрозы, исходящей, по его мнению, от Катилины. Исследователи отмечают, что поведение Цицерона на выборах способствовало накалу страстей вокруг фигуры Катилины: Цицерон руководил выборами в панцире, надетом на тогу, окружённый охраной. Однако политическая ситуация и без того была уже расшатана. В Риме ждали пожаров и политических расправ. Напуганные слухами избиратели не проголосовали за Катилину.

Получив от своих агентов сообщение о том, что заговорщики решили двинуть войско повстанцев на Рим, Цицерон решает действовать открыто и созывает специальное собрание сената, правда, “на почтительном расстоянии от города ...и опасной городской толпы” [3, с.78] в храме Юпитера Зиждителя, на которое приглашает Катилину. На этом заседании сената Цицерон произносит свою знаменитую первую речь против Катилины. Цели выступления были следующие: 1) побудить Катилину к действиям, которые станут неопровержимым доказательством его причастности к заговору, а именно заставить Катилину добровольно покинуть Рим (Цицерон знал, что Катилина, покинув Рим, непременно отправится в лагерь к Гаю Манлию); 2) убедить сенат в преступных намерениях Катилины, а также в том, что Катилина заслуживает самого жестокого наказания, тем самым Цицерон рассчитывал подвинуть бездействующих сенаторов к применению решительных мер против заговорщиков. Блестящим выступлением Цицерон достиг желаемого. Катилина оставил заседание, не проронив ни слова в оправдание, не предоставив возможности нерешительным сенаторам выплеснуть гнев в свой адрес, а затем удалился из Рима и примкнул к заговорщикам.

Цицерон очень гордился тем, что смог предотвратить развязывание преступной войны против республики. За свою деятельность он получил почётное звание “отца отечества”. Его приветствовали повсюду как спасителя родины, а представители тех классов, кому он действительно был обязан спасением, как отмечает исследователь Е.Орлов, “осыпали счастли-

вого консула такими почестями, какими до него не пользовался ни один римский гражданин” [3, с.82].

Желая, однако, довести начатое дело до конца, Цицерон произносит ещё три речи против Катилины. Четвёртой своей речью Цицерон склоняет сенат к принятию решения казнить арестованных главарей заговорщиков. Решение сената было в тот же день приведено в исполнение. Катилину объявляют врагом отечества, и вскоре в числе повстанцев он погибает в сражении с преторскими отрядами.

Демократы впоследствии не простили Цицерону его участия в разоблачении заговора Катилины. Несколькими годами позже Цицерон будет обвинён в том, что он злоупотребил своей консульской властью и способствовал казни заговорщиков без предварительного суда. Политическая недалёковидность Цицерона стоила ему полуторагодового изгнания и конфискации имущества.

Оставляя в стороне политическую подоплёку событий, а также несправедливые оценки, данных исследователями деятельности Цицерона, заметим, что первая речь знаменитого римского трибуна против Катилины является блестящим образцом политической речи в жанре инвективы. Ораторский талант позволил Цицерону реализовать в выступлении намеченные им цели. Каким образом Цицерону это удалось, вы можете узнать, изучив текст речи.

Речь приводится в незначительном сокращении.

(I,1) Доколе же ты, Катилина, будешь злоупотреблять нашим терпением? Как долго ещё ты, в своём бешенстве, будешь издеваться над нами? До каких пределов ты будешь кичиться своей дерзостью, не знаящей узды? Неужели тебя не встревожили ни ночные караулы на Палатине, ни стража, обходящая город, ни страх, охвативший народ, ни присутствие всех честных людей, ни выбор этого столь надёжно защищённого места для заседания сената, ни лица и взоры всех присутствующих? Неужели ты не понимаешь, что твои намерения открыты? Не видишь, что твой заговор уже известен всем присутствующим и раскрыт? Кто из нас, по твоему мнению, не знает, что делал ты последней, что предыдущей ночью, где ты был, кого созывал, какое решение принял? (2) О, времена! О, нравы! Сенат всё это понимает, консул видит, а этот человек всё ещё жив. Да разве только жив? Нет, даже приходит в сенат, участвует в обсуждении государственных дел, намечает и указывает своим взглядом тех из нас, кто должен быть убит, а мы, храбрые мужи, воображаем, что выполняем свой долг перед государством, уклоняясь от его бешенства и увёртываясь от его оружия. Казнить тебя, Катилина, уже давно следовало бы, по приказанию консула, против тебя самого обратить губительный удар, который ты против нас уже давно готовишь. (3) Ведь высокочтимый муж, верховный понтифик¹ Публий Спичион, будучи частным лицом, убил Тиберия Гракха, пытавшегося произвести лишь незначительные изменения в государственном строе, а Катилину, страстно стремящегося резнёй и поджогами весь мир превратить в пустыню, мы, консулы, будем терпеть? О событиях далёкого прошлого я, пожалуй, говорить не буду – например, о том, что Гай Сервилий Агала своей рукой убил Спурия Мелия, стремившегося произвести государственный переворот. Была, была некогда в нашем государстве доблесть, когда храбрые мужи были готовы подвергнуть гражданина, несущего погибель, более жестокой казни, чем та, какая предназначена для злейшего врага. Мы располагаем против тебя, Катилина, решительным и веским постановлением сената.² Не изменяют государству ни мудрость, ни авторитет этого сословия; мы – говорю открыто – мы, консулы, изменяем ему.

(II,4) [...] А мы, вот уже двадцатый день, спокойно смотрим, как притупляется остриё полномочий сената. Правда, и мы располагаем таким постановлением сената, но оно таится в записях и подобно мечу, вложенному в ножны; на основании этого постановления сената, тебя, Катилина, следовало немедленно предать смерти, а между тем ты всё ещё живёшь и живёшь не для того, чтобы отречься от своей преступной отваги; нет, – чтобы укрепиться в ней. Хочу я, отцы-сенаторы, быть милосердным, не хочу, при таких великих испытаниях для государства, показаться безвольным; но я сам уже осуждаю себя за бездеятельность и трусость. (5) В самой Италии, на путях в Этрурию, устроен лагерь на погибель римскому народу; с каждым днём

¹ Верховный понтифик – главный из жрецов Древнего Рима.

² Речь идет о постановлении от 21 октября об объявлении введения чрезвычайного положения, при котором консулы имели полномочия покарать смертью опасного для государства гражданина.

растёт число врагов, а самого начальника этого лагеря, императора¹ и предводителя врагов, мы видим в своих стенах, более того – в сенате; изо дня в день готовит он изнутри гибель государству. Если я тотчас же велю тебя схватить, Катилина, если я велю тебя казнить, то мне, несомненно, придётся бояться, что все честные люди признают мой поступок запоздалым, а не опасаться, что кто-нибудь назовёт его слишком жестоким.

Но, что уже давно должно было быть сделано, я, имея на это веские основания, всё ещё не могу заставить себя привести в исполнение. Ты будешь казнён только тогда, когда уже не найдётся ни одного столь бесчестного, столь низко падшего, столь подобного тебе человека, который не признал бы, что это совершенно законно. (6) Но пока есть хотя бы один человек, который осмелится тебя защищать, ты будешь жить, но так, как живёшь ныне, – окружённый моей многочисленной и надёжной стражей, дабы у тебя не было ни малейшей возможности даже пальцем шевельнуть во вред государству. Более того, множество глаз и ушей будет – незаметно для тебя, как это было также и до сего времени, – за тобой наблюдать и следить.

(III) И в самом деле, чего ещё ждёшь ты, Катилина, когда ни ночь не может скрыть в своём мраке сборище нечестивцев, ни частный дом – удержать в своих стенах голоса участников твоего заговора, если всё становится явным, всё прорывается наружу? Поверь мне, уже пора тебе изменить свой образ мыслей; забудь о резне и поджогах. Ты окружён со всех сторон; света яснее нам все твои замыслы, которые ты можешь теперь обсудить вместе со мной.[...] Ты ничего не можешь ни сделать, ни затеять, ни задумать без того, чтобы я об этом не услышал, более того – этого не увидел и ясно не ощутил.

(IV) Припомни же наконец вместе со мной события достопамятной позапрошлой ночи, и ты сразу поймёшь, что я с гораздо большим усердием неусыпно охраняю благополучие государства, чем ты готовишь ему гибель. Я утверждаю, что ты в эту ночь пришёл на улицу Серповщиков – буду говорить напрямик – в дом Марка Леки; там же собралось множество соучастников этого безрассудного преступления. Смеешь ли ты отпираться? Что ж ты молчишь? Докажу, если вздумаешь отрицать. Ведь я вижу, что здесь, в сенате, присутствует кое-кто из тех, которые были вместе с тобой. (9) О, бессмертные боги! В какой стране мы находимся? Что за государство у нас? В каком городе мы живём? Здесь, здесь, среди нас, отцы-сенаторы, в этом священнейшем и достойнейшем собрании, равного которому в мире нет, находятся люди, помышляющие о нашей всеобщей гибели, об уничтожении этого вот города, более того, об уничтожении всего мира! И я, консул, вижу их здесь, даже предлагаю им высказать своё мнение о положении государства и всё ещё не решаюсь уязвить словами людей, которых следовало бы истребить мечом.

Итак, ты был у Леки в ту ночь, Катилина! Ты разделил на части Италию, ты указал, кому куда следовало выехать; ты выбрал тех, кого следовало взять с собой; ты распределил между своими сообщниками кварталы Рима, предназначенные для поджога, подтвердил, что ты сам в ближайшее время выедешь из города, но сказал: что ты всё ещё не надолго удержишься, так как я ещё жив. Нашлись двое римских всадников, выразивших желание избавить тебя от этой заботы и обещавших тебе в ту же ночь, пред рассветом, убить меня в моей постели. (10) Обо всём этом я узнал, как только было распущено ваше собрание. Дом свой я надёжно защитил, усилив стражу; не допустил к себе тех, кого ты ранним утром прислал ко мне с приветствиями, впрочем, ведь пришли как раз те люди, чей приход – и притом именно в это время – я уже заранее предсказал многим виднейшим мужам.

(V) Теперь, Катилина, продолжай идти тем путём, каким ты пошёл; покинь наконец Рим; ворота открыты настезь, уезжай. Возьми с собой и всех своих сторонников; хотя бы не от всех, но от возможно большего числа их очисти Рим. Ты избавишь меня от сильного страха, как только мы будем отделены друг от друга городской стеной. Находиться среди нас ты уже больше не можешь; я этого не потерплю, не позволю, не допущу. (11) Великую благодарность следует воздать бессмертным богам и, в частности, этому вот Юпитеру Статору, древнейшему стражу нашего города, за то, что мы уже столько раз были избавлены от столь отвратительной язвы, столь ужасной и столь пагубной для государства. Отныне благополучию государства не должна угрожать опасность от одного человека. Пока ты, Катилина, строил козни мне, избранному консулу, я защищался от тебя не с помощью официально предоставленной мне охраны, а

¹ Император в Древнем Риме времён республики – высшее почётное воинское звание, присваиваемое наиболее отличившимся полководцам.

принимая свои меры предосторожности. [...] Словом, сколько раз ни пытался ты нанести мне удар, я отражал его сам, хотя и понимал, что моя погибель была бы большим несчастьем для государства (12) Но теперь ты уже открыто хочешь нанести удар государству в целом; уже и храмы бессмертных богов, городские дома, всех граждан, всю Италию обрекаешь ты на уничтожение и гибель. [...] Если я прикажу тебя казнить, то остальные люди из шайки заговорщиков в государстве уцелеют; но если ты, к чему я уже давно тебя склоняю, уедешь, то из Рима будут удалены обильные и зловердные подонки государства в лице твоих приверженцев. [...]

(VI) И в самом деле, Катилина, что ещё может радовать тебя в этом городе, где кроме твоих заговорщиков, пропащих людей, не найдётся никого, кто бы тебя не боялся, кто бы не чувствовал к тебе ненависти? Есть ли позорное клеймо, которым твоя семейная жизнь не была бы отмечена? Каким только бесстыдством не ославил ты себя в своей частной жизни? Каким только непристойным зрелищем не осквернил ты своих глаз, каким деянием – своих рук, какой гнусностью – всего своего тела? Найдётся ли юнец, перед которым бы ты, чтобы заманить его в сети и совратить, не нес кинжала на пути к преступлению или же факела на пути к разврату¹. [...] (12) [...] Перехожу к тому, что относится не к твоей позорной и порочной частной жизни, не к твоим семейным бедствиям и бесчестию, а к высшим интересам государства, к нашему существованию и всеобщему благополучию.

(15) Неужели тебе, Катилина, может быть мил этот вот свет солнца или воздух под этим небом, когда каждому из присутствующих, как ты знаешь, известно, что ты, в консульство Лепида и Тулла, в канун январских календ² стоял на комиции³ с оружием в руках; что ты, с целью убийства консулов и первых граждан, собрал большую шайку и что твоё безумное злодеяние было предотвращено не твоими собственными соображениями и не страхом, а Фортуной римского народа? [...] (16) Сколько раз вырывали кинжал у тебя из рук! Сколько раз он случайно выскальзывал у тебя из рук и падал на землю! Не знаю, во время каких таинств, каким обетом ты посвятил его богам, раз ты считаешь необходимым вонзить его в грудь консула.

(VII) А теперь какова твоя жизнь? Ведь я теперь буду говорить с тобою так, словно мной движет не ненависть, что было бы моим долгом, а сострадание, на которое ты не имеешь никакого права. Ты только что явился в сенат. Кто среди этого многочисленного собрания, среди стольких твоих друзей и близких приветствовал тебя? Ведь это – с незапамятных времён – не случалось ни с кем; и ты ещё ждёшь оскорбительных слов, когда само это молчание – уничтожающий приговор! А то, что после твоего прихода твоя скамья опустела, что все консуляры, которых ты в прошлом не раз обрекал на убийство, пересели, оставив незанятыми скамьи той стороны, где сел ты? Как ты можешь это терпеть?

(17) Если бы мои рабы боялись меня так, как тебя бояться все твои сограждане, то я, клянусь Геркулесом, предпочёл бы покинуть свой дом. А ты не считаешь нужным покинуть Рим? И если бы я видел, что я – пусть даже незаслуженно – навлек на себя такое тяжкое подозрение и неприязнь сограждан, то я отказался бы от общения с ними, только бы не чувствовать ненависти в их взглядах. Ты же, зная за собой свои злодеяния и признавая всеобщую ненависть справедливой и давно уже заслуженной, ещё колеблешься, бежать ли тебе от взоров и от общества тех людей, чьи умы и чувства страдают от твоего присутствия? Если бы твои родители боялись и ненавидели тебя и если бы тебе никак не удавалось смягчить их, ты, мне думается, скрылся бы куда-нибудь с их глаз. Но теперь отчизна, наша общая мать, тебя ненавидит, боится и уверена, что ты уже давно не помышляешь ни о чём другом, кроме отцеубийства. И ты не склонись перед её решением, не подчинишься её приговору, не испугаешься её могущества?

(18) Она так обращается к тебе, Катилина, и своим молчанием словно говорит: “Не было в течение ряда лет ни одного преступления, которого не совершил ты; не было гнусности, учинённой без твоего участия; ты один безнаказанно и беспрепятственно убивал многих граждан, притеснял и разорял наших союзников; ты оказался в силах не только пренебрегать законами и правосудием, но также уничтожать их, попираешь. Прежние твои преступления, хотя они и были невыносимы, я всё же терпела, как могла; но теперь то, что я вся охвачена страхом из-за тебя одного, что при малейшем лязге оружия я испытываю страх перед Катилиной, что каждый замысел, направленный против меня, кажется мне порождённым твоей преступностью, – всё это

¹Ночью улицы Рима не были освещены. Господ сопровождали обычно рабы, несущие впереди факелы.

²Календы – первый день месяца.

³Комиции – народные собрания (в Древнем Риме).

нестерпимо. Поэтому удались и избавь меня от этого страха; если он справедлив, – чтобы мне не погибнуть; если он ложен, – чтобы мне наконец перестать бояться”. (VIII, 19) Если бы отчизна говорила с тобой так, неужели ты не должен был бы повиноваться ей, даже если бы она не могла применить силу? [...]

(20) [...] Уезжай из Рима, Катилина; избавь государство от страха; в изгнание – если ты именно этого слова ждёшь от меня – отправляйся. Что же теперь? Ты ещё чего-то ждёшь? Разве ты не замечаешь молчания присутствующих? Они терпят, молчат. К чему ждать тебе их приговора, если их воля ясно выражена их молчанием? [...]

(IX, 22) Впрочем, к чему я это говорю? Разве возможно, чтобы тебя что-либо сломило? Чтобы ты когда-либо исправился, помыслил о бегстве, подумал об изгнании? О, если бы бессмертные боги внушили тебе это намерение! Впрочем, я понимаю, какая страшная буря ненависти – в случае, если ты, устранившийся моими словами, решишь удалиться в изгнание – угрожает мне если не в настоящее время, когда память о твоих злодеяниях ещё свежа, то, во всяком случае, в будущем. Но пусть будет так, только бы это несчастье обрушилось на меня одного и не грозило опасностью государству! Однако требовать от тебя, чтобы тебя привели в ужас твои собственные пороки, чтобы ты побоялся законной кары, чтобы ты подумал об опасном положении государства, не приходится. Не таков ты, Катилина, чтобы совесть удержала тебя от подлости, страх – от опасных действий или же здравый смысл – от безумия. (23) Итак, – говорю это уже не в первый раз – уезжай, причём, если ты, как ты заявляешь, хочешь разжечь ненависть ко мне, своему недругу, то уезжай прямо в изгнание. Тяжко будет мне терпеть людскую молву, если ты так поступишь; тяжко мне будет выдерживать этой ненависти, если ты уедешь в изгнание по повелению консула. Но если ты, напротив, предпочтёшь меня возвеличить и прославить, то покинь Рим вместе с наглой шайкой преступников, отправляйся к Манлию и призови пропавших граждан к мятежу, порви с честными людьми, объяви войну отчизне, предайся нечестивому разбою, дабы казалось, что ты выехал из Рима не изгнанным мною к чужим, но приглашённый к своим.

(24) А впрочем, зачем мне тебе то предлагать, когда ты – как я знаю – уже послал людей, чтобы они с оружием в руках встретили тебя вблизи Аврелиева Форума, когда ты – как я знаю – назначил определённый день для встречи с Манлием.[...]

(X, 25) И вот, ты, наконец, отправишься туда, куда твоя необузданная и бешеная страсть уже давно тебя увлекает. Ведь это не только не удручает тебя, но даже доставляет тебе какое-то невыразимое наслаждение. Для этого безрассудства тебя природа породила, твоя воля воспитала, судьба сохранила. Никогда не желал ты, не говорю уже – мира, нет, даже войны, если только эта война не была преступной. Ты набрал себе отряд из бесчестного сброда пропавших людей, потерявших не только всё своё достояние, но также и всякую надежду.

(26) Какую радость ты будешь испытывать, находясь среди них, какому ликованию предаваться! Какое наслаждение опьянит тебя, когда ты среди своих столь многочисленных сторонников не услышишь и не увидишь ни одного честного человека! Ведь именно для такого образа жизни ты и придумал свои знаменитые лишения – лежать на голой земле не только, чтобы насладиться беззаконной страстью, но и чтобы совершить злодеяния; бодрствовать, злоумышляя не только против спящих людей, но и против мирных богатых людей. У тебя есть возможность блеснуть своей хвалёной способностью переносить голод, холод, всяческие лишения, которыми ты вскоре будешь сломлен.

(XI) Теперь, отцы-сенаторы, дабы я мог решительно отвести от себя почти, надо сказать, жалобу отчизны, прошу вас внимательно вас выслушать меня с тем, чтобы мои слова глубоко запали вам в душу и сознание. В самом деле, если отчизна, которая мне гораздо дороже жизни, если вся Италия, всё государство мне скажет: “Марк Тулий, что ты делаешь? Неужели тому, кого ты разоблачил как врага, в ком ты видишь будущего предводителя мятежа, кого, как ты знаешь, как императора ожидают во вражеском лагере – зачинщику злодеяния, главарю заговора, вербовщику рабов и граждан губителю ты позволишь удалиться, так что он будет казаться не выпущенным тобой из Рима, а впущенным тобой в Рим? Неужели ты не повелишь заключить его в тюрьму, повлечь на смерть, предать мучительной казни? (28) Что, скажи, останавливает тебя? Уж не заветы ли предков? Но ведь в нашем государстве далеко нередко даже частные лица карали смертью граждан, несших ему погибель. Или существующие законы о казни, касающиеся римских граждан? Но ведь в нашем городе люди, изменившие государству, никогда не сохраняли своих гражданских прав. Или ты боишься ненависти потомков? [...]” (XII)

Отвечу коротко на эти священные слова государства и на мысли людей, разделяющих эти взгляды. Да, отцы-сенаторы, если бы я считал наилучшим решением покарать Катилину смертью, я этому гладиатору и часа не дал бы прожить. И в самом деле, если выдающиеся мужи и самые известные граждане не только не запятнали себя, но даже прославились, пролив кровь Сатурина, Гракхов и Флакка, а также многих предшественников их, то мне, конечно, нечего было бояться, что казнь этого братоубийцы навлечёт на меня ненависть грядущих поколений. Как бы ни была сильна эта угроза, я всё же всегда буду убеждён в том, что ненависть, порождённую доблестью, следует считать не ненавистью, а славой.

(30) Впрочем, кое-кто в этом сословии либо не видит того, что угрожает нам, либо закрывает глаза на то, что видит. Люди эти снисходительностью своей обнадёживали Катилину, а своим недоверчивым отношением благоприятствовали росту заговора при его зарождении. Опираясь на их авторитет, многие не только бесчестные, но просто неискушённые люди – в случае, если бы я Катилину покарал, – назвали бы мой поступок жестоким и свойственным разве только царю. Но теперь, я полагаю, что если Катилина доберётся до лагеря Манлия, в который он стремится, то никто не будет столь глуп, чтобы не увидеть ясно, что заговор действительно существует, и никто – столь бесчестен, чтобы это отрицать. Я понимаю, что, казнив одного только Катилину, можно на некоторое время ослабить эту моровую болезнь в государстве, но навсегда уничтожить её нельзя. Если же он сам удалится в изгнание, уведет с собой своих приверженцев и захватит с собой также и прочих подонков, им отовсюду собранных, то будут окончательно уничтожены не только эта, уже застарелая болезнь государства, но также и корень и зародыш всяческих зол. (XIII) [...]

(32) Поэтому пусть удалятся бесчестные; пусть они отделятся от честных, соберутся в одно место; наконец, пусть их, как я уже не раз говорил, от нас отделит городская стена. Пусть они перестанут покушаться на жизнь консула у него в доме, стоять вокруг трибунала городского претора, осаждают с мечами в руках его курию, готовят зажигательные стрелы и факелы для поджога Рима; пусть, наконец, на лице у каждого будет написано, что он думает о положении государства. Заверяю вас, отцы-сенаторы, мы, консулы, проявим такую бдительность, вы – такой авторитет, римские всадники – такое мужество, все честные люди – такую сплочённость, что после отъезда Катилины все замыслы его вы увидите раскрытыми, разоблачёнными, подавленными и понесшими должную кару.

(33) При этих предзнаменованиях, Катилина, на благо государству, на беду и на несчастье себе, на погибель тем, кого с тобой соединили всяческие братоубийственные преступления, отправляйся на нечестивую и преступную войну. А ты, Юпитер, чью статую Ромул воздвиг при тех же авспициях¹, при каких основал этот вот город, ты, которого мы справедливо называем оплотом нашего города и державы, отразишь удар Катилины и его сообщников от своих и от других храмов, от домов и стен Рима, от жизни и достояния всех граждан; а недругов всех честных людей, врагов отчизны, опустошителей Италии, объединившихся в злодейском союзе и нечестивом сообществе, ты обречёшь – живых и мёртвых – на вечные муки.

Печатается по изданию: Цицерон М.Т. Речь: В 2 т. – М.: Наука, 1962. – Т.1. – С.292 – 301.

Вопросы и задания

1. В чём вы видите специфику начала речи? Почему Цицерон отступает от выработанных им же самим правил, согласно которым начало речи не должно быть чересчур патетическим?
2. Какую структуру имеет вступление к речи? Выделите основные идеи вступительной части речи. Почему акцент сделан именно на этих положениях? Каким образом они связаны с содержанием речи в целом?
3. Проанализируйте композицию основной части речи. Проследите, сколько раз меняется адресат по ходу речи. Меняются ли намерения говорящего с меной адресата?
4. Проанализируйте все обращения к Катилине. Что составляет их основной пафос? Меняется ли тон обращения к Катилине? Выражением каких эмоций, на ваш взгляд, сопровождал Цицерон каждое из обращений к Катилине? Употребляет ли Цицерон эпитеты, обращаясь к

¹ Авспиции – именовались в виду гадания по полёту птиц, которые проводились Ромулом при вступлении на царство; при тех же авспициях означает “одновременно”.

Катилине? Почему? Каким образом подаётся оценка поступков Катилины? Употребление словоформ какой части речи в обращениях к Катилине придаёт особый динамизм изложению, способствует реализации основной идеи выступления?

5. Какие эпитеты употребляет Цицерон, говоря о сообщниках Катилины? Какие ещё риторические средства в сообщении о деятельности Катилины и его приверженцев служат суггестии (внушению определённых чувств) и эмфазе (подчёркнутой выразительности, акцентному выделению какого-либо элемента в содержательной структуре речи)?

6. Почему и в какие моменты речи Цицерон обращается к сенаторам, каким образом выражает своё отношение к ним? Сделайте предположение относительно того, как вели себя сенаторы во время прослушивания речи. Можно ли с уверенностью заявить, что Цицерон чувствовал их поддержку? Оцените ораторскую изобретательность Цицерона, проанализировав его реакцию на молчание сенаторов.

7. Каким образом структурируется аргументация? Какие доводы вы отнесёте к разряду “in medias res”, а какие, на ваш взгляд, представляют доводы “ad hominem”? Каково соотношение рациональных и иррациональных доводов?

8. Выдвигая столь смелые обвинения против Катилины, пытается ли Цицерон защитить себя от упреков в несправедливости нападок? Найдите места в речи, где Цицерон возвеличивает значимость своих действий. С какой целью он это делает? Как часто Цицерон противопоставляет себя Катилине?

9. Что испытывал Катилина, присутствуя на заседании сената? Какие варианты действий были у Катилины после того, как Цицерон вылил на него “ушат блестящего адвокатского красноречия” [1, с.288]?

10. Что обеспечивает живость изложения? Какие слова составляют своеобразный рефрен в речи? Какие из риторических средств используются Цицероном в речи наиболее активно? Почему? Можно ли утверждать, что избыточная тропами и фигурами речь Цицерона производит впечатление вычурной, искусственной речи?

11. Исследователи отмечают лексическое богатство речей Цицерона. Подтвердите примерами из текста мастерство применения Цицероном фигур, основанных на синонимии. Какой эффект достигается в речи использованием такого рода фигур?

12. Обогайте свой словарь риторических терминов следующими наименованиями фигур: *геминация* – повторение в рамках фразы одного и того же слова дважды (пример из анализируемой речи – “Мы, мы, консулы, признаюсь в этом открыто, не исполняем своего долга”); *гендиадис* – выражение сложного понятия через два простых (Цицерон, например, использует подчёркивающее смысл слов выражение “взгляд и лицо” вместо привычного “выражение лица”); *асиндетон* – бессоюзие (“Всё знает сенат, всё видит консул”); *претериция* – разновидность умолчания, представляющая своеобразный риторический парадокс – желая акцентировать внимание на факте, оратор заявляет, что не будет о нём говорить, однако вопреки заявленному говорит о том, о чём обещано было не говорить. Найдите пример претериции в речи Цицерона против Катилины, приведите другие примеры использования Цицероном описанных нами фигур.

13. Оцените ораторское мастерство Цицерона, а вместе с тем и его гражданское “я”, обратившись к анализу другой его речи, на этот раз защитительной речи (“В защиту Марка Целия Руфа”), где Цицерон также рисует образ Катилины, правда, с другой целью, а именно – желая отвести от подзащитного упреки в преступной связи его с Катилиной.

(V,12) Однако – скажут мне – Целий, после того как в течение нескольких лет выступал на форуме, оказал поддержку Катилине. И это же самое сделали многие люди из всех сословий и всякого возраста. Ведь Катилина, как вы, мне думается, помните, обладал очень многими если и не ярко выраженными, то заметными задатками величайших доблестей. С многими бесчестными людьми он общался, но притворялся, что предан честнейшим мужам. Его манил к себе разврат, но подчас увлекали настойчивость и труд. Его обуревали пороки сладострастия; у него также были сильные стремления к военным подвигам. И я думаю, на земле никогда не было такого чудовища, сочетавшего в себе столь противоположные и разнородные и борющиеся друг с другом природные стремления и страсти. (VI,13) Кто когда-либо был более по душе прославленным мужам, кто был теснее связан с опозоренными? Кто как гражданин был когда-либо ближе честным людям, кто был более жестоким врагом нашим гражданам? Кто был более запятнан распутными наслаждениями и кто более вынослив в лишениях

ях? Кто был более алчным в грабежах и более щедрым в раздачах? Вот какие качества, судьбы, были в этом человеке поистине изумительны: он умел привлекать к себе многих людей дружеским отношением, осыпать их услугами, делиться с любым человеком своим имуществом, в беде помогать всем своим сторонникам деньгами, влиянием, ценой собственных лишений, а если нужно – даже преступлением и дерзкой отвагой; он умел изменять свой природный характер и владеть собой при любых обстоятельствах, был гибок и изворотлив, умел с суровыми людьми держать себя строго, с весёлыми приветливо, со старцами с достоинством, с молодёжью ласково; среди преступников он был дерзок, среди развратников расточителен. (14) Обладая этим столь переменчивым и многообразным характером, он собрал вокруг себя всех дерзких и бесстрашных людей из всех стран и в то же время удерживал при себе даже многих храбрых и честных людей, так сказать, видимостью своей притворной доблести. И у него никогда не возникло бы столь преступного стремления погубить нашу державу, если бы такое безмерное множество чудовищных пороков не сопровождалось у него обходительностью и выдержкой...

Даже меня, повторяю, меня, Катилина когда-то едва не ввёл в заблуждение, когда мне казалось, что он добрый гражданин, стремящийся сблизиться с лучшими людьми, стойкий и верный друг. Преступления его я увидел воочию раньше, чем понял их; схватил их руками раньше, чем заподозрил... [10, с.158 – 159]

Какие эпитеты употребляет Цицерон по отношению к Катилине в начале и в конце этого фрагмента речи? Какие характеристики даёт Цицерон людям, представляющим окружение Катилины? Сопоставьте эти характеристики с теми, которые даны в первой катилинарии.

Дополнительные вопросы и задания, информация к размышлению

1. Известно, что Цицерон, занимаясь государственной деятельностью, отличался честностью и неподкупностью, в то время как другие сенаторы не брезговали взятками и вымогательством. Выполнение Цицероном квесторских обязанностей в Западной Сицилии служат тому ярким примером. Когда по истечении должностного года Цицерон покидал вверенный ему округ, то местное население оказало небывалые почести квестору за бескорыстное и искусное правление и почётная гвардия проводила его до самых пределов Сицилии. Имея скромное по тем временам состояние, Цицерон на удивление всех не принимал денежных вознаграждений и за свою адвокатскую деятельность. Если вы хотите узнать больше о личности Цицерона, прочитайте “Избранные жизнеописания” Плутарха, а также вступительную статью М.Л. Гаспарова к трилогии риторических трактатов Цицерона.

На основании полученных сведений, а также знаний, почерпнутых вами при изучении материалов хрестоматии, объясните, почему личность Цицерона является в равной мере как великой, так и трагичной.

2. Об удивительной находчивости и тонком юморе Цицерона со времён античности ходят анекдоты. Вот один из таких анекдотов.

Во время прений в сенате консул Луций Филипп, недовольный тем, какое они приняли направление, вспылил и стал кричать, что сенаторов давно пора заменить. Марк Красс ответил ему резкой репликой, указав на его недостойное поведение, и тогда Филипп, окончательно выйдя из себя, велел ликторам схватить протестующего сенатора. Красс оттолкнул служителей и воскликнул, обращаясь к Филиппу: “В моих глазах ты больше не консул, потому что в твоих – я больше не сенатор!”

Впоследствии Цицерон, выступая перед народом, с похвалой отозвался об этом поступке Красса. Однако спустя некоторое время он уже произносил перед народом иные слова – порицания. Когда Красс упрекнул его: “Не с этого ли самого места ты превозносил меня на днях?” – Цицерон отпарировал: “Я всего лишь упражнялся в искусстве рассуждать о недостойных предметах!” [4, с.116].

Какие новые штрихи к портрету великого римского оратора вы можете добавить в связи с этим анекдотом?

3. Сравните описания особенностей ораторского стиля Демосфена и Цицерона. Как вы думаете, почему о риторическом мастерстве Демосфена Е. Орлов, автор данных описаний, отзывается с большим восторгом? Можете ли вы возразить Е. Орлову, сопоставив изученные вами речи двух величайших ораторов эпохи античности. Помните о том, что вы будете судить о ма-

стерстве оратора лишь по тексту речи, не имея возможности оценить выступления ораторов в аудиовизуальном восприятии.

Одной из выдающихся особенностей красноречия Демосфена следует признать необычайную ясность и отчётливость мысли и фразы. Признавая как ту, так и другую за необходимые и неразрывные элементы одного и того же органического целого, он, в противоположность большинству ораторов древнего и нового времени, никогда не напускал на слушателей неопределённого, хотя бы и приятного тумана, и никогда не приводил их в состояние, при котором имеются ощущения, но не улавливаются никакие определённые идеи. Он выражался просто и сжато, избегая обычных ораторских приёмов, и в каждой его фразе, в каждом его слове присутствовала мысль, чёткая и точная, как узор на вновь отчеканенной монете. Это, конечно, не значит, чтобы он был совершенно чужд общепринятых фигур речи, вроде риторических вопросов и ответов, ярких метафор и употреблений, поэтических образов и картин; напротив, он заходил иногда в этом направлении дальше, чем осмеливались другие; он олицетворял неодушевлённые предметы, говорил диалогами и употреблял народные выражения, которые своей грубой силой приводили слушателей в оцепенение; но он никогда не злоупотреблял такими приёмами, жертвуя для них содержанием или аргументом, и форма у него всегда оставалась строга и даже скупа. При всех его кажущихся отклонениях основная тема никогда не упускалась из виду; каждое замечание имеет отношение к вопросу, каждая иллюстрация идёт к делу, и малейший шаг, что он делает, неизменно и неуклонно ведёт к определённому заключению. Его эффекты поэтому менее всего шли в ущерб мысли, его украшения никогда не заслоняли, а тем менее заменяли аргументацию, и всё своё богатство красок и тонов он черпал в самом построении языка, в самом способе фразировки. И здесь у него был целый арсенал средств, в пользовании которыми он не имел и не имеет себе равного: одним смелым оборотом речи, одной перестановкой обычного порядка слов, он достигал результатов поразительных по оказываемому им впечатлению. Его проза была истой музыкой, которая движением своим сообщала слушателям эмоции, соответствующие той или другой идее: она состояла из ряда координированных периодов, из которых каждый заключал в себе отдельную мысль во всех её разветвлениях и уравнивал один другого при помощи тонических ударений (повышений и понижений в голосе) и симметричным распределением эффектов. То короткие и нервные, подобные быстрым ударам молнии, то спокойные и широкие, подобно медленно текущей реке эти периоды шли один за другим с мелодичной плавностью, как бы раскачиваясь, лаская ухо лёгкостью и сменой крещендо и декрещендо. [...]

Говорить о других элементах ораторского искусства Демосфена было бы излишне: за невозможностью приводить иллюстрации, пришлось бы повторить все те общие места, которые говорят о всяком другом выдающемся ораторе. Две черты, однако, нам следует вкратце отметить как особенности его красноречия. Ум серьёзный, высокий, вдохновенный великой идеей, но вместе с тем холодный и угрюмый, как обнажённая скала, он менее всего был способен на то искристое и пенное остроумие, которое так прельщает нас в большинстве его соплеменников. Он умел язвить тяжёлым сарказмом, он умел подниматься до потрясающего пафоса, он был одинаковый мастер на отборную брань и на торжественные заклинания, но ему оставались чужды те вспышки тонкого юмора – блестящие и игривые, подобно взмахам рапиры, – которые придают обыкновенно речам такой своеобразный, слегка опьяняющий букет. Но беден в этом, он был богат в другом: действуя в духе времени, сменившем строгий дорический стиль на роскошную коринфскую капитель, он первый ввёл в обычай сопровождать речи жестикულიцией и первый превратил ораторскую трибуну в драматическую эстраду [3, с.52 – 55].

[...] Без сомнения Цицерон далеко уступал Демосфену в серьёзности и глубине чувства, в обилии идей, в искренности намерений; он нередко заменяет пафос риторикой и прикрывает скудость и убожество мыслей потоком звонких слов; все же он недостижимо высок в разнообразии содержания, в блеске формы, в меткости фразировки и изяществе стиля... Он обнаруживает необычайную гибкость и находчивость ума, соединённого с живой памятью и неистощимым богатством выражений, и обладает к тому же звучным, тонко модулирующим голосом, равно как и импозантной фигурой, должен был оказывать на слушателей сильное впечатление [3, с. 107].

ЦИЦЕРОН

Об ораторе

Трактат “Об ораторе” был написан в 55 г. до н.э. Для изложения своей риторической концепции Цицерон избирает форму диалога. М.Л. Гаспаров отмечает, что форма диалога давала Цицерону множество преимуществ. Она позволяла 1) подчеркнуть отличие авторского подхода к теме от традиционного подхода школьных учебников и компиляций; 2) изложить материал не догматически, а дискуссионно; 3) подкрепить авторскую позицию авторитетом тех деятелей, которые были представлены как действующие лица диалога. Главными участниками диалога из семи обозначенных в трактате собеседников явились политические деятели Лициний Красс и Марк Антоний, лица, чей ораторский талант был общепризнан [2, с. 37].

Цицерон избирает аристотелевский тип диалога. Такой диалог, в отличие от платоновского, характеризующегося короткими репликами собеседников, представлен пространными и многословными высказываниями действующих лиц.

Главная идея трактата заключалась в критике существовавшей в то время в римских школах системы риторического обучения. Данная система служила подготовке не истинных ораторов, а ремесленников слова, не способных быть настоящими политическими вождями. Причины несостоятельности системы риторического обучения в Риме Цицерон усматривал, с одной стороны, в отсутствии теоретических и философских основ у этой системы (критика со стороны глубокомысленного Красса), с другой стороны, в пренебрежении практическим жизненным опытом (в этом отношении систему риторического обучения критикует энергичный Антоний).

Трактат состоит из трёх книг, в каждой из которых автор решает определённые задачи. В первой книге он как бы сталкивает два риторических идеала: “идеал философский и практический, греческий и римский, крассовский и антониевский”, во второй и третьей книгах “постепенно сближает эти две враждебные точки зрения и подробным раскрытием взглядов сперва Антония, а потом Красса показывает, что в действительности обе крайности сходятся, и подлинный идеал красноречия оказывается одним и тем же в понимании обеих сторон” [2, с. 41].

В хрестоматии приводятся лишь небольшие фрагменты текстов каждой из трёх книг.

Книга первая

3. ¹¹ [...] Но если даже на этом попроще, на котором блестящие дарования являются очень редко, тебе вздумается ради сравнения выбрать лучших как между нашими соотечественниками, так и между греками, то всё-таки хороших ораторов найдётся гораздо меньше, чем хороших поэтов. ¹² Это должно казаться тем более удивительным, что в остальных науках и искусствах познания обыкновенно черпаются из отвлечённых и трудно доступных источников, в красноречии же общие основы находятся у всех на виду, доступны всем и не выходят за пределы повседневных дел и разговоров; потому-то в других науках более ценится то, что менее доступно пониманию и представлениям непосвящённых, в красноречии же, напротив, нет порока больше, чем уклонение от обыденного склада речи и от общепринятых понятий.

4. ¹⁴ В самом деле, по установлении всемирного нашего владычества, когда продолжительный мир окончательно обеспечил досуг, едва ли был хоть один честолюбивый юноша, который бы не стремился постигнуть во что бы то ни стало искусство оратора. При этом сначала, чуждые всяких теоретических познаний, не подозревая существования никаких правил в науке, они доходили только до той ступени, которой могли достигнуть одним своим умом и своими силами. Но впоследствии, послушав греческих ораторов, познакомившись с их сочинениями, да прибегнув к помощи преподавателей, наши земляки возгорелись просто невероятным усердием к красноречию. Этому содействовали значительность, разнообразие и множество всевозможных судебных дел, вследствие чего к познаниям, какие каждый приобрёл своим личным прилежанием, присоединялось частое упражнение, которое важнее наставлений всяких учителей. А сулил этот род занятий те же награды, что и теперь, – и популярность, и влияние, и уважение. [...]

¹⁶ [...] [Трудность красноречия] Но это объясняется тем, что красноречие есть нечто такое, что даётся труднее, чем это кажется, и рождается из очень многих знаний и стараний. 5. И точно, при взгляде на великое множество учащихся, необыкновенное обилие учителей, высокую даровитость народа, бесконечное разнообразие тяжб, почётные и щедрые награды, ожидающие красноречие, какую можно предположить другую причину этого явления, кроме как

неимоверную обширность и трудность самого предмета? В самом деле, ведь здесь необходимо усвоить себе самые разнообразные познания, без которых беглость в словах бессмысленна и смешна; необходимо придать красоту самой речи, и не только отбором, но и расположением слов; и все движения души, которыми природа наделила род человеческий, необходимо изучить до тонкости, потому что вся мощь и искусство красноречия в том и должны проявляться, чтобы или успокаивать, или возбуждать души слушателей. Ко всему этому должны присоединяться юмор и остроумие, образование, достойное свободного человека, быстрота и краткость как в отражении, так и в нападении, проникнутые тонким изяществом и благовоспитанностью. Кроме того, необходимо знать всю историю древности, чтобы черпать из неё примеры; нельзя также упускать знакомства с законами и с гражданским правом. Нужно ли мне ещё распространяться о самом исполнении, которое требует следить и за телодвижениями, и за жестикующей, и за выражением лица, и за звуками и оттенками голоса? Как это трудно само по себе, показывает даже легкомысленное искусство комедиантов в театре: хоть они и силятся владеть и лицом, и голосом, и движениями, но кто не знает, как мало меж ними и было и есть таких, на которых можно смотреть с удовольствием? Наконец, что сказать мне о сокровищнице всех познаний – памяти? Ведь само собою разумеется, что если наши мысли и слова, найденные и обдуманые, не будут поручены ей на хранение, то все достоинства оратора, как бы ни были они блестящи, пропадут даром.

6.²⁰ По крайней мере моё мнение таково, что невозможно быть во всех отношениях достохвальным оратором, не изучив всех важнейших предметов и наук. Речь должна расцветать и разворачиваться только на основе полного знания предмета; если же за ней не стоит содержание, усвоенное и познанное оратором, то словесное её выражение представляется пустой и даже ребяческой болтовнёй.

12.⁵³ Кому, например, неизвестно, что высшая сила оратора – в том, чтобы воспламенить сердца людей гневом, или ненавистью, или скорбью, а от этих порывов вновь обращаться к кротости и жалости? Но достичь этого красноречия может только тот, кто глубоко познал человеческую природу, человеческую душу и причины, заставляющие её вспыхивать и успокаиваться.

[Дарование.] 25.¹¹³ [...] Моё мнение таково: первое и важнейшее условие для оратора есть природное дарование. Не научной подготовки, а как раз природного дарования недоставало тем самым составителям учебников, о которых здесь только что говорил Антоний. Ведь для красноречия необходима особенного рода живость ума и чувства, которая делает в речи нахождение всякого предмета быстрым, развитие и украшение – обильным, запоминание – верным и прочным.¹¹⁴ А наука может в лучшем случае разбудить или расшевелить эту живость ума; но вложить её, даровать её наука бессильна, так как всё это дары природы. Если же кто и надеется этому научиться, то что скажет он о тех качествах, которые заведомо даны человеку от рождения, – о таких, каковы быстрый язык, звучный голос, сильные лёгкие, крепкое телосложение, склад и облик всего лица и тела?¹¹⁵ Я не хочу сказать, что наука вовсе неспособна несколько обтесать того или другого оратора: я отлично знаю, что при помощи ученья можно и хорошие качества улучшить, и посредственные кое-как отладить и выправить. Но есть люди, у которых или язык так неповоротлив, или голос так фальшив, или выражение лица и телодвижения так нескладны и грубы, что никакие способности и знания не помогут им попасть в число ораторов. И напротив, иные бывают так хорошо сложены, так щедро одарены природой, что кажется, будто не случайность рождения, а рука какого-то божества нарочно создала их для красноречия.

¹¹⁶ Можно сказать, тяжкое бремя и обязательство налагает на себя тот, кто торжественно берётся один среди многолюдного сборища при общем молчании рассуждать о делах первой важности! Ведь огромное большинство присутствующих внимательнее и зорче подмечает в говорящем недостатки, чем достоинства. Поэтому малейшая его погрешность затмевает всё, что было в его речи хорошего. Конечно, я говорю это не затем, чтобы вовсе отвратить молодых людей от занятия красноречием, если природные их данные случайно окажутся несовершенными.[...]

27.¹²³ Я задумался, почему это так, почему всякий оратор, чем он способнее, тем он более робеет? И вот какие я нашёл тому две причины. Во-первых, люди по природе и опыту знают, что даже у лучших ораторов иногда речь получается не такой, как хочется; и поэтому они недаром боятся перед каждым выступлением, что именно сейчас произойдёт то, что всегда может произойти.¹²⁴ Другая причина, на которую я очень часто жалуясь, заключается в следующем:

если в других искусствах какой-нибудь бывалый мастер с хорошим именем случайно сделает своё дело хуже обычного, то все считают, что он просто не захотел или по нездоровью не смог показать своё умение в полном блеске: “Нынче Росций был не в настроении!” или: “Нынче у Росция живот болел!”¹²⁵ Если же у оратора подметят какую-нибудь погрешность, то её приписывают только глупости; а для глупости извинения нет, потому что не бывает человек глупым от настроения или оттого, что у него болит живот. Тем более строгому суду подвергаемся мы, ораторы; и сколько раз мы выступаем, столько раз над нами совершается этот суд. При этом если кто ошибся раз на сцене, о том не говорят сразу, что он не умеет играть; если же оратор будет замечен в какой-либо оплошности, то слава о его тупости будет если не вечной, то очень и очень долгой. 28.¹²⁶ Что же касается твоих слов, что очень много есть такого, что оратор должен иметь от природы и чего он не сможет получить от учителя, то я с тобою совершенно согласен. Я за то и хвалю знаменитого учёного Апполония Алабандского, что хоть он и учил за деньги, но никогда не брал таких учеников, из которых, по его мнению, не могли выработаться ораторы; чтобы они не тратили у него зря своё время, он отпускал их на все четыре стороны и только старался своими советами указать и подсказать каждому наиболее подходящий для него род занятий.¹²⁷ Дело в том, что для усвоения всякого иного ремесла достаточно быть таким, как все люди, то есть уметь уловить умом и сохранить в памяти то, что тебе говорят, или то, что тебе вдалбливают, если ты глуп. Не требуется при этом ни гибкость языка, ни лёгкость речи, ни тем более то, чего мы не можем устроить себе нарочно: красивое лицо, выражение, голос.¹²⁸ А оратор должен обладать остроумием диалектика, мыслями философа, словами чуть ли не поэта, памятью законоведа, голосом трагика, игрою такой, как у лучших лицедеёв. Вот почему в роде человеческого ничто не попадает так редко, как совершенный оратор. Человек, занятый отдельным предметом, может быть в своём предмете далёк от совершенства и всё-таки иметь успех; а оратор может рассчитывать на успех лишь в том случае, если владеет всеми предметами и всеми в совершенстве.

31.¹⁴² Все силы и способности оратора служат выполнению следующих пяти задач: во-первых, он должен приискать содержание для своей речи; во-вторых, расположить найденное по порядку, взвесив и оценив каждый довод; в-третьих, облечь и украсить всё это словами; в-четвёртых, укрепить речь в памяти; в-пятых, произнести её с достоинством и приятностью.¹⁴³ Далее, я узнал и понял, что, прежде чем приступить к делу, надо в начале речи расположить слушателей в свою пользу, далее разъяснить дело, после этого установить предмет спора, затем доказать то, на чём мы настаиваем, потом опровергнуть возражения; а в конце речи всё то, что говорит за нас, развернуть и возвеличить, а то, что за противников, поколебать и лишить значения. 32.¹⁴⁴ Далее, учился я также правилам украшения слога: они гласят, что выражаться мы должны, во-первых, чисто и на правильной латыни, во-вторых, ясно и отчётливо, в-третьих, красиво, в-четвёртых, уместно, то есть соответственно достоинству содержания; при этом я познакомился с правилами на каждую из этих частей учения.¹⁴⁵ Даже в таких вещах, которые более всего зависят от природных данных, я увидел способы использовать науку: ведь и для произношения речи и для запоминания существуют правила хоть и краткие, но полезные для упражнений; я познакомился и с ними.

Вот чем приблизительно и исчерпывается содержание всей науки, излагаемой в этих учебниках.[...]

Печатается по изданию: Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве / Под ред. М.Л.Гаспарова. – М.: Наука, 1972. – С.78–79, 80–81, 87, 97–98, 99–100, 102–103.

Вопросы и задания

1. Как объясняет Цицерон возросший интерес к ораторскому искусству у своих соотечественников? Почему столь значительным оказалось влияние греческих риторических традиций на римское красноречие?
2. В чем видит Цицерон специфичность риторических знаний в сравнении со знаниями, которые дают другие науки?
3. Проанализируйте систему аргументов, доказывающих важность для оратора всестороннего образования. Какие аргументы, на ваш взгляд, обладают большей воздействующей силой?

4. Знание каких наук требуется для того, чтобы подготовиться к ораторской практике? Достаточно ли только одних знаний, чтобы стать совершенным оратором?
5. Что составляет, по мнению Цицерона, высшую силу оратора? Найдите в тексте подтверждение тому, что Цицерон представляет психологическое направление в ораторском искусстве.
6. Что думает Цицерон относительно того, почему любое выступление перед публикой вызывает волнение даже у опытных ораторов?
7. Как объясняет Цицерон то обстоятельство, что “в роде человеческом ничто не попадает так редко, как совершенный оратор”?
8. Какие положения теории красноречия составляют, по мнению Цицерона, основу риторических знаний?

Книга вторая

22.⁹⁰ [**Необходимость образца.**] Итак, вот первое моё предписание: надо показать образец для подражания, и пусть начинающий всеми силами стремится уловить всё лучшее, что есть в этом образце. [...] А как вы думаете, разве не поэтому каждое поколение выдвигает свой собственный стиль красноречия? Правда, по нашим ораторам об этом не легко судить, так как они не очень-то много оставили писаний, по которым, можно было бы составить суждение; но вот по сочинениям греков отлично можно видеть, каков в каждом поколении был закон и идеал красноречия.

27.¹¹⁴ [**Три задачи красноречия.**] Итак, разобравшись в деле и поняв, какого оно рода, я принимаюсь за его разработку. Прежде всего я решаю, на чём следует мне сосредоточиться в той части речи, которая относится к расследованию и суду. А затем я тщательнейшим образом обдумываю две другие вещи: во-первых, как достичь расположения к себе и к подзащитным; во-вторых, как обратить мысли слушателей в желательном для меня направлении.¹¹⁵ Таким образом, всё построение убедительной речи основывается на трёх вещах: доказать правоту того, что мы защищаем; расположить к себе тех, перед кем мы выступаем; направить их мысли в нужную для дела сторону.

¹¹⁶ Для доказательства оратор располагает средствами двоякого рода. Первое состоит не в том, что придумывает оратор, а в том, что он планомерно извлекает из самого дела; это – документы, свидетельства, договоры, соглашения, показания, законы, постановления сената, судебные решения, указы, заключения правоведов и всё остальное, что не сам оратор измышляет, а что доставляют ему содержание дела и его участники. Второе же средство всецело заключается в рассуждениях и доказательствах самого оратора.

30.¹³¹ [...] Будь человек сколько угодно образован, сколько угодно тонок и остёр в суждениях, как угодно лёгок на язык, но если он не знаком с обычаями общества, прецедентами установления, нравами и стремлениями своих сограждан, то не много принесут ему пользы те источники, из коих добываются доказательства. Талант мне нужен обработанный, как поле, не один раз вспаханное, но передвоенное и перетроенное, дабы тем лучше и тем крупнее были его плоды; а обработка таланта – это опыт, это привычка слушать, читать, писать.

[**Волнение.**] 44.¹⁸⁵ Но есть и другой способ речи, смежный с этим, но не сходный с ним: он по иному волнует судей, внушая им или ненависть, или любовь, или неприязнь, или сочувствие, или боязнь, или надежду, или влечение, или отвращение, или радость, или печаль, или жалость, или месть, или иные чувства, близкие и подобные этим и другим таким же.¹⁸⁶ При этом, конечно, желательно, чтобы судьи уже и сами подходили к делу с тем душевным настроением, на которое рассчитывает оратор. Потому что, как говорится, легче подогнать бегущего, чем сдвинуть с места неподвижного. Если же такого настроения не будет или оно будет слишком неопределённым, тогда оратор должен действовать подобно старательному врачу, который, прежде чем дать больному лекарство, изучит не только его болезнь, но и привычки его здоровья и природу его тела. Так вот и я, когда берусь в сомнительном и тяжёлом деле прощупывать настроение судей, то все свои силы ума и мысли обращаю на то, чтобы как можно тоньше различать, что они чувствуют, что они думают, чего ждут, чего хотят и к чему их легче всего будет склонить речью.¹⁸⁷ Если они поддаются и, как я сказал, сами уже смотрят туда, куда мы их подгоняем, тогда я беру, что дают, и поворачиваю паруса в ту сторону, откуда хоть сколько-нибудь чувствуется попутный ветер. Если же судья беспристрастен и спокоен, бывает потруднее: всё приходится вызывать речью, даже наперекор характеру судьи. Но такой силой

обладает, по справедливому слову славного поэта, *“Покоряющая души, миром правящая речь”*, что она способна не только поддержать благосклонного и склонить нерешительного, но даже, подобно хорошему и храброму полководцу, пленить сопротивляющегося противника.

45. ¹⁸⁸ [...] Но когда ты сам, Красс, обращаешься к этим приёмам в твоих судебных речах, тогда, клянусь тебе, я неизменно полон трепета. Такая сила, такой порыв, такая скорбь видна у тебя в глазах, в лице, в движениях даже, в этом твоём указательном пальце; такой у тебя поток самых веских и великолепных слов, такие здравые, такие меткие, такие свежие мысли, такие свободные от ребяческих прикрас, что, на мой взгляд, ты не только судью воспламеняешь, но и сам пылаешь.

¹⁸⁹ Да и невозможно вызвать у слушающего ни скорби, ни ненависти, ни неприязни, ни страха, ни слёз сострадания, если все эти чувства, какие оратор стремится вызвать у судьи, не будут выражены или, лучше сказать, выжжены в его собственном лице. Если бы скорбь нам пришлось выражать неистинную, если бы в речи нашей не было бы ничего, кроме лжи и лицемерного притворства, – тогда, пожалуй, от нас потребовалось бы ещё больше мастерства. К счастью, это не так. Я уж не знаю, Красс, как у тебя и как у других; что же до меня, то мне нет никакой нужды лгать перед умными людьми и лучшими моими друзьями: клянусь вам, что я никогда не пробовал вызвать у судей своим словом скорбь, или сострадание, или неприязнь, или ненависть без того, чтобы самому не волноваться теми самыми чувствами, какие я желал им внушить. ¹⁹⁰ Да и, право, нелегко заставить судью разгневаться на того, на кого тебе нужно, если покажется, что ты сам к нему равнодушен; нелегко заставить судью ненавидеть того, кого тебе нужно, если судья не увидит, что ты сам пылаешь ненавистью; нельзя будет довести судью и до сострадания, если ты не явишь ему признаков твоей скорби словами, мыслями, голосом, выражением лица и, наконец, рыданием. Нет такого горячего вещества, чтобы загореться без огня; нет и такого ума, чтобы он загорался от силы твоей речи, если ты сам не предстанешь перед ним, горя и пылая.

Печатается по изданию: Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве / Под ред. М.Л.Гаспарова. – М.: Наука, 1972. – С.148, 152–153, 155, 166–167.

Вопросы и задания

1. Каким видится Цицерону путь оратора к выработке своего собственного стиля?
2. Какие три задачи должен ставить перед собой оратор, разрабатывая убеждающую речь?
3. Что даёт силу доказательствам оратора? Достаточно ли для успеха в ораторской практике только теоретических знаний и дарований?
4. Зачем оратору нужно производить предварительную оценку настроения публики? Что ещё о слушателях должен знать оратор, прежде чем обращаться к ним с речью?
5. Какие риторические средства, употреблённые Цицероном, “подсказывают” нам, что скрупулёзный анализ будущей аудитории необходим оратору для выработки стратегии выступления?
6. Почему Цицерон считает, что при произнесении убеждающей речи недостаточно обращаться только лишь к изложению фактической стороны дела и доказательствам? Каким ещё способом, кроме приведения рациональных доводов в речи, может воздействовать оратор на мнение публики?
7. Что сопутствует успеху оратора при апелляции им во время выступления к чувствам слушателей? Как оратор должен выражать своё беспристрастное отношение к предмету речи? Какие риторические средства использует Цицерон, проводя мысль, что для возбуждения страстей у публики оратору самому необходимо переживать соответствующие чувства?

Книга третья

10. [...] **[Правильность.]** ³⁸ Чистоту и ясность языка я упомянул на первом месте, и думаю, что никто даже не ждёт от меня обоснования их необходимости. Ведь мы не пытаемся обучить ораторской речи того, кто вообще не умеет говорить; мы не можем надеяться, чтобы тот, кто не владеет чистым латинским языком, говорил на нём изящно; и подавно не можем надеяться, чтобы тот, кто не умеет выражаться удобнопонятно, стал говорить достойным восхищения образом. [...]

11. ⁴⁰ При этом для чистоты латинской речи следует позаботиться не только о том, чтобы подбор слов был безупречен, и не только о том, чтобы соблюдение падежей, времён, рода и числа предохраняло речь от сбивчивости, бессвязности и беспорядка; но необходимо управлять органами речи, и дыханием, и самим звуком голоса. Нехорошо, когда звуки выговариваются слишком подчёркнуто; нехорошо также, когда их затемняет излишняя небрежность; нехорошо, когда слова произносятся слабым, умирающим голосом; нехорошо также, когда их произносят пыхтя, как в одышке.[...]

[**Ясность.**] 13. ⁴⁸ [...] как добиться, чтобы то, что мы говорим, было удобопонятно. ⁴⁹ Ясно, что для этого нужно говорить чистым латинским языком, пользуясь словами употребительными и точно выражающими то, что мы хотим обозначить и отобразить, без двусмысленности как в отдельных словах, так и в связной речи, без слишком длинных периодов, не слишком задерживаясь в сравнениях на заимствованных из другой области образах, не разрывая мысли вставками, не переставляя событий, не путая лиц, не нарушая последовательности изложения.[...]

14. [**Красота.**] ⁵² [...] просты были те два раздела, которые я так бегло затронул, или, вернее сказать, миновал: о речи правильной и о речи ясной. Зато остающиеся вопросы обширны, сложны, разнообразны и многозначительны; от них-то и зависит вся слава таланта, весь успех красноречия. Ведь никто никогда не восхищался оратором только за то, что он правильно говорит по латыни. Если он этого не умеет, его просто осмеивают и не то что за оратора, а и за человека-то не считают. Точно так же никто никогда не хвалил человека за то, что слова его понятны присутствующим; если это не так, его попросту презирают. ⁵³ Перед кем же люди трепещут? На кого взирают, потрясённые, когда он говорит? Кем восторгаются? Кого считают чуть ли не богом среди людей? Того, кто говорит стройно, развёрнуто, обстоятельно, блистая яркими словами и яркими образами, вводя даже в самую прозу некий стихотворный размер, – одним словом, красиво. А тот, кто так владеет речью, как требует важность предметов и лиц, тот немалой заслуживает похвалы за то, что можно назвать уместностью и соответствием с предметом. ⁵⁴ Только таких ораторов, говорит Антоний, и можно называть красноречивыми, но ни одного такого он ещё не встречал.

Поэтому с моего разрешения клеймите насмешкою и презрением всех этих господ, которые думают, что уроки так называемых нынешних риториков открыли им всю сущность ораторского искусства, но которым невдомёк, какое имя они принимают и за какое дело берутся. Истинный оратор должен исследовать, переслушать, перечитать, обсудить, разобрать, испробовать всё, что встречается человеку в жизни, так как в ней вращается оратор и она служит ему материалом. ⁵⁵ Ибо красноречие есть одно из высших проявлений нравственной силы человека; и хотя все проявления нравственной силы однородны и равноценны, но одни виды её превосходят другие по красоте и блеску. Таково и красноречие: опираясь на знание предмета, оно выражает словами наш ум и волю с такой силой, что напор его движет слушателей в любую сторону. Но чем значительнее эта сила, тем обязательнее должны мы соединять её с честностью и высокой мудростью; а если бы мы дали обильные средства выражения людям, лишённым этих достоинств, то не ораторами бы их сделали, а безумцам бы дали оружие.

[**Красота: её распределение.**] 25. ⁹⁶ Итак, красота речи состоит прежде всего как бы в некой общей её свежести и сочности: её важность, её нежность, её учёность, её благородство, её пленительность, её изящество, её чувствительность или страстность, если нужно, – всё это относится не к отдельным её частям, а ко всей её целокупности. А вот цветы слов и мыслей, как бы усеивающие речь, не должны рассыпаться по ней равномерно, а располагаться с разбором так, как на каком-нибудь наряде располагаются украшения и блёстки.

⁹⁷ Итак, общий тон речи надо избирать такой, какой в наибольшей степени удерживает внимание слушателей и какой не только их услаждает, но услаждает без пресыщения.[...]

29. ¹¹¹ В действительности же все без исключения предметы по самой природе своей могут рассматриваться и исследоваться совершенно одинаково, будь это “общие рассуждения” или же дела политические и судебные; и каждый предмет может быть сведён к общему вопросу, теоретическому или практическому. ¹¹² Ибо тут всегда либо теоретически познаётся сущность предмета, например: “Ценна ли добродетель сама по себе или какими-нибудь своими плодами?”, – либо спрашивается о том, как надо практически поступать, например: “Следует ли мудрецу заниматься государственными делами?”

41. ¹⁶³ Затем надо позаботиться о том, чтобы сравнение не было слишком отвлечённым. Вместо “Сирт наследства” я сказал бы скорее “подводный камень”, вместо “Харибды богатства”, – пожалуй, “пучины богатства”. Ведь мысленный взор скорее представит себе то, что мы видели, чем то, о чём знаем только понаслышке. Далее, поскольку высшее значение переносов заключается в том, чтобы взятое в переносном значении слово поражаало чувство, то недопустимо привлекать для сравнения предметы безобразные и этим обращать на них внимание слушателей

43. **[Слова в связной речи: расположение.]** ¹⁷¹ Далее следует вопрос о сочетании слов, сводящийся главным образом к двум требованиям: во-первых, к правильному расположению слов, во-вторых, к некоторой размерности и законченности речи.

Расположение слов требует сочетать и складывать слова так, чтобы при встрече их друг с другом не получалось ни шероховатостей, ни зияний, а было впечатление как бы сплочённости и гладкости.[...]

55. **[Уместность.]** [...] ²¹⁰ Поэтому теперь, когда мы если и не раскрыли, то по крайней мере показали всякие примеры всякого украшения речи, посмотрим, что среди них уместно, что наиболее достойным образом подходит нашей речи. Ибо совершенно очевидно, что одного и того же рода речь не годится для любого дела, любого слушателя, любого лица, любого времени. ²¹¹ Потому что особого звучания требуют дела уголовные и особого – дела гражданские и заурядные; и особого рода способ выражения нужен для речей совещательных, особый для хвалебных, особый для судебных, особый для собеседования, особый для утешения, особый для обличения, особый для рассуждения, особый для изложения событий. Существенно также и то, перед кем ты выступаешь: перед сенатом или перед народом, или перед судьями; много ли слушателей, или их мало, или их всего несколько человек, и каковы они. Ораторам надо принимать во внимание и свой собственный возраст, должность и положение; и, наконец, помнить, мирное ли время или военное, есть ли досуг, или же надо торопиться. ²¹² Поэтому тут заведомо нельзя давать никаких предписаний, кроме разве того, что из трёх форм речи – более полной, более скудной или же средней между ними – мы должны выбирать ту, которая подходит к нашему делу. Соответственно, одними и теми же украшениями в одних случаях придётся пользоваться решительнее, в других – сдержаннее. А в конце концов здесь, как и везде, здравый смысл подскажет нам, что и в каком случае уместно, а наука и дарование помогут этой уместности достичь.

[Произнесение.] 56. ²¹³ Но все эти качества существуют лишь постольку, поскольку их передаёт исполнение. Исполнение, – утверждаю я, – единственный владыка слова. Без него и наилучший оратор никуда не годится, а посредственный, в нём сведущий, часто может превзойти наилучших. Демосфен, говорят, на вопрос, что важнее всего в красноречии, ответил: “Во-первых, – исполнение, во-вторых, – исполнение, в-третьих, – исполнение”. А ещё лучше, как мне всегда кажется, сказал об этом Эсхин. Когда он, опозоренный на суде, покинул Афины и отправился на Родос, то, говорят, по просьбе родосцев прочёл им свою превосходную речь против Ктесифонта, направленную против Демосфена; по прочтении её его на другой день попросили прочесть также и ту речь, какую произнёс Демосфен в защиту Ктесифонта. Когда он прочитал её прекраснейшим и громким голосом, то в ответ на общее восхищение он сказал: “Насколько вы бы ещё больше восторгались, если бы слышали его самого!” Этим он ясно показал, как много значит исполнение, полагая, что если исполнитель не тот, то и речь уже не та.

59. ²²⁰ И всем этим движениям души должно сопутствовать движение тела, но движение не сценическое, воспроизводящее каждое слово, а иное, поясняющее общее содержание мыслей не показом, но намёком. [...] ²²¹ Но главное дело в лице. А в нём вся мощь – в глазах; это гораздо лучше понимали наши старики, не очень-то хвалившие даже Росция, когда он играл в маске. Ведь движущая сила исполнения – душа, а образ души – лицо, а выразители её – глаза. Ибо это единственная часть тела, которая в состоянии передать все, сколько ни есть, оттенки и перемены душевных движений. И с закрытыми глазами никто этого сделать не может. Недаром о каком-то актёре Тавриске, смотревшем при исполнении в одну точку, Феофаст говорил, что он играет задом к зрителям. ²²² Поэтому очень важно уметь владеть глазами, тем более, что остальные черты лица не должны чрезмерно играть, чтобы не впасть в какую-нибудь глупость или уродливость. Глаза наши то пристальным взором, то смягчённым, то резким, то весёлым выражают движения души в соответствии с самым тоном нашей речи. Ведь исполнение – это как бы язык нашего тела, который должен согласоваться с нашей мыслью. ²²³ А глаза – так же

как коню или льву грива, хвост и уши – даны нам природою для выражения душевных движений. Поэтому-то в нашем исполнении вторым по важности после голоса является выражение лица, а оно определяется глазами.[...]

60.²²⁴ Но главную роль в удачном исполнении играет всё-таки голос. [...] Ибо для обладания голосом ничего нет полезней частой перемены тона и ничего нет губительнее постоянно-го неослабного напряжения.

Печатается по изданию: Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве / Под ред. М.Л.Гаспарова. – М.: Наука, 1972. – С.212–213, 214, 215, 224, 227, 237, 239, 248, 250–251.

Вопросы и задания

1. Какие качества речи делают её совершенной?
2. Что обеспечивает чистоту и ясность речи? Почему оратору, чтобы снискать почитание у публики, недостаточно только одного умения говорить в соответствии с языковыми нормами? С какими ещё умениями связывает Цицерон мастерство идеального оратора?
3. Цицерон утверждает, что красноречие таит в себе величайшую силу. Докажите, что взгляд Цицерона на назначение этой силы глубоко гуманистический.
4. Какие существительные-эпитеты использует Цицерон для определения красоты речи? Докажите, что красота речи у Цицерона не отождествляется с избытком в ней “цветов красноречия”. Какими принципами советует руководствоваться Цицерон при выборе выразительных средств и их распределении в речи?
5. Каким правилам должно подчиняться сочетание слов в речи?
6. Почему Цицерон говорит о невозможности дать жёсткие предписания относительно выбора “формы речи”, стиля изложения? Перечислите те факторы, которые, по мнению Цицерона, определяют этот выбор.
7. Какова роль техникоречевого мастерства оратора для успеха в общении с публикой? Какие доказательства использует Цицерон в подтверждение своих мыслей по этому поводу?
8. Оцените художественные достоинства трактата “Об ораторе”. Проведите сопоставительный анализ этого сочинения с диалогами Платона, “Риторикой” Аристотеля.

ЦИЦЕРОН

Оратор

Трактат “Оратор” (46 г. до н.э.) написан от первого лица и уподобляется по форме пространному письму. Адресатом авторских обращений является Брут. Ему посвятил Цицерон второй риторический трактат и от него в своё время получил письмо с критическими замечаниями. Брут упрекал своего друга в том, что, рассуждая пространно об идеальном ораторе, Цицерон не разъясняет, какой должна быть речь идеального оратора. Трактат “Оратор” явился своеобразным ответом Цицерона на замечания Брута. В соответствии со своей концепцией, Цицерон определяет, какими принципами необходимо руководствоваться при оценке ораторской речи, а следовательно, и при выработке представлений о совершенной речи. Сверхзадачей для Цицерона при написании данного трактата было обличение проповедующей римскими аттицистами простоты ораторского слога в слабости и отстаивание законности и превосходства того риторического идеала, который был определён в трактате “Об ораторе”.

Цицерон выступает против схематичного восприятия римскими ораторами греческого аттицизма и критикует раторов-современников за намеренное стремление к безыскусности, игнорирование многогранности понятия “красота речи”. Отводя несправедливые упреки в свой адрес в азианизме, Цицерон доказывает, почему нельзя пренебрегать величественным и пышным слогом, а также разъясняет, в чём, собственно, заключается преимущество величественного слога.

Отстоять право на искусно украшенный, мощный, позволяющий овладевать сознанием и волей слушателей слог Цицерону позволяет обращение к эллинистическому учению о трёх стилях красноречия: высоком, среднем и простом. Согласно этому учению выбор средств языкового выражения находится в прямой зависимости от задач, которыми наделяются стили. Это был один из важнейших постулатов античной эстетики, регламентирующий зависи-

мость формы от содержания. Оперируя понятием “уместность”, Цицерон разъясняет, когда надлежит употреблять тот или иной стиль.

Трактат имеет пятичастное композиционное членение. В первой части речи Цицерон вновь, как и в других трактатах своей риторической трилогии, обращается к образу идеального оратора, во второй части даны сведения о том, как надлежит организовать свою деятельность идеальному оратору на каждом из этапов риторического канона, параллельно развивается тема о значимости философских познаний для оратора. Содержание остальных трёх частей составляет анализ словесного выражения. Цицерон конкретизирует, какие тропы и фигуры уместны в том или ином стиле, какие правила следует использовать при соединении слов. С особой тщательностью разрабатывается Цицероном вопрос о ритме. Будучи обеспокоенным неправомерным отождествлением высокого ораторского слога с поэтической речью, Цицерон объясняет назначение и сущность ритма применительно к ораторским речам.

В хрестоматии приведены отдельные фрагменты трактата.

1.⁷ **[Идеальный характер рисуемого образа оратора.]** Впрочем, создавая образ совершенного оратора, я обрисую его таким, каким, быть может, никто и не был. Ведь я не доискиваюсь, кто это был, а исследую, каково должно быть то непревзойдённое совершенство, которое редко или даже никогда не встречалось мне в речи выдержанным с начала до конца, но то и дело просвечивало то тут, то там, у иных чаще, у иных, быть может, реже, но везде одно и то же.[...]

3.¹¹ **[Оратор должен обладать философским образованием.]** Я и сам понимаю, как часто кажется, что я говорю нечто новое, когда я лишь повторяю весьма старое, но многим незнакомое; и всё же я заявляю, что меня сделали оратором – если я действительно оратор, хотя бы в малой степени, не риторские школы, но просторы Академии. Вот истинное поприще для многообразных и различных речей: недаром первый след в нём проложил Платон.[...]

4.¹⁴ Так заявим же с самого начала то, что станет понятнее потом: без философии не может явиться такой оратор, какого мы ищем [...]. Действительно о важнейших и разнообразнейших предметах никто не может говорить подробно и пространно, не зная философии. Так, и в “Федре” Платона Сократ говорит, что даже Перикл превосходил остальных ораторов оттого, что учителем его был физик Анаксагор: от него-то, по мнению Сократа, и усвоил он много прекрасного и славного, в том числе обилие и богатство речи и умение известными средствами слога возбуждать любые душевные движения, а это главное в красноречии. То же надо сказать и о Демосфене, из писем которого можно понять, каким усердным был он слушателем Платона. Далее, без философского образования мы не можем ни различать род и вид какого бы то ни было предмета, ни раскрыть его в определении, ни разделить его на части, ни отличить в нём истинное от ложного, ни вывести следствия, ни заметить противоречия, ни разъяснить двусмысленное. А что сказать о природе вещей, познание которой доставляет столь обильный материал для оратора? И можно ли что-нибудь сказать или понять относительно жизни, обязанностей, добродетели, нравов, не изучив эти предметы сами по себе?

5.²⁰ **[Оратор должен владеть всеми тремя стилями речи.]** Речь бывает трёх родов: иные отличались в каком-нибудь отдельном роде, но очень мало кто во всех трёх одинаково, как мы того ищем. Были ораторы, так сказать, велеречивые, обладавшие одинаково величавой важностью мыслей и великолепием слов, сильные, разнообразные, обильные, важные, способные и готовые волновать и увлекать души, причём одни достигали этого речью резкой, суровой, грубой, незавершённой и незакруглённой, а другие – гладкой, стройной и законченной. Были, напротив, ораторы сухие, изысканные, способные всё преподавать ясно и без пространности, речью меткой, отточенной и сжатой; 6. речь этого рода у некоторых была искусна, но не обработана и намеренно уподоблялась ими речи грубой и неумелой, а у других при той же скудости достигала благозвучия и изящества и бывала даже цветистой и умеренно пышной. Но есть также расположенный между ними средний и как бы умеренный род речи, не обладающий ни изысканностью вторых, ни бурливостью первых, смежный с обоими, чуждый крайностей обоих, входящий в состав и того и другого, а лучше сказать, ни того, ни другого; слог такого рода, как говорится, течёт единым потоком, ничем не проявляясь, кроме лёгкости и равномерности: разве что вплетёт, как в веночек, несколько бутонов, приукрашивая речь скромным убранством слов и мыслей.

21.⁶⁹ [Три задачи речи и три стиля: понятие об уместности.] Итак, тем красноречивым оратором, которого мы ищем, вслед за Антонием, будет такой, речь которого как на суде, так и в совете будет способна убеждать, услаждать, увлекать. Первое вытекает из необходимости, второе служит удовольствию, третье ведёт к победе. А сколько задач оратора, столько есть и родов красноречия: точный, чтобы убеждать, умеренный, чтобы услаждать, мощный, чтобы увлекать, – в нём-то заключается вся сила оратора.⁷⁰ Твёрдый ум и великие способности должны быть у того, кто будет владеть ими и как бы соразмерять это тройкое разнообразие речи: он сумеет понять, что для чего необходимо, и сумеет это высказать так, как потребует дело.

В самом деле, самое трудное в речи, как и в жизни, – это понять, что в каком случае уместно. Греки это называют *πρεπον*, мы же назовём, если угодно, уместностью. Об этом-то в философии немало прекрасных наставлений, и предмет этот весьма достоин познания: не зная его, сплошь и рядом допускаешь ошибки не только в жизни, но и в стихах и в прозе.⁷¹ Оратор к тому же должен заботиться об уместности не только в мыслях, но и в словах. Ведь не всякое положение, не всякий сан, не всякий авторитет, не всякий возраст и, подавно, не всякое место, время и публика допускают держаться одного для всех случаев рода мыслей и выражений. Нет, всегда и во всякой части речи, как и в жизни, следует соблюдать уместность по отношению и к предмету, о котором идёт речь, и к лицам как говорящего, так и слушающих.

23.⁷⁶ [Простой род] Прежде всего должны мы изобразить того оратора, за кем одним признают иное имя аттического. Он скромн, невысокого полёта, подражает повседневной речи и отличается от человека неречистого, больше по существу, чем по виду. Поэтому слушатели, как бы ни были сами бездарны, всё же полагают, что и они могли бы так говорить. Действительно, точность этой речи со стороны кажется лёгкой для подражания, но на пробу оказывается на редкость трудна. В ней нет избытка крови, но должно быть достаточно соку, чтобы отсутствие великих сил возмещалось, так сказать, добрым здоровьем.

⁷⁷ Прежде всего освободим нашего оратора как бы от оков ритма. Ты ведь знаешь, что оратор должен известным образом соблюдать некоторые ритмы, о чём у нас будет речь дальше; но это относится к другим стилям, а в этом должно быть полностью отвергнуто.[...]

⁷⁸ Даже сжатую измельчённую речь следует заботливо обрабатывать, ибо даже беззаботность требует заботы. Как говорят, что некоторых женщин делает привлекательными самое отсутствие украшений, так и точная речь приятна даже в своей безыскусственности: и в том и в другом случае что-то придаёт им красоту, но красоту незаметную. Можно убрать всякое приметное украшение, вроде жемчугов, распустить даже завивку и подавно отказаться от всех белил и румян – однако изящество и опрятность останутся.

⁷⁹ Речь такого оратора будет чистой и латинской, говорить он будет ясно и понятно, за уместностью выражений будет зорко следить. 24. У него не будет одного лишь достоинства речи – того, которое Феофраст перечисляет четвёртым: пышности сладостной и обильной. Он будет бросать острые, быстро сменяющиеся мысли, извлекая их словно из тайников, и это будет главным его оружием; а средствами ораторского арсенала будет он пользоваться весьма сдержанно. Арсенал же наш – это украшение как мыслей, так и слов. Украшение бывает двоякого рода: иное для отдельных слов, иное для сочетания слов.[...]

⁸¹ Следовательно, простой оратор, стараясь лишь сохранить изящество, будет не слишком смел в сочинении слов, сдержан в переносных выражениях, скуп на устарелые обороты и ещё более скромн в остальных украшениях слов и мыслей.[...]

⁸⁴ Действительно, многое подошло бы даже к умеренности того оратора, о котором я говорю. Правда, чтобы нельзя было уличить его в искусственном благозвучии и погоне за приятностью, тонкий оратор должен избегать того, о чём я упоминал раньше – соотнесения равных слов с равными, сходных и подобозвучающих закруглений фраз, сопоставления слов, различающихся одной лишь буквой.⁸⁵ Далее, такие повторения слов, которые требуют напряжения и крика, будут также чужды сдержанности нашего оратора. Всеми остальными средствами он может пользоваться без различия, лишь бы периоды его были не слишком отчётливыми и не слишком длинными, слова – как можно более употребительными, переносные выражения – как можно более смягчёнными. Он даже допустит в речь украшение мыслей, если блеск их не очень заметен. [...]⁸⁶ Вот какого оратора выводим мы к народу.

К тому же и произношение у него будет не трагедийное и не театральное: в движениях тела он будет скромн и всю выразительность сосредоточит в лице, но не так, чтобы говорили, что он строит рожи, а так, чтобы оно естественно выражало смысл каждого слова.

26.⁹¹ [**Умеренный род.**] Есть также иной род красноречия, обильнее и сильнее, чем тот низкий, о котором говорилось, но скромнее, чем высочайший, о котором ещё будет говорить. В этом роде меньше всего напряжённости, но, пожалуй, больше всего сладости. Он полнее, чем первый, обнажённый, но скромнее, чем третий, пышный и богатый. 27.⁹² Ему приличествуют все украшения слога, и в этом образе речи больше всего сладости. В нём имели успех многие из греков, но всех превзошёл, на мой взгляд, Деметрий Фалерский, речь которого течёт спокойно и сдержанно, но при этом блещет, словно звёздами, переносными и заменёнными выражениями.

⁹⁵ В этом же роде речи – именно, в умеренном и сдержанном – уместны любые украшения слов и даже многие украшения мыслей. При помощи таких речей развёртываются пространные и учёные рассуждения и развиваются общие места, не требующие напряжения. К чему долго говорить? такие ораторы выходят едва ли не из философских школ, и если рядом с ними не стоит для сравнения иной, сильнейший оратор, они сами служат себе похвалой.⁹⁶ Итак, это приятный, цветистый род речи, разнообразный и отделанный: все слова и все мысли сплетают в нём свои красоты. Весь он вытек на форум из кладезей софистов, но, встретив презрение простого и сопротивление важного рода ораторов, занял то промежуточное место, которое я описал.

28.⁹⁷ [**Высокий род.**] Третий род речи – высокий, богатый, важный, пышный и, бесспорно, обладающий наибольшей мощностью. Это его слог своей пышностью и богатством заставил восхищённые народы признать великую силу красноречия в государственных делах – того красноречия, которое несётся стремительно и шумно, которым все восторгаются, которому дивятся, которому не смеют подражать. Такое красноречие способно волновать души и внушать желаемое настроение: оно то врывается, то вкрадывается в сердце, сеет новые убеждения, выкорчёвывает старые.[...]

⁹⁹ А наш оратор, которого мы считаем самым лучшим, важный, острый, пылкий, даже если он только для этого рода рождён, только в нём упражнялся, только его изучал, – всё же он будет заслуживать глубокого презрения, если не сумеет умерить своё богатство средствами двух других родов. Действительно, простой оратор, если он говорит опытно и тонко, будет казаться мудрым, умеренный – приятным, а этот богатейший, если ничего больше у него нет, вряд ли даже покажется здоровым. Кто не может говорить спокойно, мягко, отдельно, определённо, чётко, остроумно, когда именно такой разработки требует речь в целом или в какой-нибудь отдельной части, – тот, обратив свой пламень к неподготовленному слуху, покажется бесноватым среди здоровых и чуть ли не вакхантом, хмельным среди трезвых.

¹⁰⁰ [**Оратор должен владеть всеми тремя стилями речи.**] Итак, Брут, мы нашли того, кого искали, хотя и мысленно: а если бы я ещё и мог схватить его руками, то даже всем своим красноречием не убедил бы он меня выпустить его. 29. Всё же, несомненно, мы нашли того красноречивого оратора, которого никогда не видел Антоний. Кто же он такой? Скажу вкратце и потом изъясню подробнее. Это – такой оратор, который умеет говорить о низком просто, о высоком важно и о среднем умеренно.

¹⁰¹ Ты скажешь: “Такого никогда не бывало”. Пусть не бывало. Я рассуждаю не о том, что видел, а о том, что мечтаю увидеть: напоминаю, что я говорил о платоновском образе и облике, которого мы хотя и не видим, но можем познать душой. Ибо не человека я ищу красноречивого, не то, что не прочно и смертно, а только то самое, что делает своего обладателя красноречивым, – а это и есть не что иное, как само красноречие, которое, однако, можно увидеть лишь духовными очами.

¹²¹ [**Оратор должен владеть риторической техникой.**] 35.¹²² Таким образом, только разработка предмета речи делает речь восхитительной: ведь познать самые предметы совсем нетрудно. Что же, следовательно, является достоянием искусства? Создать вступление к речи, чтобы привлечь слушателя, возбудить его внимание и подготовить его к своим поучениям; изложить дело кратко и ясно, чтобы всё в нём было понятно; обосновать свою точку зрения и опровергнуть противную и сделать это не беспорядочно, а при помощи такого построения отдельных доводов, чтобы общие следствия вытекали и из частных доказательств; наконец, закончить всё это воспламеняющим или успокаивающим заключением.

Каким образом разрабатываются эти отдельные части – об этом здесь трудно сказать, так как не всегда они разрабатываются одинаково.

53. ¹⁷⁷ [Ритм: причина.] Теперь, зная, что творцами и начинателями складной речи были названные нами писатели, и выяснив таким образом происхождение ритма, обратимся к его причине. Она настолько ясна, что удивительно, как на неё не обратили внимания древние, тем более что они, как это бывает, нередко случайно говорили закруглённо и складно. А раз это задевало душу и слух людей, так что легко было заметить, как приятно прозвучал произвольно вылившийся оборот речи, то следовало бы запомнить этот приём и подражать самим себе. ¹⁷⁸ Ибо слух, а через слух – и душа, обладает некой прирождённой способностью измерять все звуки. Поэтому она различает долготы и краткости и всегда требует совершенства и меры; чувствует всё оборванное и как бы кургузое, оскорбляясь этим, словно не сполна полученным долгом; чувствует растянутость и как бы чрезмерную разгонистость, которая ещё больше раздражает ухо – ибо и здесь, как почти везде, излишество оскорбляет сильнее, чем недостаток. Итак, как поэзия и стих явились благодаря способности слуха к мере, замеченной пронизательными людьми, так и в прозе, хотя и много позже, но по указанию той же природы была замечена наличность определённого движения и закруглённость слов.

¹⁷⁹ [Ритм: сущность.] Итак, мы показали причину ритма, теперь, пожалуй, изясним его сущность [...] Действительно, можно спросить, что такое ритм речи, в чём он заключается, откуда происходит, существует ли один его вид, или два, или много и к чему, когда и где его следует применять, чтобы вызвать удовольствие. ¹⁸⁰ Но, как во многих вещах, здесь возможны два пути рассмотрения, из коих один длиннее, другой короче и к тому же легче. 54. На более длинном пути первый вопрос: существует ли вообще ритмическая проза? Некоторые не признают её как таковую, потому что те, кто утверждает существование таких ритмов, не могут отдать себе отчёта, чем оно обусловлено. Далее: если есть в прозе ритм, то какой или какие, и из числа стихотворных ритмов или иных, а если из числа стихотворных ритмов, то какой или какие: ибо одним кажется, что применяется только один ритм, другим – что многие, третьим – что все, какие есть в поэзии. Далее: являются ли эти ритмы (один или много, каковыми бы они ни были) общими для всех родов речи или каждому роду соответствуют различные ритмы, ибо одно дело – род повествующий, иное – род убеждающий, иное – род поучающий; если они общие, то каковы они, если же различные, то в чём между ними разница и почему не одинаково проявляется ритм в прозе и в стихах. ¹⁸¹ Далее: зависит ли так называемая ритмичность только от ритма или также от расположения слов и подбора их, или каждое средство действует само по себе [...] Вот приблизительно каковы вопросы, в которых следует искать сущность ритма.

61. ²⁰⁴ [Ритм: употребление.] Достаточно о природе ритма: очередь за употреблением, о котором следует поговорить подробнее. Здесь спрашивается, на всём ли протяжении речевого отрезка [...] следует выдерживать ритм, или только в начале, или только в конце, или в начале и конце? Далее, так как ритм и ритмичность не одно и то же, в чём между ними разница? ²⁰⁵ Затем также, при всех ли ритмах следует разбивать фразу на равные отрезки или надо делать одни короче, другие длиннее, и когда, и почему? [...] Что важнее всего из тех средств, какими речи придаётся ритм? ²⁰⁶ Следует также объяснить, что придаёт словам стройность, сказать, какой длины надлежит строить периоды, поговорить об их частях [...] Наконец, надлежит объяснить пользу ритма в целом – а она широка, ибо ритм служит не одной какой-нибудь цели, а сразу многим.

62. ²⁰⁹ Для судебных дел этот род красноречия нельзя ни целиком принять, ни совершенно отвергнуть: если им пользоваться постоянно, то, с одной стороны, он вызывает пресыщение, с другой – его сущность легко распознаётся даже неискушённым; кроме того, он лишает речь страстности, убивает сочувствие в слушателях и совершенно уничтожает правдоподобие и убедительность. Но так как иногда этот род красноречия применим, то следует рассмотреть прежде всего, где, затем – сколь долго и, наконец, сколько есть способов перейти от этого рода к другому.

²¹⁰ Итак, ритмическая речь применима там, где приходится или что-нибудь восхвалять с особой пышностью – так мы с похвалой говорили во второй части нашего обвинения о Сицилии, или в сенате – о нашем консульстве; или вести повествование, требующее больше достоинства, чем страсти – так мы говорили в четвёртой части об эннской Церере, о сегестинской Диане [...]. Мы, быть может, не достигли в этом совершенства, но, по крайней мере, не раз предпринимали такие попытки: свидетельством наших желаний и усилий служат многие места в заключительных частях наших речей. Это средство годится тогда, когда слушатель уже побеждён оратором и находится в его власти: он более не остерегается коварства, но уже распо-

ложен к оратору, жаждет продолжения речи, восхищается её силой и не ищет, к чему бы придраться.

68. ²²⁷ [Ритм: его польза.] Ты лучше, чем кто бы то ни было, знаешь, Брут, что говорить красиво, как говорит истинный оратор, это не что иное, как выражать прекрасные мысли отборнейшими словами. Никакая мысль не будет полезна оратору, не будучи изложена складно и законченно, и никакие слова не явят свой блеск, не будучи тщательно расположены; и как тому, так и другому яркость придаётся ритмом. Однако ритм – об этом следует непрестанно напоминать – не только не должен быть стихотворным, но, напротив, всячески уклоняться от него, избегая сходства с ним: дело в том, что одни и те же ритмы имеются не только у ораторов с поэтами, но и вообще во всяком разговоре и при всяком звучании, какое только можно измерить нашим ухом, и лишь порядок стоп определяет, будет ли похоже произносимое на прозу или на стихи.

²³⁴ [Ритм: похвала ему.] Говорить таким образом всякий хотел бы и всякий говорил бы, если бы мог; а кто говорил иначе, тот просто не умел этого достичь. Оттого и явились эти аттики с их неожиданным именем – словно Демосфен, чьи молнии блистали бы слабее, не будь они напряжены ритмом, был родом из Тралл! [...]

Чтобы показать, что они действительно презирают тот род красноречия, который мне любезен, пусть или они сами что-нибудь напишут в духе Исократ, или Эскина, или Демосфена, – тогда я поверю, что они не бежали от него испуганно, а отступили сознательно; или же я сам пойду на такое условие, взявшись сказать или написать в их стиле что им угодно и на каком угодно языке. ²³⁶ Ведь легче разрушить складное, чем связать рассыпанное. Короче сказать, я думаю, что дело обстоит вот как: говорить стройно и складно, но без мыслей – есть недостаток разума, а говорить с мыслями, но без порядка и меры слов – есть недостаток красноречия [...]

Печатается по изданию: Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве / Под ред. М.Л.Гаспарова. – М.: Наука, 1972. – С. 332, 334, 344, 346, 347–348, 349–315, 369–370, 375, 376, 381.

Вопросы и задания

1. В каком аспекте конкретизируется в заключительном трактате риторической трилогии образ идеального оратора?
2. В чём видит Цицерон ценность для оратора философских познаний?
3. Почему, по мнению Цицерона, оратор должен владеть всеми тремя стилями речи?
4. Каким образом конкретизируются особенности каждого из трёх стилей? Определите функции, которыми наделяются стили. В чём заключается красота каждого из стилей? Какова роль фигур в придании речам разных стилей привлекательности? Отдаёт ли Цицерон предпочтение какому-нибудь одному из стилей?
5. Как понимает Цицерон уместность? Почему Цицерон считает умение определять, что уместно, а что нет, самым трудным делом для оратора?
6. Что понимает Цицерон под риторической техникой? Как определяет Цицерон основы эстетики красноречия?
7. Почему Цицерон с особой тщательностью исследует вопрос о ритме в ораторской речи? В каких аспектах рассматривается ритм? С какой целью, рассуждая о ритме, Цицерон упоминает о своей ораторской практике?
8. Как вы думаете, простым ли делом для древнеримского оратора было подготовить речь для публичного выступления? Насколько велик был риск подвергнуться осмеянию? Могли несведущий человек, обращаясь к публике с речью, рассчитывать на успех? На основании чего вы сделали такое заключение?

Дополнительные задания и информация к размышлению

1. Соотнесите информацию о качествах совершенной речи, содержащуюся в трактатах “Об ораторе” и “Оратор”. Найдите косвенные подтверждения того, что трактат “Оратор” был написан позднее трактата “Об ораторе”. Систематизируйте рассуждения Цицерона об образцовой речи и сделайте для себя памятку “Как создать совершенную речь, или Цицерон советует”.
2. Обратившись к размышлениям Цицерона о ритме и тем рекомендациям, которые даёт современная риторика относительно ритмической организации публичных речей, определите,

изменилось ли с течением времени отношение к ритму как организующему началу ораторской прозы?

3. Объясните смысл изречения Цицерона “Poetae nascuntur, oratores fiunt”? Какие другие афоризмы и крылатые выражения, автором которых является Цицерон, вам известны?

4. Напишите сочинение на тему “Идеальный оратор: каким его видит Цицерон?”.

5. Цицерон неоднократно отмечает в своей риторической трилогии, что настоящие ораторы встречаются очень редко. Припомните, доводилось ли вам быть свидетелем такого публичного выступления, которое произвело на вас неизгладимое впечатление и заставило восхищаться оратором? Если да, то определите наиболее важные в вашем понимании слагаемые успеха этого оратора.

Литература

1. Блок А.А. Катилина // Собр. соч.: В 6 т. – Л.: Худож. лит., 1982. – Т.4.
2. Гаспаров М.Л. Цицерон и античная риторика // Цицерон М.Т. Три трактата об ораторском искусстве. – М.: Наука, 1972.
3. Демосфен и Цицерон. Их жизнь и деятельность: Биографические очерки Е.Орлова. – М.: Репринт, 1991.
4. Козлов Л.Р. Большой музей остроумия. – Мн.: АРТИ-ФЕКС, 1999.
5. Ковалёв С.И. Марк Тулий Цицерон // Письма Марка Тулия Цицерона. – М.– Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1969.
6. Козаржевский А.Ч. Античное ораторское искусство: пособие по спецкурсу. – М., 1980.
7. Плутарх. Демосфен и Цицерон // Плутарх. Избранные жизнеописания: В 2 т. – М., 1990. – Т.2.
8. Стрельникова И.П. Некоторые особенности ораторской манеры и стиля Цицерона (по Катилинариям) // Цицерон: Сб.статей / Отв. Ред. Ф.А. Петровский – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958.
9. Утченко С.Л. Цицерон и его время. – М.: Мысль, 1986.
10. Цицерон М.Т. Речи: В 2 т. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. – Т.2.

ТЕМА 2. РИТОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ МАРКА ФАБИЯ КВИНТИЛИАНА

Прослеживание истории развития риторики убеждает нас в том, что риторические концепции и риторические идеалы той или иной эпохи во многом определяются условиями развития общества. Бурный всплеск общественной политической жизни в Древней Греции в IV в. до н.э. породил феномен Демосфена, страстного трибуна и политического деятеля; обострение политической борьбы в Древнем Риме в I в. до н.э. сопровождалось явлением ораторского гения Цицерона; в I в. н.э., в эпоху политического затишья в Риме, сопровождавшегося кризисом ораторского искусства, на небосклоне античного мира заблистало новое имя – **Марк Фабий Квинтилиан** (ок. 36 – ок. 100 гг. н.э.), который своё предназначение увидел в том, чтобы показать людям, как сохранить и приумножить достижения мастеров красноречия предшествующих эпох.

Получив прекрасное образование, отточив свой риторическое мастерство в адвокатской деятельности, Квинтилиан находит своё настоящее призвание как преподаватель риторики и с течением времени становится авторитетнейшим специалистом по искусству красноречия. Итогом его двадцатилетней педагогической деятельности в государственной риторической школе явилось сочинение “Образование оратора” (в научной литературе можно встретить и другие названия этого произведения), в котором были систематизированы и адаптированы к целям преподавания риторики выработанные на протяжении предшествующих эпох важнейшие положения науки о красноречии.

Исследователи этого риторического трактата сходятся во мнении, что ни до, ни после Квинтилиана не было создано риторических сочинений, которые были бы более значительными по своему объёму и более основательными в плане систематизации научного риторического знания, чем сочинение Квинтилиана. Причина того – необычайная тщательность теоретического анализа, предпринятого автором сочинения. Исследователь истории античной эстетики А.Ф.Лосев по этому поводу замечает: “Максимально формалистическая сознательность в рито-

рике и поэтике, на какую только была способна античная мысль, находится именно у Квинтилиана; и максимально чёткое чувство живого эстетического содержания этих форм содержится именно в этом “Ораторском наставлении”. Дальше этого античное искусствоведение не пошло” [5, с.505].

Риторический трактат “Образование оратора” состоит из двенадцати книг. Квинтилиан строго придерживается намеченного в предисловии плана изложения и прослеживает путь образования оратора от первых занятий с мальчиками в семье и у грамматика до тех ступеней в воспитании и образовании ратора, которые отражают стремление учеников приблизиться к риторическому идеалу, неразрывно связанному с понятиями нравственности и эстетического совершенства.

Обширен круг вопросов, которые поднимает в своём сочинении Квинтилиан, однако основное содержание трактата составляет теория ораторского искусства. Как педагог по призванию, Квинтилиан-теоретик не может ограничиться лишь констатацией идей предшественников, в своём трактате он рассуждает, уточняет, восхищается, иронизирует, советует. В риторических наставлениях Квинтилиан следует идеалам классической римской риторики и своей главной задачей считает подвигнуть общество к возвращению к этим идеалам.

Квинтилиана нельзя назвать новатором в области теории красноречия, тем не менее он существенно переосмысливает некоторые положения классической риторики. По-новому подходит Квинтилиан к определению риторики как науки. Он предлагает уйти от основной категории, которую в своё время поставили во главу риторического знания софисты, а затем и Аристотель в своём трактате “Риторика”. Речь идёт о категории убеждения. По мнению Квинтилиана, находить способы убеждения и убеждать могут и неискusstvenные в речах люди, создать же совершенную речь, то есть говорить хорошо, красиво, в соответствии с предметом речи и обстоятельствами могут лишь те, кто владеет искусством красноречия. Риторика призвана обучить этому искусству. Риторика вырабатывает правила, которым необходимо следовать, чтобы достичь высот ораторского искусства, а природа дарит талантливых личностей, которые соответственно со своей индивидуальностью должны применять эти правила не как догмы, а как ориентиры, позволяющие проявить самостоятельность.

Следуя традиции, Квинтилиан анализирует систему риторических знаний, опираясь на этапы риторического канона: изобретение, расположение, словесное оформление, память, произнесение. И здесь Квинтилиан проявляет гибкость. Его рекомендации не носят жёсткого характера. Как тонкий стилист, Квинтилиан понимает: на любом из этапов риторической деятельности нужна соразмерность действий оратора и сообразность с обстоятельствами. Излишества и крайности не приводят к успеху, принцип “*media via*”, или принцип золотой середины, для Квинтилиана является ведущим: “Изобилие должно иметь свои пределы, блеск – мужественную сдержанность, изобретательность должна быть разумна. Таким образом, речь станет длинной, но не чрезмерно; изысканной, но не вычурной, смелой, но не дерзкой; серьёзной, но не унылой; глубокой, но не тяжёлой; весёлой, радостной, но не легкомысленной, но не распущенной, но не многословной” [цит. по 2, с. 64].

Лучшими образцами речей Квинтилиан видит Цицероновские речи. “Небо послало на землю Цицерона... для того, чтобы дать в нём пример, до каких пределов может дойти могущество слова”, – пишет автор трактата. Апеллируя постоянно к Цицероновскому гению, Квинтилиан учит, как сделать речь изящной, приносящей удовольствие и удивление и в то же время сообразной с предметом и целью речи; какой слог предпочесть, учитывая личностные свойства, с одной стороны, оратора, с другой – слушателя; как идти к совершенству, обращаясь к изучению теории, образцам для подражания, упражнениям; как достичь вершины ораторского мастерства – умения выступать без подготовки.

Ориентируясь в своём трактате на систему Цицерона, Квинтилиан, тем не менее, многие положения этой системы подаёт через призму своего видения, обусловленного иными, чем при жизни Цицерона, условиями развития общества, и в соответствии со своей задачей – соединить проблемы риторики с проблемами воспитания и образования оратора. Этим объясняется наличие некоторых различий во взглядах на проблемы риторики Квинтилиана и Цицерона.

К сожалению, попытки Квинтилиана возродить лучшие традиции классической риторики в современном ему обществе оказались тщетны. Исследователь римской риторической прозы М.Л.Гаспаров замечает по этому поводу: “Как и всякий призыв “назад к классикам”, программа Квинтилиана обрекала литературу на бесплодное эпигонство” [1, с. 69]. Однако нельзя не оце-

нить по достоинству энциклопедический труд Квинтилиана. Великий римский теоретик красноречия не ошибся в главном, ибо его риторический идеал неразрывно связан с провозглашением необходимости всестороннего образования личности. Воспитание гармонично развитой личности, “достойного мужа, искусного в речах”, а не слепое следование риторическим правилам, является, по мнению автора трактата “Образование оратора”, истинным залогом процветания красноречия. Эти и многие другие ценные идеи, представленные в риторических наставлениях Квинтилиана, обусловили, по выражению А.Ф.Лосева, “поистине удивительное влияние” теории римского эстета живого слова в Европе эпохи Возрождения [5,с.492].

КВИНТИЛИАН

Правила ораторского искусства

Книга десятая

Сочинение Квинтилиана, посвящённое проблемам риторики, в оригинале названное “Institutio oratoria” (I в. н.э.), именуется по-разному: “Воспитание оратора”, “Образование оратора”, “Ораторское наставление”, “Риторические наставления” – в зависимости от того, какой из аспектов сочинения представляется для переводчиков и исследователей доминирующим. Впервые на русский язык риторический трактат Марка Фабия Квинтилиана был переведён в 1834 году членом Российской Академии А.С. Никольским под названием “Образование оратора или Марка Фабия Квинтилиана Двенадцать книг риторических наставлений”. В хрестоматии приведены фрагменты десятой книги сочинения Квинтилиана в переводе В. Алексеева. Этот перевод был издан в 1896 году под названием “Правила ораторского искусства”.

В десятой книге Квинтилиан рассуждает о пользе письменных и устных упражнений для начинающих ораторов, о том, как выработать хороший стиль, каким образом нужно обогащать себя знаниями и какие области наук должны представлять эти знания, какую пользу приносит чтение книг, а также каких авторов следует читать. Достаточно обширны в этой книге рассуждения автора о значении декламации, умении говорить экспромтом.

То, насколько актуальны рекомендации Квинтилиана и сейчас, вы можете определить, обращаясь к изучению приведённых в хрестоматии фрагментов его риторического сочинения

I. Вышеупомянутые правила, необходимые, правда, для знакомства с теорией предмета, не могут ещё сделать истинным оратором, если нет в своём роде прочного навыка [...] В таких случаях, насколько мне известно, часто спрашивают, приобретается ли он путём стилистических упражнений или путём чтения и произнесения речей.

Если бы мы могли быть удовлетворены одним из видов этих упражнений, мы должны были бы остановиться на нём более подробно; но все они связаны между собою так тесно, составляют такое целое, что, оставив без внимания одно, напрасно станем работать над остальными. Красноречие никогда не будет иметь ни энергии, ни мощи, если мы не станем черпать силы в стилистических упражнениях, как погибнут и наши труды, точно корабль без штурмана, раз у нас не найдётся образца для чтения. Затем человек, хотя и знающий, что говорить, и умеющий облечь свою мысль в надлежащую форму, но лишённый способности говорить на всякий случай, не готовый к этому, станет играть роль сторожа мёртвого капитала.

Тем не менее самое необходимое не всегда играет выдающуюся роль в деле воспитания будущего оратора. Бесспорно, профессия оратора основана главным образом на красноречии; он должен упражняться преимущественно в нём, – отсюда, очевидно, получило своё начало ораторское искусство, – второе место занимает подражание образцам и третье – усиленное упражнение в письме.[...] Моя цель – дать тому, кто выучился находить подходящие выражения и группировать их, указания, каким образом в состоянии он всего лучше применить к делу то, что усвоил.

Тогда может ли быть ещё сомнение, что ему необходимо запастись своего рода туго набитым кошельком и пользоваться им в случае надобности? – Я имею в виду богатый выбор выражений и слов. Но и эти выражения должны быть отдельными для каждого предмета и общими лишь для немногих, слова – отдельными для всякого предмета. Если бы для каждой вещи было своё слово, хлопот было бы, конечно, меньше, все они тотчас приходили бы на ум при одном взгляде на предмет; между тем одни из них удачнее, эффектнее, сильнее или звучат лучше других. Поэтому всех их следует не только знать, но и иметь под рукой [...]. Я, по крайней мере, знаю лиц, которые имеют привычку учить наизусть синонимы, чтобы легче выбирать из массы их какой-нибудь и, употребив один, брать, во избежание повторения, другой синоним,

если повторение необходимо сделать через короткий промежуток. Приём, во-первых, детский и скучный, во-вторых, мало полезный, – набирать лишь кучу слов, с целью взять без разбора первое попавшееся. Напротив, нам следует пользоваться богатым выбором слов умело, так как мы должны иметь пред глазами не рыночную болтовню, а настоящее красноречие, последнего же мы достигаем путём чтения или слушания лучших образцов. Тогда мы научимся не только называть, но и называть всего удачнее каждый из предметов.[...]

В некоторых случаях, однако, больше пользы в слушании, в других – в чтении. Оратор действует на нас своим собственным воодушевлением, возбуждает не только описанием, абрисом предмета, но и самим предметом. Всё в нём живёт и движется; мы слушаем что-то новое, как бы зарождающееся, и слушаем с удовольствием, соединённым с беспокойством. Мы боимся не только за исход процесса, но и лично за оратора. Затем голос, изящная, красивая жестикуляция в тех местах, где она необходима, далее декламация, – едва ли не самое важное в речи – вообще всё действует одинаково поучительно.

Читая, мы судим вернее, слушая же, часто отдаёмся на волю собственной симпатии или одобрительных криков других. Стыдно расходиться с ними во взглядах; своего рода молчаливая скромность не позволит нам верить больше себе, а между тем большинству нравится иногда дурное, в свою очередь, клика хвалит даже то, что не нравится никому. Бывает, обратно, что невежественная публика отказывается в заслуженном одобрении даже прекрасной речи. Чтение – свободно в суждениях; оно не летит так быстро, как речь, напротив, можно часто повторять отдельную фразу, если ты её не понимаешь или хочешь запомнить. Советую повторять прочитанное, вдумываясь в каждое слово. Пищу нам следует есть пережёванной, почти в виде кашицы, чтобы её легко переваривал желудок; так и прочитанное надо запоминать не в сыром, если так можно выразиться, виде, а в разжёванном, путём многократных повторений, как бы размягчённом, с целью взять потом себе за образец.

Долгое время мы должны читать исключительно лучших авторов, таких, которые всего менее способны обмануть оказываемое им доверие, читать внимательно и даже с такою тщательностью, как если бы ты сам писал книгу, разбирать всё сочинение не только по частям, а после прочтения книги следует приняться за неё снова, в особенности за речи, красоты которых нередко скрывают преднамеренно.[...]

Приступая к чтению, необходимо, однако, быть свободным от предубеждения, что каждое слово великого писателя носит на себе печать совершенства, – и они подчас теряют почву под ногами, и они выбиваются из сил, и они отдаются капризам своего таланта, не всегда энергичны, иногда устают. Цицерону кажется, что спит подчас Демосфен, а Горацию – даже сам Гомер. Правда, они гении, но они же и люди. Случается также, что те, кто считают законом для оратора всё, что находят в великих писателях, – подражают их ошибкам – что легче – и высшую степень сходства с великими людьми считают в том, что разделяют их недостатки. Но судить о великих людях следует скромно и осторожно, чтобы – как это бывает с очень многими – не отнестись строго к тому, чего не понимаешь, и, если нельзя не ошибиться в том или ином отношении, желаю, чтобы читателю скорей понравилось в их произведениях всё, нежели не понравилось многое.[...]

По словам Теофраста, чтение поэтов весьма полезно для будущего оратора. Многие разделяют этот взгляд, и вполне основательно. У поэтов можно заимствовать полёт мысли, возвышенный тон, всякого рода сильные аффекты, удачную обрисовку характеров. Приятное чувство, доставляемое чтением их, может действовать освежающим образом, в особенности на тех, кого утомляет ежедневная практика как юриста по профессии. На этом основании Цицерон считает чтение подобного рода – отдыхом.

Тем не менее необходимо помнить, что оратор не должен слепо подражать поэтам; например, в свободном выборе слов или вольности конструкции. Поэзией можно любоваться только издали.[...]

VII. Уменьше говорить экспромтом – лучший результат учения и своего рода самая богатая награда за долгие труды. Кто окажется не в состоянии приобрести его, должен, по крайней мере, по моему убеждению, отказаться от мысли о профессии юриста и своей единственной способности владеть пером найти лучше другое применение: человек честный едва ли может со спокойной совестью обещать свои услуги помочь общему делу, если не в силах оказать её в самую критическую минуту; он был бы похожим на порт, куда корабль может войти только при тихой погоде. Есть, между тем, масса случаев, когда оратору необходимо говорить экспромтом

– или перед магистратами или перед наскоро составленным трибуналом. Если это случится, – не говоря уже с кем-либо из невинных граждан, а даже с чьим-либо приятелем или родственником, – что ж, он должен стоять немым и, в то время как они ждут его спасительного слова и могут немедленно погибнуть, если им не помочь, – требовать отсрочки, возможности уединиться или тишины, пока мы подготовим свою “спасительную” речь, запишем и приведём в порядок свои лёгкие и грудь? Но какая теория может позволить какому-нибудь оратору когда-либо оставлять без внимания случайности? Что выйдет, если придётся отвечать противнику? – Часто то, что мы ожидали и против чего сделали письменные возражения, не оправдывает возлагаемых на него надежд; всё дело разом меняется, и, как шкипер меняет курс, смотря по направлению ветра, так адвокат меняет свой план в процессе, смотря по переменам в ходе этого процесса. Далее, что толку в усидчивых стилистических упражнениях, прилежном чтении и долгом курсе учения, если продолжают оставаться те же затруднения, как и вначале? Без сомнения, тот должен считать свои прежние труды пропавшими даром, кому приходится трудиться постоянно над одним и тем же. Я, впрочем, хлопочу не о том, чтобы будущий оратор отдавал предпочтение импровизациям, но о том, чтобы мог произнести их; это же достигается всего лучше следующим образом.

Во-первых, необходимо иметь представление о плане речи, – нельзя добежать до призового столба, не зная предварительно, в каком направлении и каким путём следует бежать к нему. Так мало и знать основательно части судебной речи или уметь правильно ставить главные вопросы, – хотя это весьма важно – нужно знать также, при всяком случае, что поставить на первом месте, что на втором и т.д. Связь здесь так естественна, что нельзя ничего переставить или выбросить, не внося дисгармонии. Но желающий построить свою речь методически, прежде всего, пусть возьмёт своего рода руководителем самый порядок вещей, поэтому люди, даже мало практиковавшиеся, очень легко умеют сохранить нить в своём рассказе. Далее, они должны знать, где что искать, не глазеть по сторонам, не сбиваться с толку не идущими к делу предложениями и вносить беспорядок в речь – чуждыми элементами, прыгая, если можно выразиться, то туда, то сюда и ни на минуту не останавливаясь на месте. Следует, кроме того, держаться меры и цели, чего не может быть без деления. Сделав, по мере возможности, всё предложенное, мы придём к убеждению, что покончили со своей задачей.

Всё это дело теории, дальнейшее – практики: приобретение запаса лучших выражений сообразно предписанным заранее правилам, образование слога, путём продолжительных и добросовестных стилистических упражнений, причём даже то, что случайно сходит с пера, должно носить характер написанного, и, наконец, долгие устные беседы при долгих письменных работах, – лёгкость дают преимущественно привычка и практика. Если их прервать хоть на короткое время, не только ослабевает прославленная эластичность, но становится неповоротливым и самый язык, – его сводит: хотя здесь необходима своего рода природная живость ума, чтобы в тот момент, когда мы говорим ближайшее, мы могли строить дальнейшее предположение и чтобы к только что сказанному примыкала заранее составленная фраза.[...]

По моему же мнению, не следует записывать того, что мы в состоянии сохранить путём запоминания, – иногда наша мысль невольно обращается к написанному, не позволяя попытаться счастья в импровизации. Тогда наш ум беспощадно начинает колебаться из стороны в сторону, так как он и забыл написанное, и не ищет нового.[...]

Печатается по изданию: Русская риторика: Хрестоматия / Авт.-сост. Л.К.Граудина. – М.: Просвещение, 1996. – С.30–37.

Вопросы и задания

1. В каких упражнениях, по мнению Квинтилиана, вырабатываются прочные риторические навыки? При подготовке к ораторской деятельности можно ли ограничиться каким-либо одним видом упражнений? Почему?
2. Как вы понимаете следующие слова Квинтилиана: “Бесспорно, профессия оратора основана главным образом на красноречии; он должен упражняться преимущественно в нём.[...]”?
3. Речь оратора произведёт хорошее впечатление, если её будет отличать не только содержательное разнообразие, но и богатство, разнообразие форм выражения мыслей. Богатство лексикона – одно из неперемных условий успеха оратора. Знание синонимов даёт возможность оратору и избежать ненужных повторов, и найти наиболее точное выражение мысли. Как

относится Квинтилиан к тому, что некоторые ораторы, пытаясь обогатить свой словарь, заучивают наизусть синонимы?

4. Что, по мнению автора трактата, наполняет речь живостью, что служит её движению? Почему аудитория порой начинает переживать за оратора? Можно ли это чувство аудитории назвать “сопереживанием”?

5. Почему Квинтилиан считает, что в некоторых случаях полезнее читать речи, чем слушать их исполнение? Как нужно читать образцовые речи?

6. Каким образом можно “подготовить” себя к выступлению экспромтом?

7. Найдите в сочинении Квинтилиана удачные сравнения, придающие речи особую убедительность.

Дополнительные задания и информация к размышлению

1. Проследившая историю развития педагогической риторики, А.К.Михальская отмечает, что рекомендации Квинтилиана, касающиеся проблем воспитания оратора, представляют для нас не меньший интерес, чем для его современников. На основе анализа приведённого ниже фрагмента трактата Квинтилиана, цитируемого по пособию А.К.Михальской “Педагогическая риторика: история и теория”, определите, какими личностными качествами, по мнению Квинтилиана, должен обладать педагог-ритор, занимаясь воспитанием будущих ораторов, а также какими чертами должно характеризоваться речевое поведение учителя в общении с учениками.

Пусть будут продолжительные беседы о нравственном и добром, ибо чем чаще будут увещевания, тем реже будет нужда в наказании. Пусть учитель не будет раздражителен и в то же время не потворствует тем, кто нуждается в исправлении. Пусть он будет прост в преподавании, терпелив в работе, более старателен, чем взыскателен.

Пусть охотно отвечает спрашивающим и пусть задаёт вопросы молчаливым. На похвалы он пусть не будет слишком скуп, но и не будет слишком расточителен, так как первое отнимает охоту к работе, а второе порождает беспечность. При исправлении того, что требует устранения, он не должен быть очень суров, а тем более бранчив. Ибо у многих создаётся отвращение к учителю благодаря тому, что выговоры некоторых учителей обращаются как бы в ненависть. Пусть он каждый день скажет ученикам что-нибудь такое, что у них навсегда осталось бы в памяти... Следует прежде всего, и именно при обучении мальчиков, избегать сухих учителей, подобно тому как сухая и лишённая влаги почва совершенно не подходяща для ещё нежных растений. От этого в детях зарождается сознание своего бессилия, и они как бы никнут долу [6, с.88].

2. Обращаясь к приведённым здесь материалам статьи М.Л.Гаспарова, а также к знаниям, которые вы получили в процессе изучения творчества Цицерона и Квинтилиана, составьте таблицу, в которой отразите различия в риторических концепциях этих двух теоретиков красноречия. В первой колонке таблицы укажите позиции, по которым наблюдаются расхождения во взглядах, во второй – мнение Цицерона, в третьей – Квинтилиана.

Само заглавие труда Квинтилиана должно напоминать Цицерона: он пишет не о красноречии, а об “образовании оратора” [...]. Но именно это старание Квинтилиана как можно ближе воспроизвести цицероновский идеал отчётливее всего показывает глубоко исторические различия между системой Цицерона и системой Квинтилиана. Цицерон [...] ратует против риторических школ, за практическое образование на форуме, где начинающий оратор прислушивается к речам современников, учится сам и не перестаёт учиться всю жизнь. У Квинтилиана, наоборот, именно риторическая школа стоит в центре всей образовательной системы, без неё он не мыслит себе обучения, и его наставления имеют в виду не зрелых мужей, а юношей-учеников; закончив курс и перейдя из школы на форум, оратор выходит из поля зрения Квинтилиана [...]. В соответствии с этим Цицерон всегда лишь бегло и мимоходом касался обычной тематики риторических занятий – учения о пяти разделах красноречия, четырёх частях речи и т.д., а главное внимание уделял общей подготовке оратора – философии, истории, праву. У Квинтилиана, напротив, изложение традиционной риторической науки занимает три четверти его сочинения (девять из двенадцати книг – это самый подробный из сохранившихся от древности риторический курсов), а философии, истории и праву посвящены лишь три главы в последней книге, изложенные сухо и равнодушно и имеющие вид вынужден-

ной добавки. Для Цицерона основу риторики представляет освоение философии, для Квинтилиана – изучение классических писателей; Цицерон хочет видеть в ораторе мыслителя, Квинтилиан – стилиста. Цицерон настаивает на том, что высший судья ораторского успеха – народ; Квинтилиан в этом уже сомневается и явно ставит мнение литературно искушённого ценителя выше рукоплесканий невежественной публики. Наконец – и это главное – вместо цицероновской концепции плавного и неуклонного прогресса красноречия, у Квинтилиана появляется концепция расцвета, упадка и возрождения – та самая концепция, которую изобрели когда-то греческие аттицисты, вдохновители цицероновских оппонентов. Для Цицерона золотой век ораторского искусства был впереди, и он сам был его вдохновенным искателем и открывателем. Для Квинтилиана золотой век уже позади, и он – лишь его исследователь и ретрактор. Путь вперёд больше нет: лучшее, что осталось римскому красноречию – это повторить пройденное [1, С. 68].

3. Сравните слог риторических трактатов Цицерона и Квинтилиана. Сказывается ли каким-либо образом на стиле изложения то, что один из теоретиков красноречия был профессиональным адвокатом и политиком, а другой – преподавателем, педагогом? Можно ли на основании анализа языка и содержательных аспектов упомянутых риторических сочинений сделать вывод, что эти сочинения разделяет целое столетие?

Литература

1. Гаспаров М.Л. Цицерон и античная риторика // Цицерон М.Т. Три трактата об ораторском искусстве. – М.: Наука, 1972.
2. Граудина Л.К., Кочеткова Г.И. Русская риторика. – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2001.
3. Кохтев Н.Н. Основы ораторской речи. – М., 1992.
4. Кузнецова Т.И., Стрельникова И.П. Ораторское искусство в древнем Риме. – М.: Наука, 1976.
5. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм. – М.: Искусство, 1979.
6. Михальская А.К. Педагогическая риторика: история и теория: Учеб. пособие для студ. пед. университетов и институтов. – М.: Издательский центр “Академия”, 1998.
7. Рождественский Ю.В. Теория риторики. – М.: Добросвет, 1999.
8. Русская риторика: Хрестоматия / Авт.-сост. Л.К.Граудина. – М.: Просвещение, 1996.
9. Тронский И.М. История античной литературы. – М.: Высш. школа, 1983.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Классицизм	4
Тема 1. Развитие искусства диалектического диалога в Древней Греции	4
Тема 2. Категории “прекрасное” и “постыдное” в древнегреческом красноречии	14
Тема 3. Категории “справедливое” и “несправедливое” в древнегреческом красноречии	20
Тема 4. Категории “польза” и “вред” в древнегреческом красноречии	31
Тема 5. Фигура Демосфена в древнегреческом красноречии	41
Тема 6. Теоретическое обобщение опыта древнегреческих ораторов: “Риторика” Аристотеля	66
Эллинистическо-римский период развития риторики	86
Тема 1. Марк Туллий Цицерон – выдающийся практик и теоретик красноречия в Древнем Риме	86
Тема 2. Риторическая концепция Марка Фабия Квинтилиана	111
Содержание	119

Учебное издание

Ничипорчик Елена Владимировна

**История риторики.
Античный период**

Хрестоматия

Лиц. ЛВ № Подписано в печать Формат 60x84 1/16. Бумага писчая № 1 Гарнитура “Таймс”
Усл.п.л. Уч.-изд.л. Тираж Заказ №

Учреждение образования “Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины”.
246699, г.Гомель, ул. Советская,104.

Отпечатано на ризографе учреждения образования “Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины”. 246699, г. Гомель, ул. Песина,80.